

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 8

**АВГУСТ
1936**

3-й экз.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

И. Рабинович

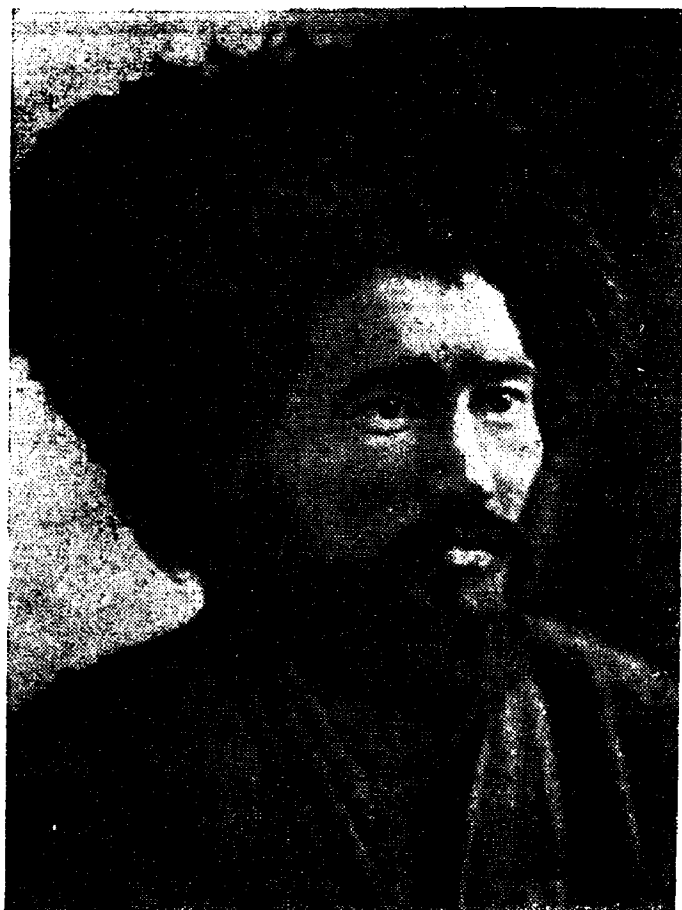
ЗАВОЕВАНИЕ ТУРКМЕНИИ ЦАРСКИМИ ВОЙСКАМИ (1883—1885 гг.)

1

Хивинское, Кокандское и Бухарское ханства и восточное побережье Каспийского моря давно были предметом особых вожделений русских генералов, помещиков и купцов. Планы захвата этих ханств русским самодержавием вели к необходимости покорения туркменских племен, занимавших территорию нынешней Туркмении, южной части Хивинского ханства и значительной части Бухарского ханства (по среднему течению реки Аму-Дарья). Уже с начала XVIII века русским царизмом предпринималось немало шагов для подготовки завоевания этой территории. К середине XIX века владения царской России подошли вплотную к границам Хивы, Коканда и Бухары. К этому времени было окончательно завершено присоединение к России необъятных Казахских степей. Крах ближневосточной политики русского самодержавия, направленной к захвату Константинополя и проливов, поражение царской России в Крымской войне (1853—1855 годы) — все это привело к новой ориентации завоевательной политики царской России на Востоке.

Завоевание Средней Азии имело большое значение для господствующих классов России: оно открывало новый, обширный рынок сбыта для изделий русской промышленности и создавало перспективу приобретения собственной сырьевой базы для текстильной промышленности. Кроме того за счет завоеванных областей можно было увеличить помещичье землевладение, а путем заселения этих областей русскими поселенцами несколько ослабить борьбу крестьян за передел помещичьих земель. Завоевание Средней Азии приблизило бы также Россию к владениям Англии, к ее важнейшей колонии — Индии, что значительно укрепило бы позиции России по отношению к Англии, продвижение которой в Афганистан и борьба против России в Бухаре и Персии еще больше усиливали активность царской политики на Востоке.

Наконец, дополнительным поводом к ускорению продвижения царских войск в Среднюю Азию явился недостаток хлопка, вызванный гражданской войной в Северной Америке. Отсутствие сырья привело к закрытию значительного числа прядильных и ткацких фабрик в России: из 57 работавших в 1860 году бумагопрядилен в 1863 го-

Туркмен. Дореволюционный период.

ду работали лишь 35, а из 659 ткацких фабрик работали лишь 338¹.

В начале 60-х годов начинается усиленное наступление царских войск на Среднюю Азию. К концу 60-х годов Кокандское ханство было уже завоевано и присоединено к России. В 1868 году царскими войсками была захвачена и присоединена к России значительная часть Бухарского ханства с городом Самаркандом, а часть Бухары была оставлена в качестве вассального, зависимого от России государства. Заключенный между Россией и Бухарой договор обеспечивал фактически монополию русских купцов на внешнюю торговлю Бухары. В некоторых пунктах Бухары были размещены русские гарнизоны, охранявшие господство России над Бухарой. Эмиру Бухарскому даже не было предоставлено право непосредственного сношения с царским правительством: по всем вопросам он мог вести переговоры только с туркестанским генерал-губернатором. Самостоятельность эмира стала совершенно фиктивной.

В 1873 году царскими войсками был предпринят поход против столицы Хивинского ханства — города Хивы. Хи-

винский хан оказался неспособным организовать отпор. Несколько неудачных мелких стычек с русским отрядом настолько испугали его, что он поспешно делегировал уполномоченных к генералу Кауфману с заявлением о полной сдаче.

29 мая 1873 года Хива была занята царскими войсками.

Однако генерал Кауфман не удовлетворился этим. Он поставил перед собой задачу — разгромить туркменскую наемную гвардию, составлявшую основную костяк армии хивинского хана, опираясь на которую он держал в повиновении свой собственный народ, и тем самым превратить этого восточного деспота в покорного слугу русского царизма.

Есть основания полагать, что и сам хивинский хан подталкивал к расправе с туркменами: он предпочитал охрану русского царя своевольной и подчас опасной для него туркменской гвардии.

Генерал Кауфман, который без особых затруднений добился полной капитуляции хивинского хана, решил показать свою «доблесть» по отношению к туркменским племенам. Раньше всего он наложил на них контрибуцию в 300 тысяч рублей (по другим данным, 600 тысяч рублей). Но не успели еще царские сатрапы приступить к сбору контрибуции, как Кауфман двинул в туркменские аулы два хорошо вооруженных карательных отряда. В предписании начальнику карательного отряда генералу Головачеву Кауфман написал:

«Если ваше превосходительство усмотрит, что иомуды² не занимаются сбором денег и собираются с целью дать отпор войскам, а может быть, откочевать, то я предлагаю вам тотчас же двинуться в кочевья иомудов, расположенные по Газаватскому арыку³ и его ответвлениям, и предать эти кочевья иомудов и семьи их полному, совершенному разорению и истреблению, а имущество их, скот и проч. конфисковать»⁴.

² Иомуды — одно из туркменских племен.

³ Арык — оросительный канал.

⁴ Терентьев «Завоевание Средней Азии». (Подчеркнуто мною. — И. Р.).

¹ Масальский «Хлопковое дело в Средней Азии и его будущее», стр. 10. СПб. 1892.

Генерал Головачев взялся за исполнение этого предписания с исключительным рвением. 9 июля он напал на большой мирный караван туркменов и загнал его в реку. Тех, кто не утонул, убивали на берегу. Убито было много стариков, женщин и детей. Скот и арбы были конфискованы. Головачев, однако, не удовлетворился этой «победой»: все дома, пожитки и даже хлеба туркменов на расстоянии версты вправо и влево от пути следования отряда были сожжены.

Разбой и грабеж царского генерала вызвали сильнейшее возмущение среди туркменов. Они героически сопротивлялись царским войскам и дрались с исключительным мужеством. Но эти бои были явно неравными, так как на стороне царских войск был большой перевес сил. К тому же царские войска были вооружены современной артиллерией и хорошими ружьями; у туркменов же пушек совсем не было, и только часть их была вооружена устарелыми, фитильными самопалами. Естественно поэтому, что несмотря на свою отвагу туркмены вынуждены были после пятидневных боев, потеряв свыше 1300 человек убитыми, сдаться на «милость победителя».

Несмотря на огромные убытки от пожарищ, устроенных Головачевым, несмотря на то что во время боев у туркменов было отнято свыше 5 тысяч голов скота и 3 тысячи арб с различным имуществом, от них все же потребовали внесения новой контрибуции в 12-дневный срок. Туркмены смогли собрать только третью часть требуемой суммы, отдав для этого своих верблюдов, все женские украшения и т. д. Разорение туркменов было настолько явным, что и сам Кауфман должен был удовлетвориться собранной суммой, взяв все же заложников в счет обеспечения уплаты остальной суммы.

После разбойничьей, дикой расправы над туркменами генерал Кауфман приступил к заключению договора с Хивой. 12 августа между Россией и Хивой был подписан договор, по которому Хива теряла всякую самостоятельность. Без разрешения местной русской власти хивинский хан не мог ни заключать договоров с соседними

Туркменка. Дореволюционный период.

государствами, ни объявлять им войны. Все хивинские земли по правому берегу Аму-Дарьи перешли к России. По Аму-Дарье могли ходить только русские суда, а хивинские и бухарские суда допускались к плаванию только с разрешения русских властей. Русские купцы получили право свободной торговли во всем ханстве, им отводились участки земель для постройки складов, они освобождались от всяких пошлин и повинностей. Претензии хивинцев к русским подданным могли рассматриваться только русскими властями и т. д. Кроме того хан обязался вернуть России расходы, понесенные ею при завоевании Хивы, определенные в сумме 2200 тысяч рублей. Уплата этих денег была рассрочена на 20 лет.

Таковы основные пункты кабального договора, продиктованного Кауфманом хивинскому хану. В качестве свидетельства царской гуманности в договоре красовалось требование запрещения работорговли и отпуска на волю всех рабов. В действительности это требование было продиктовано заинтересованностью царской России в прекращении набегов кочевников на фактически присоединенную к России

Хиву, откуда раньше черпались пленники для продажи на рынках Персии и Бухары.

Хивинский хан стал, по существу, русским надзирателем в присоединенной к России Хиве, сборщиком дани для русской казны, охранителем интересов русских купцов.

2

С покорением Хивы на очередь встал вопрос о завоевании Закаспия. Присоединение закаспийских предгорий и равнин, населенных туркменами, должно было завершить завоевание всей Средней Азии. Закаспий представлял исключительный интерес для царского правительства: присоединение этой огромной территории к России значительно усиливало ее стратегические позиции на севере Персии и северозападе Афганистана, тем самым усиливая ее внешнеполитические позиции не только по отношению к этим странам, но и по отношению к Англии. Завоевание Закаспия превращало, по существу, Каспийское море во внутреннее море России. Богатства Челекена и Нефтедага нефтью, а Карабугаза глауберовой солью уже хорошо были известны. Обширный край представлял интерес и в отношении заселения его русскими крестьянами, тем более, что в планы царского правительства входила также колонизация северной Персии. Наконец, завоевание Закаспия окружало цепью русских владений «самостоятельные» Хивинское и Бухарское ханства.

Подготовительная работа к завоеванию Закаспия велась уже давно. На восточном побережье Каспийского моря был построен Форт-Александровский (на Мангишлаке), а на острове Ашур-Аде в 40-х годах создана Астрабадская военно-морская станция.

В ноябре 1869 года высадившийся на восточном берегу Каспийского моря отряд полковника Столетова положил начало основанию города Красноводска. В 1869—1870 годах отряд Столетова произвел рекогносцировку пути до Кизил-Арвата, а в 1871—1872 годах отряд подполковника Морозова произвел рекогносцировку пу-

ти до Сарыкамыша и Балхан, Атрека, Гасан-Кулийского залива и Кизил-Арвата. Все разведки сопровождались грабежами. Особенно усердствовал в этом отношении Морозов. При походе на Кизил-Арват он грабил все попадавшееся на пути: у Чикишияра им было отобрано у туркменов 270 верблюдов и большое стадо баранов; при налете на Беурме сожжено 1200 кибиток, а имущество и скот отобраны. За одну только декаду — с 1 по 10 марта 1872 года — отрядом Морозова было захвачено около 3 тысяч верблюдов.

В 1874 году царским правительством было организовано так называемое Управление закаспийским военным отделом. Начальник отдела генерал Ломакин обратился к туркменским старейшинам и ханам с предложением прислать представителей в Красноводск. Ответное письмо, подписанное кизиларватским Софи-ханом, носило уклончивый характер. В 1877 году генерал Ломакин предпринял поход для захвата Ахалтекинско-го оазиса, но под Кизил-Арватом он натолкнулся на сопротивление туркменов, вынудившее его отступить. Таким же поражением закончился его повторный поход в 1878 году. В 1879 году в Красноводск прибыли значительные подкрепления. Ставший во главе царских войск генерал Лазарев вновь предпринял шаги для подкупа туркменских ханов. На этот раз ему удалось подкупить Софи-хана и Тыкма-Сердара. Последнему было назначено ежемесячное жалованье в 100 рублей золотом, а его сыну Аквердыхану — 50 рублей золотом в месяц. Когда стала известна измена Тыкма-Сердара, текинская конница разграбила аулы Беурме и Арчман, заселенные родом, к которому он принадлежал. Узнав об этом, Тыкма-Сердар и Софи-хан после нескольких месяцев пребывания в лагере Лазарева бежали отсюда.

В это время в Ахале заседал маслахат — совещание ханов и родовых вождей ахальских текинцев. Тыкма-Сердар явился на маслахат, принес извинение за свое поведение и просил прощения. Маслахат удовлетворился его объяснениями и поручили его организацию отрядов для борьбы с цар-

В саду туркмена.

Дореволюционный период.

скими войсками. На этом же масле-хате обсуждался вопрос о методах борьбы с завоевателями. Было решено не сопротивляться продвижению царских войск, всем жителям оазиса оставить свои аулы и собраться в местечке Геок-Тепе в крепости Денгиль-Тепе, под стенами которой и дать решающий бой царским войскам. Крепость Денгиль-Тепе, расположенная около аула Геок-Тепе, представляла собой большое поле, окруженное со всех сторон глинобитной стеной шириной примерно в 4 метра, вышиной в 5—6 метров и длиной по окружности около 3—4 километров. Крепостная стена была окружена рвом. По представлениям туркмен, незнакомых с современной артиллерией, подобная крепость представляла собой мощную защиту для обороняющихся. Быстрый марш царских войск в летнюю жару по песчаным пустыням Туркмении должен был их значительно ослабить.

Генерал Лазарев попался в военную ловушку: встречая на всем пути оставленные аулы и убедившись, что туркмены идут только на мелкие стычки, он решил, что завоевание Ахала не будет представлять больших трудностей. Когда же отряд генерала Лазарева, утомленный переходами и ослабленный дезорганизацией транспорта,

подвергавшегося частым нападениям туркменских отрядов, подошел к Геок-Тепе, туркмены напали на отряд и в ожесточенном бою разгромили его. Царские войска обратились в бегство. Поражение отряда Лазарева было настолько значительным, что его части были вскоре вывезены из Красноводска на Кавказ.

Впервые за весь период завоевания Средней Азии царским войскам был нанесен столь сокрушительный удар. Поражение царских войск произвело большое впечатление во всей Средней Азии и нанесло сильный удар престижу царских войск. Царское правительство приняло решение о подготовке нового похода на Ахал, чтобы примерно наказать туркмен и закрепить свои завоевания в Средней Азии.

Во главе вновь предпринятого военного похода был поставлен генерал Скобелев, прославившийся на весь мир своей разнузданностью, зверством и жестокостями при завоевании Кокандского ханства. Начальником штаба экспедиционного отряда был назначен полковник Гродеков, который в секретном докладе в главный штаб в 1879 году писал, что надлежащий результат в борьбе с туркменами получится только тогда, когда против текинцев будут действовать так, «как действовали против ио му-

дов туркестанские войска в 1873 году, т. е. беспощадно истребить все попадавшееся на пути и наложить на оставшихся от погрома тяжелую контрибуцию лошадьми и отчасти деньгами. Это будет одно из самых человечеклолюбивых дел нашего императора... Туркмены—это черное пятно на земном шаре, это стыд человечеству, которое их терпит... Приказ генерала Кауфмана об истреблении иомудов есть, по моему мнению, самый человечеклолюбивый акт...»¹.

Назначение Гордеков начальником штаба войск, посланных для завоевания Туркмении, означало не что иное, как полное одобрение царским правительством разбойничьих планов полковника.

План военных действий нового похода на туркменов на этот раз был составлен с исключительной осторожностью. Были пущены в ход все средства. Войска были вооружены до зу-

бов, причем особое внимание было обращено на формирование сильной артиллерии и на заготовку очень большого количества боеприпасов. По всему побережью Каспийского моря от Мангишлака до Атрека у кочевого и оседлого населения были конфискованы верблюды для перевозки грузов царской армии и насильно взяты проводжаты к ним. Заготовки продовольствия и закупка верблюдов велись также в Астрабадской провинции Персии. В то же время под давлением России персидское правительство запретило туркменам закупать продовольствие в Персии. Одновременно началось строительство железной дороги от побережья Каспийского моря, которая постепенно была доведена до Кизил-Арвата. Усиленно используя родовую и племенную вражду, Скобелев подкупал и привлекал на свою сторону некоторых иомудских и голкленских² ханов, чем значительно ослабил сопротивление продвижению отрядов. Учитывая печальный опыт экспедиции генерала Лазарева, Скобелев продвигал свои отряды с большой

¹ Терентьев «Завоевание Средней Азии». Т. II, стр. 280.

² Туркменское племя

Туркменские парламентары отклоняют требование русских о сдаче.

С картины Верещагина.

медлительностью и осторожностью, строя на всем пути укрепления для охраны тыла наступающих войск, создавая большие резервы продовольствия и боеприпасов. Скобелев снаряжал военные транспорты только под сильной охраной и всячески избегал кавалерийских стычек с партизанскими отрядами туркменов, признавая преимущество туркменов в кавалерийской атаке.

Иомуды и гоклены были ослаблены скобелевской агентурой, разжигавшей межродовую и межплеменную борьбу. Кроме того их силы были уже значительно истощены систематическим грабежом царских разведывательных отрядов. Они не в силах были оказывать открытое противодействие царским войскам, численно превосходившим их и располагавшим к тому же сильными укреплениями (Красноводск, Чикишляр). Текинцы пытались усилить активность гокленов и иомудов, прибегая для этого к политически ошибочному мероприятию: они ставили им ультимативные требования о немедленном выступлении против царских войск, а не подчинявшиеся аулы подвергали разграблению. Само собой разумеется, подобная тактика только усиливала племенную рознь и помешала сплочению туркменских племен для борьбы с царскими войсками. Чтобы избавиться от постоянных насильственных мобилизаций верблюдов и вожатых к ним, иомуды и гоклены откочевали в Персию.

Когда туркменам стал известен большой размах военно-подготовительных мероприятий Скобелева и значительность его сил, в Геок-Тепе вновь был созван маслахат. На маслахате некоторые ханы (хан Мамед-Аталык из рода Сычмаз, Ораз-Мамедхан из рода Бек) попытались было выступить с предложением пойти на мировую со Скобелевым. Это предложение вызвало такое возмущение среди присутствовавших, что их с трудом удержали от расправы над ханами. Решено было оказать царским войскам упорное сопротивление, прибегнув к старому, испытанному средству. Руководители обороны вновь собрали всех жителей Ахала в Геок-Тепе. Рядом с ней текинцы начали спешно строить новую крепость, Янги-Кала,

Тырма-Сердар. 1880—1881 годы.

обеспечивавшую доступ воды в Геок-Тепе. Для руководства обороной был выбран штаб из четырех человек.

Повторение прежней тактики на этот раз оказалось роковой ошибкой. Положение резко изменилось. Скобелев знал уже хорошо на основании данных экспедиции Лазарева весь маршрут до Геок-Тепе и сделал все соответствующие выводы.

Скобелев больше всего хотел, чтобы туркмены повторили именно прежнюю тактику обороны за стенами Геок-Тепе, так как обилие артиллерии и взрывчатых веществ в его отряде гарантировали захват этой крепости.

В течение всего лета и осени 1880 года туркмены вели партизанскую войну против войск Скобелева. Широкого размаха, однако, эта война не приняла, сведясь исключительно к мелким стычкам и нападениям на военные транспорты. Без единого серьезного боя царские войска продвинулись до Бами, который был занят 31 мая 1880 года и превращен в укрепленную и тщательно охраняемую базу всех дальнейших операций отряда Скобелева. 1 июля начались рекогносцировочные бои под Геок-Тепе. До ноября продолжалась концентрация вооруженных сил, боеприпасов и продовольствия под Геок-Тепе. 12 ноября на

помощь Скобелеву вышел большой отряд туркестанских войск под командой полковника Куропаткина. 8 декабря этот отряд пришел в Бами и соединился с войсками Скобелева. 17 ноября отряды Скобелева перешли в общее наступление. Таким образом, Скобелев создал до перехода в наступление решающий перевес сил. В течение всего этого времени войска Скобелева совершали жестокие насилия над мирными жителями. Так например отряд полковника Эрастова застал жителей аула Беурме за уборкой хлебов. По беззащитному мирному населению был открыт орудийный огонь. «Победители» сожгли весь убранный хлеб.

Концентрация Скобелевым больших сил под Геок-Тепе вызвала серьезные разногласия в среде защитников крепости: одни высказывались за активизацию борьбы с царскими войсками, другие предпочитали продолжать выжидательную тактику. Споры эти продолжались до начала осады Геок-Тепе и отчасти даже во время осады. Все же в октябре — ноябре активность туркменских отрядов усилилась: уже в значительно больших масштабах они производили нападения на отдельные части царских войск, пытались прорвать их фронт, зайти им в тыл. Одновременно защитники Геок-Тепе обратились за помощью к мервским текинцам. Из Мерва 21 декабря прибыл вспомогательный отряд в 2 тысячи всадников под командой Каджар-Токез-хана.

Чтобы парализовать действия туркменских партизанских отрядов, Скобелев распорядился засыпать ряд колодцев в округности — таким образом было образовано безводное пространство радиусом в 100 километров. После очень длительной подготовки и сокрушительного артиллерийского обстрела войска Скобелева 20 декабря штурмом взяли крепость Янги-Кала. Захват этой крепости давал возможность Скобелеву отвести воду из Геок-Тепе и тем самым быстро вынудить защитников крепости к сдаче. Скобелев решил, однако, к этому средству не прибегать: подобная победа не сулила ему лавров «доблестного» завоевателя, а мирная сдача Геок-Тепе затруднила бы осуществление его дав-

нишней мечты — истребления туркмен.

23 декабря началась осада Геок-Тепе. Туркмены держались очень стойко, проявляя чудеса храбрости и отваги. В защите крепости участвовало поголовно все население. Женщины носили воду бойцам, готовили и приносили им пищу, ухаживали за ранеными. Дети собирали пули, осколки ядер и таскали их к кузнецам, которые день и ночь изготовляли и чинили оружие, патроны, лили ядра. Все мужчины — от подростков до стариков — все время находились у крепостного вала. Интересно отметить, что среди 45 тысяч защитников крепости не нашлось ни одного изменника: все — от мала до велика — принимали посильное участие в борьбе. Героический характер народной борьбы против завоевателей, сплоченность рядов отважных защитников Геок-Тепе вынуждены были признать и враги. Начальник штаба царских войск Гродеков впоследствии писал: «За все время войны с текинцами мы не имели ни одного лазутчика из их среды...»¹.

Соотношение сил было явно невыгодным для туркмен. Артиллерии, если не считать одной медной и двух чугунных пушек небольшого калибра, у них совсем не было. Ружей было всего около 5 тысяч, из них только 600 скорострельных, а остальные устаревших систем, большей частью фитильные самопалы. Количество боеприпасов было крайне ограничено. Войска же Скобелева были вооружены ружьями нового образца и располагали значительным количеством пушек различных калибров, запасы боеприпасов их были неограниченны.

Несмотря на такое соотношение сил защитники Геок-Тепе продолжали держаться очень стойко. Ночью 28 декабря отряд под руководством Тыкма-Сердара сделал вылазку и произвел нападение на Апшеронский полк. В ожесточенной схватке туркмены дрались с исключительной отвагой. В результате Апшеронский полк понес большие потери, потерял полковое знамя и орудие. Героическое нападение туркмен произвело настоящий

¹ Гродеков «Война в Туркмении». Т. I, стр. 58. СПб. 1883.

переполох в лагере Скобелева. Весь отряд охватило состояние удрученности и растерянности. Чтобы преодолеть эти настроения, Скобелев решил ускорить штурм Геок-Тепе. С этой целью были усилены работы по подведению подкопа под крепостную стену. Защитники крепости наблюдали за работами по подкопу, но помешать за отсутствием артиллерии не могли.

12 января крепостная стена была взорвана, и при поддержке сильного артиллерийского огня отряд Скобелева бросился на штурм Геок-Тепе. Растерянность защитников крепости, вызванная взрывом крепостной стены и меткой артиллерийской стрельбой, облегчила взятие крепости. Все же значительная часть осаждаемых с таким упорством дралась до последней минуты, что царские войска потеряли свыше 400 человек убитыми.

Трудно описать те ужасы, которые выпали на долю отважных защитников крепости. За несколько дней до штурма из Геок-Тепе началась постепенная эвакуация женщин и детей. В первую очередь вывозили свои семьи и имущество наиболее состоятельные, располагавшие транспортом туркмены. После взрыва началось паническое бегство, во время которого лишь небольшому количеству людей удалось спастись. Все захваченные в крепости были вырезаны вне зависимости от пола и возраста: старики, дети, женщины и мужчины, здоровые и раненые. Всего было убито около 20 тысяч человек. Лишь немногим женщинам и детям удалось спасти свою жизнь, когда озверевшие, натравливаемые своим начальством войска уже устали убивать и занялись грабежом.

Скобелев разрешил своим войскам в течение четырех дней беспрепятственно грабить имущество защитников крепости. О размерах этого жестокого погрома и грабежа можно судить по тому, что после четырехдневного грабежа остатки имущества, отобранные в пользу казны, были оценены в 6 миллионов с лишним рублей. Забрано было все: повозки, ковры, кошмы, одежда, женские украшения, продовольствие, посуда и т. д.

Гродеков впоследствии писал, что Скобелев, готовя заранее погром, просил главный штаб не посылать к

Генерал Скобелев. Карикатура Ю. Цишевского.

нему офицеров, которые не согласны с подобными рода экзекуциями над мирным населением. «Погром был полный, — писал он, — именно такой, какой должен быть в Азии! Погром был именно в таких размерах, о которых Скобелев мечтал еще в Петербурге: он поразил не только воображение уцелевших взрослых, но, наверно, останется в памяти будущих поколений. Погром должен был быть и в том случае, если бы Геок-Тепе сдался до штурма...»¹.

Царские генералы добились своей цели: память о кровожадной, зверской расправе над героическими защитниками Геок-Тепе живет и поныне, поныне жива еще жгучая ненависть к царским палачам, которые залили кровью туркменские аулы и превратили свободных туркмен в колониальных рабов русского самодержавия.

¹ Гродеков «Война в Туркмении».

Взятие штурмом крепости Геок-Тепе.

О картины А. Руба.

3

После падения Геок-Тепе царские войска быстро заняли весь Ахал-Текинский оазис. При приближении русских войск охваченное ужасом население поголовно — от мала до велика — бежало в пески. 18 января был занят Ашхабад. Началось настоящее полонничество в Ашхабад туркменских ханов, из'являвших свою покорность и готовность служить завоевателям. Ханов принимали милостиво, одаряли их подарками. Так например, когда в Ашхабад прибыл хан Тыкма-Сердар, Скобелев наградил его ценными подарками и направил во главе целой группы ханов в Петербург представляться царю. Царь наградил Тыкма-Сердара чином майора милиции и зачислил на русскую службу в администрацию завоеванной Туркмении. Чин майора милиции получил также Махтум-Кули-хан. Многие другие ханы украсили себя офицерскими эполетами, купленными ценою предательства туркменского народа. Вместе с чинами ханы стали получать жалованье из царской казны. Так началась смычка завоевателей с ханской верхушкой, смычка, имевшая целью без-

жалостную эксплуатацию вновь приобретенной колонии и неограниченный грабеж туркменского народа.

Заигрывание с ханами было тем более необходимо, что предстояло еще завоевание Мургабского оазиса. Резкое ухудшение отношений между Россией и Англией, явившееся результатом продвижения русских войск в Среднюю Азию, помешало царскому правительству сразу занять Мургабский оазис. В течение долгого времени, вплоть до 1885 года, Россия была на волосок от войны с Англией. Ленин впоследствии писал, что в то время «...Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»¹.

Пришлось выждать некоторое время. Этой передышкой царские генералы воспользовались для подкупа ханов и «мирного» присоединения Мерва, а также нажима на Персию с тем, чтобы предотвратить ее вмешательство в дело присоединения Мургабского оазиса к России. В переговорах с мервскими ханами активную роль

¹ Ленин. Соч. Т. XIX стр. 281—282.

играла вновь испеченные офицеры русской службы Тыкма-Сердар и Махтум-Кули-хан. Мервские ханы готовы были признать власть России, но натолкнулись на исключительно упорное противодействие подавляющего большинства населения.

В декабре 1883 года к Мерву были двинуты царские войска. В штабе отряда находились Махтум-Кули-хан и Тыкма-Сердар. 1 января 1884 года ханша Гуль-Джамаль созвала широкое собрание ханов и старшин туркменских племен и родов Мервского оазиса. На этом совещании (на котором присутствовал и Махтум-Кули-хан) было принято решение присоединиться к России. Однако это решение вновь вызвало сопротивление со стороны населения оазиса. Царскому правительству пришлось послать дополнительные войска против Мерва, который вследствие измены ханов был занят после непродолжительных боев.

Мервские ханы написали клятвенное обещание верой и правдой служить русскому царю. В этом письме они открыто признавали: «Уже несколько времени тому назад мы желали подчиниться воле вашей, но при всех стараниях не могли склонить к тому своих воров».

Весной 1885 года иолотанское племя сарыков признало власть России, за что вождь этого племени Сары-

хан был назначен иолотанским приставом. Весной же 1885 года русские войска заняли и присоединили к России Пендинский оазис.

Так закончилось завоевание Туркмении царской Россией. Свободолюбивый и отважный туркменский народ оказался в тюрьме народов.

* * *

Великая октябрьская социалистическая революция разбила цепи колониальной эксплуатации туркмен и навсегда освободила свободолюбивый туркменский народ из-под власти царских сатрапов и местных феодалов — агентов российского самодержавия. С тех пор Туркмения, на основе ленинско-сталинской национальной политики и при поддержке русских пролетариев, превратилась в образцовую социалистическую республику у ворот колониального Востока.

Героический, легендарный переход отважных туркменских конников из Ашхабада в Москву с рапортом великому вождю народов товарищу Сталину свидетельствует еще раз о мощи нашей социалистической родины, о небывалом росте благосостояния трудящихся некогда отсталых республик, о тесной и неразрывной дружбе народов нашего необъятного Советского союза под великим непобедимым знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина

КИРГИЗСКАЯ АССР

1

Территория, занимаемая Киргизской автономной республикой, превышает территории Австрии, Голландии, Бельгии и Швейцарии, вместе взятых. Киргизская АССР — это живописная горная страна, богатая альпийскими лугами, ореховыми и хвойными лесами, бурными потоками, залежами каменного угля, железа, свинца, меди, сурьмы, радия и другими ископаемыми.

Полуторамиллионное население республики состоит на три четверти из киргизов, остальные — русские, украинцы, узбеки, уйгуры и др.

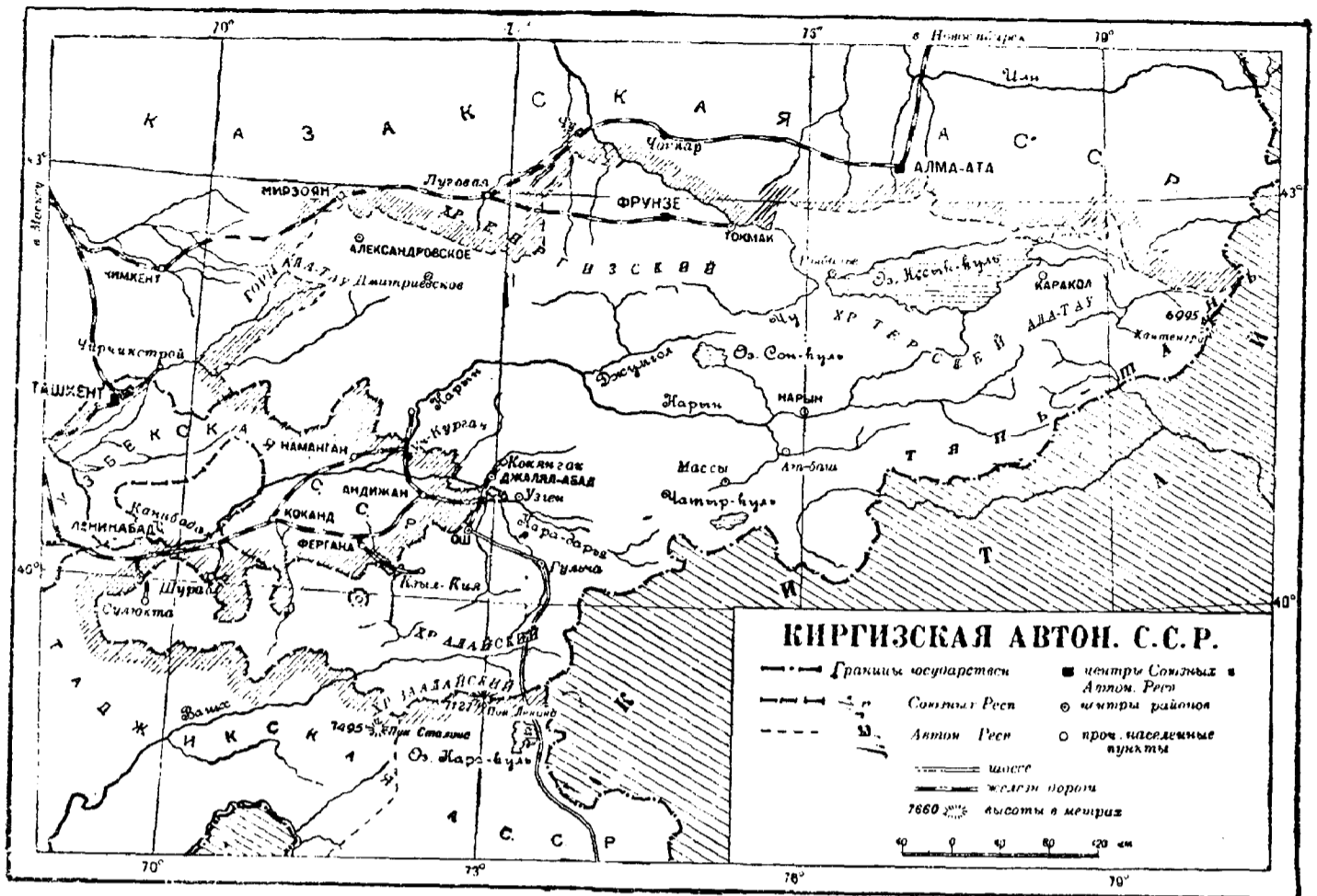
Киргизы — народ тюрко-монгольского происхождения. Вся история киргизского народа, история его расселения на нынешней территории представляла собой длительную и упорную борьбу с другими кочевыми народами Азии. В глубокой древности киргизы, судя по китайским источникам, составляли самостоятельное государство под названием Гян-Гунь. Во II веке до нашей эры киргизские племена были завоеваны гуннами. С этого времени в течение ряда веков киргизы под различными названиями появляются в истории азиатских народов, то вновь в виде обширных самостоятельных государств кочевников (хагасское государство VI—X веков в северо-восточной Азии), то в качестве завоеванных и покоренных племен. Покорителями в разные времена были уйгуры, монголы, китайцы, арабы.

В XVIII веке начинаются переход киргизов к оседлому образу жизни и их обоснование на ныне занимаемой ими территории. Начинаются распад родовых отношений и формирование феодального строя.

Создается своеобразная феодальная иерархия: манап (феодал) — владелец района, имевший вассалов, так называемых ортоманапов, от которых в свою очередь зависели более мелкие вассалы (челаманапы). Крупные манапы имели вооруженную силу, которая снабжалась всем необходимым букарой (дехканами, зависящими от феодалов). По мере роста феодализма власть манапов становилась наследственной. Между манапами происходили постоянные войны из-за пастбищ, кочевых прогонных дорог и территории зимних и летних кочевков. Наряду с манапами в XVIII—XIX веках у киргизов появляются бай — крупные скотоводы-кулаки, владевшие огромным количеством лошадей, овец, верблюдов, крупного рогатого скота и т. д.

Основная масса киргизского народа находилась в феодальной зависимости от манапов. Общественные дела у киргизов решались манапским «тобом» (собранием), от которого зависели и решения аксакальского тоба (собрания деревенских старшин).

Дальнейшее развитие социально-экономических отношений в Киргизии происходило под влиянием завоевания киргизских племен сначала узбекскими феодалами, затем русским царизмом. С образованием Кокандского ханства в XIX веке узбекские феодалы и торговый капитал повели борьбу за подчинение себе киргизских племен, в результате которой киргизы в первой половине XIX века признали власть Якуб-бека Кокандского. Узбекские крепости: Чимкент, Аулиэ-Ата, Пишпек, Токмак, Иссык-Куль, Токус-Торо, Джунгал, Кочкар, Нарын и Атбаш — охраняли торговые пути узбеков и служили опорными пунктами для продвижения узбекских переселенцев на киргизскую территорию. Узбеки управляли киргизами через местных манапов, находившихся в подчинении узбекских чиновников, возглавляемых губернатором провинции («дахта»). Междоусобная борьба

между отдельными киргизскими манапами не давала им возможности выступить совместно против узбекского господства. Однако за этот период вспыхивало немало восстаний киргизов против узбеков.

2

Наступление России на Киргизстан началось в первой половине XIX века; к 1860 году русские колонизаторы уже захватили всю Северную Киргизию. Южная часть Киргизии, где русским оказывалось особенно длительное сопротивление, была покорена в конце 60-х годов, одновременно с покорением Кокандского ханства.

Русское самодержавие в Киргизии шло по пути приспособления к существовавшим феодально-ростовщическим формам эксплуатации коренного населения и опиралось в своей политике на местных феодалов и баев. В южных районах дехкане нещадно эксплуатировались на плантациях хлопка, а на севере, в нехлопковых районах, шла экспроприация киргизских земель и заселение их русскими переселенцами. Всего к 1913 году у киргизов было захвачено около 4,5 миллиона га самой лучшей и удобной для сельскохозяйственной

культуры земли. Колонизаторская политика царской России вела к обнищанию и вымиранию киргизского населения, численность которого за 10 лет (1903—1913 годы) сократилась на 7—10%. Киргизы отеснялись в пустыни и горы; только за 5 лет (1902—1907 годы) количество скота у киргизов сократилось в среднем на 27%. Большая часть русских переселенцев быстро превращалась в кулаков, эксплуатировавших в своем хозяйстве дешевую киргизскую рабочую силу на кабально-ростовщических условиях. Самодержавие, заселяя русскими крестьянами киргизские земли, стремилось сохранить таким образом от надвигающейся революции помещичьи латифундии внутри страны и создать в лице кулаков-переселенцев и казаков опору царизма в Киргизии.

Развитие капитализма в Киргизии углубляло классовое расслоение и создавало класс батраков — малаев, — работавших на отхожих промыслах. Положение трудящихся было крайне тяжелым: они находились под ярмом русских помещиков и кулаков, а также местных баев и манапов. Коренное население было обременено огромным количеством налогов. В общую систему кабалы и эксплуатации входила и

Тяг бая-торговца. Киргизия. Дореволюционный период.

организация местных управлений. Во главе уездов стояли назначаемые русским правительством начальники из русских офицеров, а в волостных управлениях сидели «выборные» управители из манапов. Выборная система вырождалась в открытую продажу должностей, давая возможность царским чиновникам наживать огромные капиталы.

Господство российского военно-феодалного империализма тормозило рост производительных сил, материальное и культурное развитие киргизского народа. В результате ограбления дехкан в руках местной администрации, в руках баев и манапов скоплялись огромные богатства, служившие орудием дальнейшего закабаления трудящихся масс дехкан и скотоводов. Эта эксплуатация вызывала ряд восстаний киргизского народа (известно, например, восстание киргизов и узбеков против русского царизма, вспыхнувшее 18 мая 1898 года в Анджанском уезде).

Крайне тяжелое положение дехканства еще больше ухудшилось в связи с войной 1914—1918 годов. Все это привело к обострению классовой борь-

бы и росту национально-освободительного движения, вылившегося в 1916 году в мощное восстание.

Восстание киргизов в 1916 году было общенародным движением трудящихся масс дехканства против русского царизма и его колониальной политики, с одной стороны, и против имущих эксплуататорских слоев байства и манапства — с другой. Восстание носило антиимпериалистический характер и было направлено против колониальной политики царизма. Отсутствие национального промышленного пролетариата, а также связи с русским пролетариатом, слабость и половинчатая политика национальной буржуазии, недостаток оружия, отсутствие партии — вот причины, в силу которых восстание потерпело поражение.

Ленин писал: «Диалектика истории такова, что мелкие нации, бессильные, как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бактерий, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»¹.

Восстание 1916 года и явилось одним из ферментов, подготовивших Великую пролетарскую революцию в СССР.

Основную революционную силу в Киргизии накануне февральской буржуазно-демократической революции составляли ремесленные рабочие и беднота города, батрачество и трудящиеся массы деревни и аула. Росло также революционное движение и среди местного гарнизона. Среди переселенцев обострилась борьба между беднотой и кулачеством, с одной стороны, и казаками и крестьянами-переселенцами — с другой. Казачество Семиречья, являвшееся оплотом царизма, было наделено рядом льгот, имело большие нормы земли. Первый казачий съезд, собравшийся после буржуазно-демократической революции (6 апреля 1917 года), вынес постановление против передачи казачьих земель Переселенческому управлению. На местах создавались крестьянские союзы кулацкого типа.

¹ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 270.

Сообщение о свержении самодержавия, полученное в Пишпекке 8 марта 1917 года, было отмечено рядом демонстраций во главе с рабочим союзом «Чупра» (организация рабочих по ирригации Чуйской долины). В апреле создались комитеты Временного правительства в Караколе, Нарыне, Оше и других местах. В состав местных органов Временного правительства вошли царские чиновники переселенческих управлений, представители городского мещанства, национального купечества, манапства и представители кулацкой части крестьянства. Политика Временного правительства ничем не отличалась от политики царизма, в особенности по отношению к коренному населению.

Февральская буржуазно-демократическая революция не изменила положения киргизского народа. Захват киргизских земель, скота и имущества продолжался, как и раньше. Не улучшилось и положение русских рабочих и бедноты.

Байско-манапские и торговые элементы Киргизии по примеру торгово-феодалных элементов остального Туркестана создавали местные на-

ционалистические комитеты и организации. Например в Пишпекке и в Ошском уезде была создана организация «Шура-Исламия», объединявшая крупных торговцев, духовенство и манапов. Другая националистическая организация — «Алаш-Орда», — существовавшая только в Пишпекском уезде, отражала интересы нарождающейся национальной буржуазии (байства и национальной интеллигенции). В сентябре 1917 года была создана организация «Лухара», объединявшая демократические слои киргизского народа, во главе которой стояли студенты Саркулов, Имаш Худайберенов и др. «Лухара» не имела своей четкой классовой линии и не могла завоевать влияние в массах.

Обострение продовольственного кризиса, классовой борьбы и национальных столкновений привело к распаду органов Временного правительства.

3

Победа Великой октябрьской пролетарской революции в центре России и в Ташкенте (центре Средней Азии) оказала огромное влияние на ход со-

Тявы переселенцев-кулаков. Средняя Азия.

Дореволюционный период. Музей народов СССР.

бытий в Киргизии. Здесь еще в июне 1917 года организовался Совет рабочих и солдатских депутатов в городах Пишпек (Фрунзе), Ош и др. В начале Советом руководили эсеры в лице «Союза Советов» (крестьянский союз). Дальнейшее развитие революции усилило влияние большевистски настроенной группы членов Совета среди трудящихся Киргизии. Рабочий класс, городская беднота и ремесленники, бедняцкая часть русского крестьянства, батрачество и киргизская беднота сплывались под руководством большевиков. Буржуазия под руководством правого эсера Шкапского мобилизовала контрреволюционные силы и установила связь с контрреволюционными организациями Сибири.

31 декабря 1917 года в Пишпеке была создана большевистская инициативная группа, так называемая пятерка, во главе которой стояли Иванцын (старый большевик), Меркун (рабочий-машинист), Швец-Базарный, Безбородов и Абрамов. Тогда же была произведена запись в Красную гвардию, которая на следующий же день насчитывала уже 200 человек. Опираясь на рабочих и городскую бедноту, Красная гвардия захватила казармы, и под нажимом красногвардейцев 1 января 1918 года председателем Совета рабочих и солдатских депутатов был выбран Швец-Базарный (большевик) и было вынесено постановление о признании советской власти в Петрограде и Ташкенте.

17 февраля 1918 года в Пишпеке собрался I съезд советов. Съезд работал под руководством коммунистической группы. Левые эсеры также имели на съезде свою фракцию. 3 марта 1918 года произошел переворот в городе Верном, в результате которого там также установилась советская власть. В марте 1918 года была захвачена власть советами в Каракольском, Нарынском и других уездах. Вслед за созданием советской власти в уездных центрах Киргизии в марте, апреле и мае были образованы волостные, сельские и аульные советы. К 5 мая 1918 года на территории нынешней Киргизии были созданы: 41 волостной совет, 4 станичных, 119 сельских и 53 аульных.

Наряду с созданием и укреплением

советской власти происходило также сплочение буржуазии и кулачества, байства и маналства. Был организован ряд контрреволюционных восстаний, подавленных красноармейскими частями при активном участии местных рабочих, бедноты и трудящихся масс аулов и кишлаков.

Большевистских партийных организаций в Киргизии до Великой октябрьской пролетарской революции не было, были только большевики-одиночки. Парторганизации возникли в разных городах Киргизии за период 1918 — 1919 годов, к концу 1919 года они насчитывали уже в своих рядах 14 045 человек. Партийная организация Киргизии издавала в этот период следующие газеты: в Пишпеке (ныне город Фрунзе) — «Пишпекский листок», в Токмаке — «Вестник», в Караколе — «Голос пролетариата». В состав партийной организации в этот период входило очень мало представителей коренного населения, что объясняется как слабой работой среди трудящихся киргизов, так и наличием великодержавного шовинизма среди русской части населения, проникавшего и в ряды партии. С конца 1919 года усилилась работа в ауле и кишлаке, были созданы аульно-кишлачные ячейки РКП(б), особенно в Пишпекском, Пржевальском, Токмакском, Ошском и Андижанском уездах. В Джетысу было создано областное мусульманское бюро РКП(б), затем и уездные муспартбюро. После проведенной подготовительной работы, 23 октября 1919 года, состоялась первая джетысуйская мусульманская партийная конференция, положившая начало привлечению коренного населения к партийному и советскому строительству. 1920 год явился переломным в этом отношении.

Партийные организации в этот период были сильно засорены классово чуждыми элементами. Это объясняется политической отсталостью батрачества и бедноты, их экономической зависимостью от байства и маналства и слабостью классовой дифференциации в ауле и кишлаке. Русская часть организации также была засорена чуждыми элементами и частично заражена великодержавным шовинизмом. По-

Преследование киргизов карательным отрядом. 1916 год.

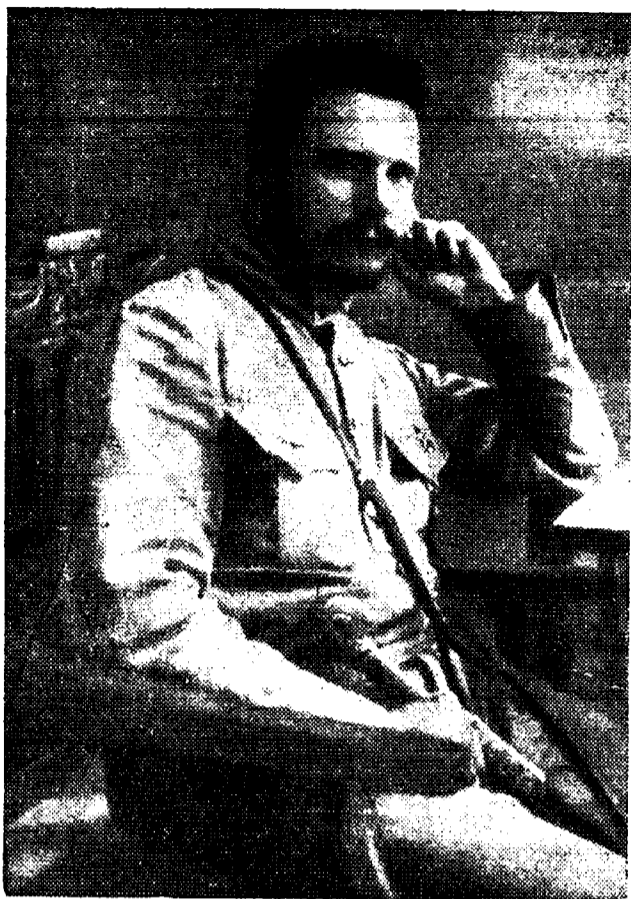
литика партии по ликвидации остатков колониальных отношений вызвала враждебное отношение со стороны некоторых членов организации.

ЦК нашей партии во главе с Лениным и Сталиным ставил задачу решительной, полной ликвидации остатков колониального прошлого и национального неравенства, которое насаждалось русским самодержавием в Туркестане. ЦК партии для этой цели послал в Туркестан в 1919 году комиссию в составе гг. Ш. З. Элиавы, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Ф. И. Голощекина и Я. Э. Рудзутака. Постановление ВЦИК и СНК за подписью Ленина отмечает, что «самоопределение народов Туркестана и уничтожение всякого национального неравенства и привилегий одной национальной группы за счет другой составляет основу всей политики советского правительства России и служит руководящим началом во всей работе его органов» и что «такой работой можно окончательно преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных

трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»¹.

Присланные из центра партийные работники, проводя политику ликвидации национального неравенства, встретили резкое сопротивление со стороны части местных работников. Под лозунгами борьбы с представителями центра нередко организовывались контрреволюционные восстания (верненский мятеж, описанный Фурмановым в «Мятеже»). Понадобилось немало усилий, чтобы провести в жизнь намеченные ЦК РКП(б) мероприятия, которые привели к укреплению партийной организации Киргизии. В 1920 году в Киргизии произошло слияние мусульманского бюро с русской частью партийной организации. Правильное применение национальной политики нашей партии дало возможность Красной армии во главе с командующим Туркфронта тов. Фрунзе и членом Реввоенсовета фронта тов. Куйбышевым ликвидировать семиреченский, закаспийский и другие фронты, а также подавить ряд кулацких

¹ Постановление ВЦИК и СНК от 3 октября 1919 года.

Тов. В. Фрунзе. Туркестанский фронт. 1920 год.

восстаний в Киргизии (беловодское, ошское, нарынское, каракольское и др.).

В 1921 году, после V туркестанского съезда партии, была проведена земельно-водная реформа в Киргизии. Основная задача этой реформы заключалась в ликвидации остатков колониальных отношений, созданных в результате господства царизма в Киргизии, и передаче обратно киргизскому батрачеству и бедноте земель, ранее отобранных у них русскими переселенцами-кулаками. Земельно-водная реформа 1921 года коренным образом ломала старые отношения, оставшиеся в наследство от русского царизма, и активно втягивала трудящиеся массы коренного населения в дело партийно-советского строительства.

На первом этапе революции, в условиях гражданской войны и борьбы с басмачеством, трудящиеся массы Туркестана, в том числе и киргизы, создали единую Туркестанскую ССР.

В 1922 году ЦК КП(б) Туркестана поставил вопрос о выделении киргизов в отдельную область. Для обсуждения этого вопроса был созван съезд. На съезде в Пишпекке 4 февраля внутри партийной организации развернулась борьба между группой Худайку-

лова, выступавшей против выделения, и группой Садыкова, выступавшей за выделение. За обеими группировками стояли баи и маналы, которые при помощи своих ставленников стремились захватить власть в свои руки и использовать ее в своих интересах. Эта борьба показала, что партийная организация Киргизии еще недостаточно окрепла и выделение киргизов в отдельную область было еще вопросом несвоевременным. Партийная организация Киргизии с помощью ЦК партии преодолела эти группировки, усилила борьбу с местным национализмом и великодержавным шовинизмом.

В период с 1923 по 1924 год советский и партийный аппарат в Туркестане значительно укрепился, усилилась работа ячеек партии и союза «Кошчи» (организация бедноты). Укрепление советской власти в ауле и кишлаке, ликвидация басмачества, материальное улучшение положения дехкан, возросшая мощь Советского союза дали возможность приступить к широкому национальному строительству и национальному размежеванию Средней Азии.

В 1924 году была создана Киргизская автономная область, просуществовавшая до января 1926 года. За эти два года были уточнены границы, укрепились хозяйство, советский аппарат и партийная организация. Дальнейшее социалистическое строительство, национальные и социально-экономические особенности Киргизии и ее положение как окраины, соприкасающейся со странами Востока, вызвали необходимость преобразования Киргизской автономной области в Киргизскую АССР. Это преобразование и было зафиксировано в решении XIII съезда советов РСФСР.

4

В марте 1927 года состоялся I учредительный съезд советов Киргизской АССР, на котором был избран ЦИК Киргизской АССР. После преобразования Киргизии из автономной области в республику она еще более быстрыми шагами двинулась по пути советского, культурного и хозяйственного строительства.

В момент национального размежевания Средней Азии Киргизия представляла собой аграрную область. В 1925—1926 году стоимость валовой продукции сельского хозяйства определялась в 57,4 миллиона рублей, а стоимость валовой продукции промышленности — в 1,2 миллиона рублей. По удельному весу полеводство занимало первое место, а животноводство — второе.

Годы империалистической и гражданской войн оказали свое разрушительное влияние на хозяйство Киргизии. К 1925—1926 году стоимость продукции сельского хозяйства составляла лишь 62% довоенного уровня.

С того времени сельское хозяйство Киргизии сделало огромный шаг вперед. Это видно из следующих данных: в 1914 году общая площадь посевов равнялась 650,2 тысячи га, в 1925—1926 году — 386 тысячам га, а в 1935 году она доходит до 1 миллиона га. Площадь, занятая хлопком, в 1915 году равнялась 27 400 га, в 1925—1926 году — 35 357 га, а в 1936 г. — 64 000 га. Посевы других технических культур увеличились с 1—2 тысяч га до 22 тысяч.

Коренным образом изменилось социальное лицо деревни. Если в 1926 году основная площадь посевов принадлежала частному сектору, то в 1933 году 73,7% всей посевной площади падает на долю социалистического сектора. В 1936 году 80% крестьянских хозяйств коллективизировано и социалистический сектор занимает 90% всей посевной площади. Основной фонд товарного хлеба производится вопреки пророчеству правых оппортунистов социалистическим сектором. То же явление просходит и в области производства технических культур.

В 1914 году мы не имели в Киргизии ни одного трактора. В момент национального размежевания Средней Азии (1924 год) в Киргизии было 2—3 трактора, а в 1936 году — 2552 трактора. Первобытная соха уступила место трактору и плугу, а «волокуша» — автомобилю и бричке. Кроме того в сельском хозяйстве Киргизии работают 150 комбайнов и 600 сложных молотилок.

В 1914 году общее поголовье ско-

Тов. В. Куйбышев в годы гражданской войны в Туркестане.

та в Киргизии равнялось 4 755 715 головам, а в 1929 году оно выросло до 7 849 900 голов. С 1930 года в Киргизии происходит сокращение поголовья скота. В этом сказалась как и во всем Союзе ССР «...наибольшая насыщенность животноводческих отраслей сельского хозяйства крупнокулацкими элементами, с одной стороны, и усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая благоприятную почву в годы реорганизации, с другой стороны»¹.

Это положение товарища Сталина целиком и полностью относится к Киргизии. Крупнейшие оппортунистические ошибки, допущенные местными партийными и советскими организациями в момент коллективизации, сыграли также большую роль в резком уменьшении поголовья скота, которое упало в 1933 году до 2 127 296 голов.

VII киргизская партконференция (январь 1934 г.) выявила причины падения животноводства в Киргизии, подвергла критике левацкие перегибы партийных и советских организаций в

¹ «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. Доклад товарища Сталина, стр. 20. Партиздат. 1934.

Уборка хлеба в колхозе имени Исакова.

Киргизская АССР. Музей народов СС

области коллективизации и наметила конкретные мероприятия по под'ему животноводства. За истекший год Киргизия добилась большого роста поголовья скота. В 1935 году прирост равнялся 25% против 7—10% в прошлые годы. Государственный план выращивания молодняка по колхозно-крестьянскому сектору перевыполнен.

Сейчас большая работа проходит по метизации киргизского скота с высокопородистым. Киргизия располагает конским резервом в 300 тысяч голов, имеющим большое значение для всего СССР. Метизация киргизской лошади с английским и донским скакуном даст прекрасного коня для РККА.

Киргизия находится на таком этапе, когда в основном социалистическая реконструкция сельского хозяйства завершена и вся масса скота находится в руках совхозов и колхозов.

Колхозы Киргизии наряду с колхозами всего СССР идут по пути осуществления той задачи, которая поставлена им товарищем Сталиным на первом с'езде колхозников-ударников — сделать всех колхозников зажиточными.

В борьбе за социалистическое строительство выковываются тысячи ударников, переделываются люди. Недавно

забитые, темные, неграмотные, дехне и скотоводы становятся передоми бойцами на фронте социалистического строительства.

Вот, например, колхозники хлопкового колхоза «Большевик», Масского района. Еще 7—8 лет назад они были кочевниками, а теперь создали богатейший хлопковый колхоз, борющийся за 20 центне хлопка-сырца с га и получивший в 1935 году за сданный хлопок 885 тысяч рублей, т. е. по 4917 рублей в среднем на хозяйство! И такие меры не единичны.

В братском содружестве живет киргизский народ с русским и украинскими народами и трудящимися дружнациональностей, населяющими в Киргизии целые села в долинах рек Таласа и в Иссык-Кульской котловине.

Вот колхоз «Путь к социализму». Он состоит из 6 национальностей: киргизов, узбеков, уйгуров, казачей, татар и русских. В соседнем с ним колхозе имени Джиенбаева — 5 национальностей: киргизы, русские, казачьи, уйгуры, узбеки. Все они охвачены одним желанием: бороться, строить новую жизнь так, как учит великий Сталин.

Промышленности в Киргизии до Великой пролетарской революции почти не было.

Если проследить состояние важнейших отраслей промышленности, то мы увидим следующую картину: каменного угля в 1913 году было добыто 48 558 тонн, а в 1936 году — 1,5 миллиона тонн. Хлопкоочистительная промышленность в 1913 году обрабатывала 82 тысячи центнеров хлопка, в 1933 году — 118 тысяч центнеров волокна, а в 1936 году было собрано 517 тысяч центнеров хлопка-сырца. Построены кирпичные заводы, известковые, два сахарных, камышитовый завод, мяскокомбинат. Выросли мукомольная промышленность, лесопильные заводы. Построены в первой пятилетке суконная и шелкомотальная фабрики.

Удельный вес промышленности во всем народном хозяйстве вырос с 2,27% в 1925—1926 году до 14% на 1 января 1934 года, а к 1 января 1936 года достиг 18%.

Выросли транспорт, связь и другие отрасли народного хозяйства Киргизии. Пролетарская работа по строительству шоссейных дорог. Из 800 километров дороги, соединяющей северную и южную части Киргизии, построено уже около трети пути. Строится силами колхозников дорога,

соединяющая Кетмен-Тюбинский район Киргизии с Ферганской долиной.

До Великой октябрьской пролетарской революции на территории Киргизии насчитывалось только 70 начальных школ, охватывавших лишь 4 тысячи человек, и 2 средних школы с количеством учащихся в 350 человек; в них обучались преимущественно дети русской буржуазии, духовенства, офицерства, полицейских и верхушки бай-манапской знати. В небольшом количестве школ, куда имели доступ дети трудящихся, обучение шло не на родном языке учащихся, а на русском, татарском и на юге Киргизии — на узбекском языке. Клубов, читален, кино, изб-читален и других культурно-просветительных учреждений в Киргизии не было. Зато по одному Пишпекскому уезду было 16 церквей, 20 мечетей и целая сеть религиозных школ. Грамотность населения составляла 3,4%, причем 90% общего числа грамотных падало на русское население и верхушку баев и манапов. Сейчас грамотность достигает 60%. По плану, к 1937 году неграмотность должна быть полностью ликвидирована.

В настоящее время в Киргизии имеется 1668 начальных школ, 147 неполных средних, 20 средних и строится еще 9 средних школ. В школах учится 200 тысяч детей. В Киргизии имеется несколько высших учебных заведений: педагогический институт, сельскохозяйственный, высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, 14 техникумов, 4 рабфака, 4 совпартшколы.

Стада овец. Иссык-Кульский район.

— 500 студентов-киргизов обучается в Москве, Ленинграде и других городах. Выросла сеть больниц, врачебных и санитарных пунктов, бактериологических лабораторий, малярийных станций, родильных домов, детских яслей и т. д.

Если до революции не было ни одной книги и газеты на киргизском языке, то сейчас выпускается на киргизском языке 4 республиканских газеты, 20 районных газет, 3 журнала и т. д.

Вырос киргизский государственный театр, выросла группа молодых актеров. Имеются десятки даровитых писателей и поэтов.

Киргизский народ, возрожденный Великой пролетарской революцией, свято чтит память великого Ленина, отдает свои лучшие, сокровенные чувства дорогому вождю народов Сталину:

«Сталин! Ты в мертвую жизнь
душу живую вдохнул.

Сталин! Ты счастье принес в
каждый наш аул.

Выполнил ты клятву свою, данную
Ильичу,

Ты нас ведешь, знамя побед над
нами ты развернул...

Славься, Сталин! Мир возродить
лишь тебе по плечу,

Сейчас тебе сиять в веках так же,
как Ильичу»¹.

За эти годы значительно выросли кадры пролетариата. В 1913 году по Киргизии промышленных рабочих насчитывалось 710, а в 1936 году мы имеем 17,5 тысячи пролетариата².

Парторганизация Киргизии к моменту национального размежевания была малочисленна и слаба. К 1 января 1925 года в ней насчитывалось до 2,5 тысячи членов и кандидатов партии, а в середине 1935 года — 15,5 тысячи коммунистов, из них 60% киргизов.

Первые комсомольские организации в Киргизии начинают создаваться в 1919 году. В своем развитии они шли теми же путями, что и партия. Рост комсомольской организации характеризуется следующими данными: в 1927 году — 11 304 комсомолец, а в 1935 году комсомольская организация насчитывает в своих рядах 40 тысяч человек.

Огромны успехи в хозяйственном и культурном строительстве Киргизии. Партия добилась этих успехов в ожесточенной борьбе против всех и всяких отклонений от генеральной линии партии. Однако вследствие ослабления

¹ Поэма Али Токомбаева.

² В эту цифру вошли и рабочие совхозов.

порт с углем. Кони Кызыл-Кия.

Председатель Киргизской АССР тов. Б. Исатов и заместитель Киргизского ЦИК тов. Туганбаева с группой студентов-киргизов, окончивших московские вузы в 1935—1936 году.

Борьба киргизской парторганизации: два фронта: против великодержавного шовинизма и местного национализма в ее рядах, как отметила I партийная конференция Киргизии (январь 1934 г.), в 1932—1933 году имели место вопиющие факты проявления и того и другого уклонов. Результатом этого было оживление как великодержавного шовинизма, так и именно местного национализма, смыкающегося с контрреволюционной националистической садыковщиной.

I партийная конференция Киргизии открыла все эти факты и обратила серьезное внимание парторганизации на усиление классовой бдительности. Наметила ряд практических мер по укреплению партийной организации и низовых органов советской партии, а затем проверка и партдокументов, несомненно, в ее рядах. Все это при должной организации дела обеспечивает реализацию ленинско-сталинской национальной политики. Борьба против контрреволюционного троцкистско-бухарицкого уклона, а также про-

тив великодержавного шовинизма и местного национализма — залог обеспечения дальнейших побед социалистического строительства Киргизии.

Многострадавший киргизский народ, угнетаемый веками китайскими, кашгарскими, монгольскими и узбекскими ханами и феодалами, русским царизмом и своими манапами и баями, влачивший рабскую, полуголодную и темную жизнь, был освобожден Великой пролетарской революцией, которая дала ему светлую, радостную и счастливую жизнь, открыла перед ним невиданные перспективы роста и подъема.

Опубликование проекта новой Конституции, по которому Киргизия становится одиннадцатой союзной республикой, еще раз подтверждает великое значение ленинско-сталинской национальной политики. Нет сомнения, что киргизский народ в дальнейшем под руководством партии и Центрального комитета во главе с товарищем Сталиным будет в первых рядах строителей нашей великой социалистической родины.

Н. Сивнов

ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ОГРАБЛЕНИЯ КАВКАЗА (XIX век)

Кавказ с давних пор привлекал внимание русских помещиков и купцов. Еще в XVI веке, во времена Ивана Грозного, устанавливаются связи между Московским государством и народностями Северного Кавказа. Когда после захвата Казани (1552 год) и Астрахани (1556 год) для русских купцов открылся путь в Каспийское море, у Московского царства возникла мысль об овладении побережьем моря для упрочения связей со странами Востока. Но дальше предгорий Кавказского хребта проникнуть не удалось. В XVII веке делается попытка подойти к овладению Кавказом с северозапада, т. е. со стороны Дона, и лишь в самом конце XVII века (1695—1696 годы) 2 похода Петра I привели к овладению турецкой крепостью Азов при устье Дона. В конце своего царствования (1722—1723 годы) Петр I предпринял поход для давно уже намечавшегося захвата западного побережья Каспийского моря. Московское феодальное царство, превратившееся при Петре I в громадную феодально-крепостническую монархию со своей промышленностью, регулярной армией и флотом, с централизованным аппаратом управления, еще было в силах захватить Азов, а также Дербент и Баку, но международная обстановка (войны с Турцией, Швецией, Ираном) и внут-

ренние осложнения (астраханский бунт, булавинское восстание 1707—1708 годов, голод, то и дело охватывавший большие районы государства, массовые побег крестьян и пр.) не дали возможности удержать эти приобретения. Азов, отданный Петром I обратно Турции после неудачного прутского похода 1711 года, Россия получила только в 1739 году, по Белградскому миру с Турцией, а побережье Каспийского моря пришлось вновь завоевывать в XIX веке.

Однако, несмотря на все это, колонизация Северного Кавказа беглыми крестьянами, так называемыми «гулящими людьми», и казачьими отрядами неуклонно продолжалась и в XVII и в XVIII веках. Это дало возможность русскому правительству в 70-х годах XVIII века проложить военную линию на Северном Кавказе с 10 крепостями — от Моздока до устья Дона. Но теперь цели продвижения на Кавказ были уже другие. Если раньше, при Иване Грозном, первых Романовых и Петре I, походы на Кавказ предпринимались с целью обеспечить русским купцам торговые пути на Восток, то теперь, во второй половине XVIII века, целью кавказских походов русского правительства является также захват новых земель. Уже в конце XVIII века, одновременно с мерами по заселению Северного Кавказа, «приступлено было к раздаче свободных земель частным ли-

, и с 1784 года появились на кав-ской линии имени князя А. А. Вя-ского, графа (а потом князя) А. А. Бородко, графа А. Р. Воронцова, фа И. Г. Чернышева и др.»¹.

Для выявления природных ресурсов ~~Кавказа~~ туда было снаряжено не-олько экспедиций во главе с акаде-ками (Паллас, Гмелин и др.). В XIX же была уже четко сформулирована программа превращения Кавказа в усскую колонию, что должно было ~~от~~ сколько-нибудь разрядить кризис крепостного хозяйства России.

С конца XVIII века, после оккупа-ции Закавказья, «оформленной» в 1801 году манифестом о так называе-мом присоединении Грузии, начинае-ся период кавказских войн, затянув-шихся более чем на 60 лет и привед-ших к покорению Кавказа: Восточ-ного — в 1859 и Западного — в 1864 годах. В период этих войн на Кавказ устремляется масса штатских и во-енных дельцов в поисках наживы, чи-нов и орденов.

Русские помещики и капиталисты, прикрываясь промкими фразами о том, что они несут культуру в стра-

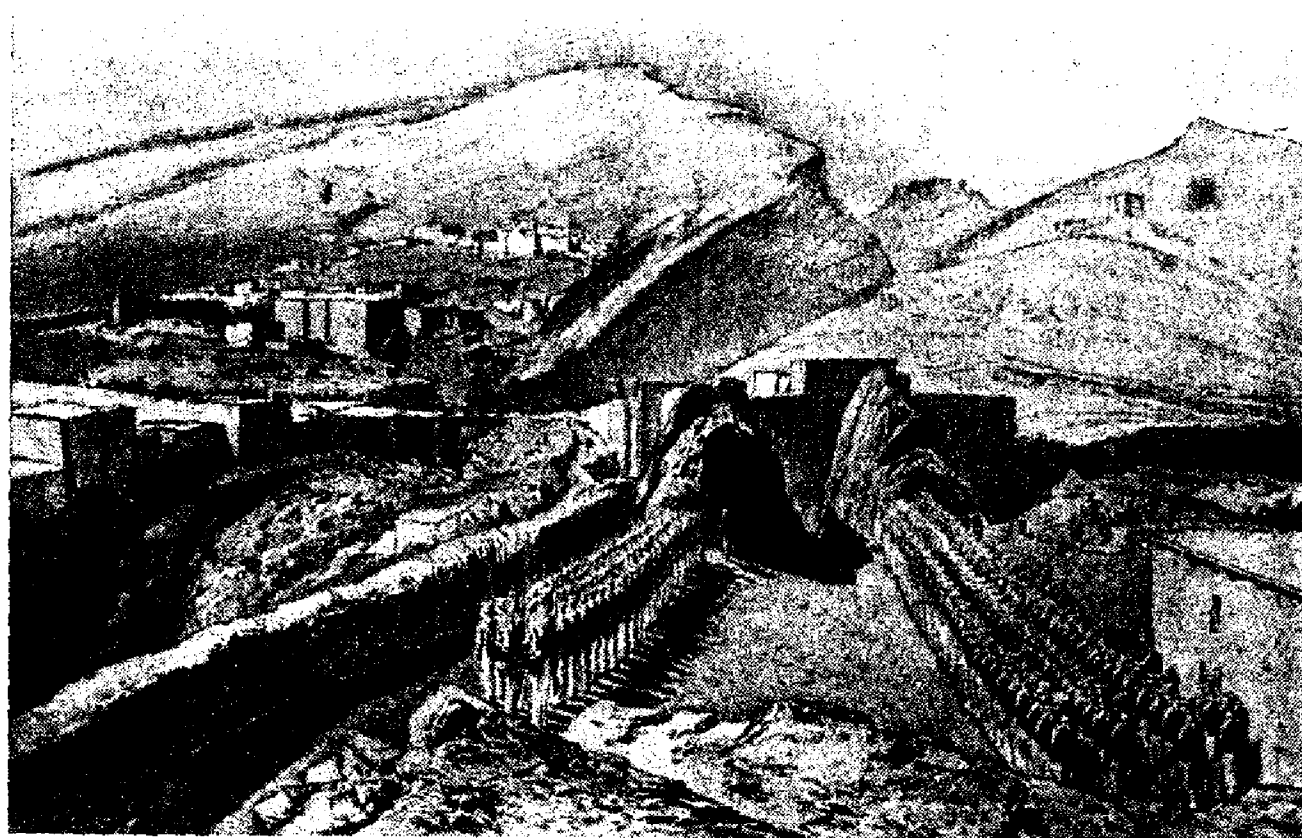
¹ Дубровин «История войны и вла-дычества русских на Кавказе». Т. II, стр. 225.

ну «диких и необузданных горцев», в действительности смотрели на Кавказ как на колонию, которая должна удо-влетворять их стремление к наживе. С первого же момента своего появле-ния на Кавказе русские начали гра-бить страну так же, как это делали их «цивилизованные» собратья в Аме-рике, Азии, Африке.

В наших архивах хранятся богатей-шие материалы, рисующие историю колонизации Кавказа и лишь немно-гие из них увидели свет в дореволю-ционное время, а если некоторые и появлялись в печати, то обычно в та-ких изданиях, которые были недоступ-ны сколько-нибудь широким читатель-ским массам, как например «Акты, собранные кавказской археографиче-ской комиссией» — громадное, гро-моздкое издание в 12 томах, выпу-щенное в свет во второй половине XIX века.

В настоящей статье на основании неопубликованных архивных матери-алов и отчасти на основании матери-алов, напечатанных в названных «Ак-тах», описываются два эпизода из ис-тории колониального грабежа Кавка-за, имевшие место в 30 и 40-х годах XIX века.

В одном случае жертвой эксплуата-ции были казаки, пришлые крестьяне,

Русская крепость на Кавказе.

С рисунка Гагарина. 1847 год.

а также горцы; в другом — туземное население. Оба эти случая имели место на территории недавно захваченной колонии и весьма типичны для тех приемов, с помощью которых русские помещики и капиталисты эксплуатировали местное трудовое население в условиях специфического колониального режима. Менялись действующие лица, место действия и время, но сущность приемов эксплуатации была одна и та же.

2

В 40-х годах XIX века Осетия была небольшой, экономически слабо развитой областью, все крестьянское население которой было в полной зависимости от местных феодалов — помещиков. Только селения, расположенные в особенно отдаленных от Военно-Грузинской дороги местах, сохраняли некоторую независимость.

Согласно донесениям жандармского генерала Скалона, расследовавшего причины возмущения осетин¹, в Осетии еще в 1837 году все было спокойно, и осенью полковник Вронченко проехал без конвоя из Джавы через Рок и Магландолети в Коби, на Военно-Грузинскую дорогу. Но в 1838 году картина резко меняется. В этом году главным приставом Осетии был назначен капитан Васильев, произведенный впоследствии «за отличие» в майоры. Начались злоупотребления и поборы. Больше всего потерпел народ, по словам генерала Скалона, от пристрастия Васильева к князьям Мачабеловым, за одного из которых он выдал свою дочь. Он всячески старался утвердить и распространить доньше еще не рассмотренное и не признанное помещичье право Мачабеловых над всеми осетинами, живущими в долине реки Большой Лияфы. До того Мачабеловы редко решались требовать подати по деревням и просто обирали или продавали иногда только тех из осетин, которых удавалось им схватить в Карталини. При Васильеве же они завели управителей и стали взыскивать и увеличивать налоги, которые бедные осетины, с трудом уплачивающие и казенную по-

дать, не в состоянии были платить, ибо эти налоги по ценности своей составляли на деньги в 2 года по 80 рублей серебром с «дыма» (с хозяйства).

Когда крестьяне селения Мздывы отказались платить подати Мачабеловым, Васильев рапортом донес, что крестьяне непокорны русскому правительству и что они будто бы грабят и разоряют соседних осетин. Этим он добился от командира Кавказского корпуса генерала Головина приказа прекратить беспорядки вооруженной рукой. Как писал генерал Скалон шефу жандармов графу Бенкендорфу 13 апреля 1841 года, «... местные начальники (на Кавказе. — К. С.) в преследовании частных своих видов, употребляя во зло свою власть, угнетают народ; встречая сопротивление, выставляют его непокорным правительству и ложными донесениями подвигают главное начальство к предпрятию экспедиций» и что это начальство охотнее решается на такие экспедиции, нежели на ближайшее исследование положения жителей, имея даже повод сомневаться в достоверности донесений местного начальства².

Как видим, это был не отдельный случай, а система, проводимая царскими колонизаторами, и пристав Васильев, конечно, это хорошо знал. Он взял 500 солдат и отправился «в поход». Мздывцы рассеялись по горам и вели оттуда перестрелку. Отряд Васильева разорил несколько домов, сжег хлеб в снопах и через полтора дня вернулся обратно, захватив с собой в виде трофеев скот, из которого 30 быков и коров, более 800 баранов и 7 лошадей поступили в пользу Васильева и Мачабеловых.

Этот разбойничий набег Васильев изобразил в своем рапорте как настоящее военное предприятие с батальным огнем, разорением всех поселян, большими потерями мздывцев, хотя никто из них не был ни убит, ни ранен.

За мздывцами поднялись крестьяне других селений, также страдавшие от местных феодалов и от русских чиновников. Движение разрасталось и захватило всех жителей 2-го осетинского участка. Тогда в Осетию была

¹ Архив революции. III отд. 1 экзп. 1840 год. № 258, л. 99.

² Там же, л. 97.

отправлена новая большая экспедиция под начальством полковника князя Андроникова, который с мечом и огнем прошел по Осетии.

Из захваченных во время экспедиции осетин 19 человек были преданы в Гори военному суду, который в декабре 1840 года и январе 1841 года приговорил их к жестоким наказаниям, в том числе 13 человек—к смертной казни. По утверждению приговора, на казнь были осуждены двое и 4 февраля того же года повешены, причем в выборе казнимых Андроников, по словам того же Скалона, руководствовался мнением Васильева. Остальные осужденные должны были пройти «сквозь строй» в 500 и 100 человек по 5 и даже по 8 раз, а затем им предстояла ссылка в Сибирь. 13 февраля один из осужденных был прогнан 8 раз «сквозь строй» в 100 человек и на другой день умер в лазарете. Приведение в исполнение приговора над остальными было задержано, так как все дело неожиданно получило новый оборот.

В конце 1840 года в ряд уездов, в том числе и Горийский, отправился член совета Главного управления Закавказским краем статский советник Легкобытов, чтобы выяснить результаты реформы управления Закавказьем по закону 10 апреля 1840 года. Главная суть этого закона заключалась во введении здесь общерусского управления губерниями и отделении военной власти от гражданской. Как писал генерал Головин в своем донесении 3 апреля 1841 года военному министру Чернышеву, Легкобытов, вернувшись в Тифлис, донес о жалобах жителей Горийского уезда на тягость подводной повинности, наложенной на них во время экспедиции в Осетию. Он посмотрел, как подчеркивал Головин, «на источник и свойства происшествий в Осетии с совершенно новой точки зрения. В отношении же производства военного суда над осетинами писал о неправильном оного действия»¹.

Головин считал, что Легкобытов, «перейдя за пределы возложенного на

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX, стр. 157.

Осетин. По рисунку Гейслера. 1829 год.

него поручения, увлекся предметом, роду службы его не принадлежавшим и несвойственным, а потому при всем избытке доброй воли не мог составить себе правильного о них (событиях. — К. С.) понятия»².

Тем не менее замять дело Головин не мог, особенно имея в виду, что генерал Скалон, начальник 6-го округа жандармов, оправляя в это время в Петербург донесения Бенкендорфу, изображая события в Осетии совсем в другом виде, чем это было выгодно Головину. Генерал Скалон тоже был представителем царизма на Кавказе, но считал, очевидно, что доводить население до восстания ради интересов отдельных частных лиц не в интересах правительства, что такая близорукая эксплуатация населения, которая имела место в Осетии, отнюдь не может содействовать «прочному утверждению русского владычества на Кавказе». Головин не мог не знать о

² Там же.

донесениях Скалона и потому решил отправить для расследования в Осетию полковника генерального штаба Вронченко и полковника корпуса жандармов Викторова.

По возвращении в Тифлис Вронченко и Викторов представили рапорт, который подтверждал данные Легкобытова, и хотя Головин и писал Чернышеву, что в дознании этих лиц «проявляется столько же односторонности и бездоказательности, сколько и в донесениях Легкобытова», тем не менее он приостановил исполнение приговора над оставшимися в живых осетинами. В то же время, исходя из утверждения, что будто бы «многие из жалоб возбуждены самим полковником Вронченко, безусловно обещавшим полное удовлетворение по всем претензиям, какие объявлены бы ни были», он вновь отправил в Горийский уезд полковника Викторова вместе с коллежским советником Десимоном, а потом образовал особую следственную комиссию.

Викторов донес, что встретил в осетинах необыкновенную чистосердечную откровенность, что рассказы их подтверждены надежными людьми, что они вполне раскаиваются и пр.; с другой стороны, он писал, что осетины мало развиты, понятие о воровстве у них особое, что они идут на воровство из-за бедности, и т. д., и т. п. «Подсудимые осетины, — писал в своем рапорте Викторов, — содержались в арестантской при горийской гауптвахте. С прошлого августа взято их было в разное время и за разные проступки 70 человек... Из них наказаны 7 человек, 25 — умерли, 8 — освобождены на поруки, а 30 человек находятся в таком изнеможении, что не в силах были бы вынести строгого наказания. 11 из них лежали в лазарете, некоторые на краю гроба. Скучное содержание, теснота и нестерпимо тяжелый воздух в арестантской привели их в это положение»¹. Получив этот рапорт, Головин должен был изменить приговор суда. По его резолюции 2 человека были заключены в арестантские роты, несколько чело-

век выслано, а остальные распущены по домам.

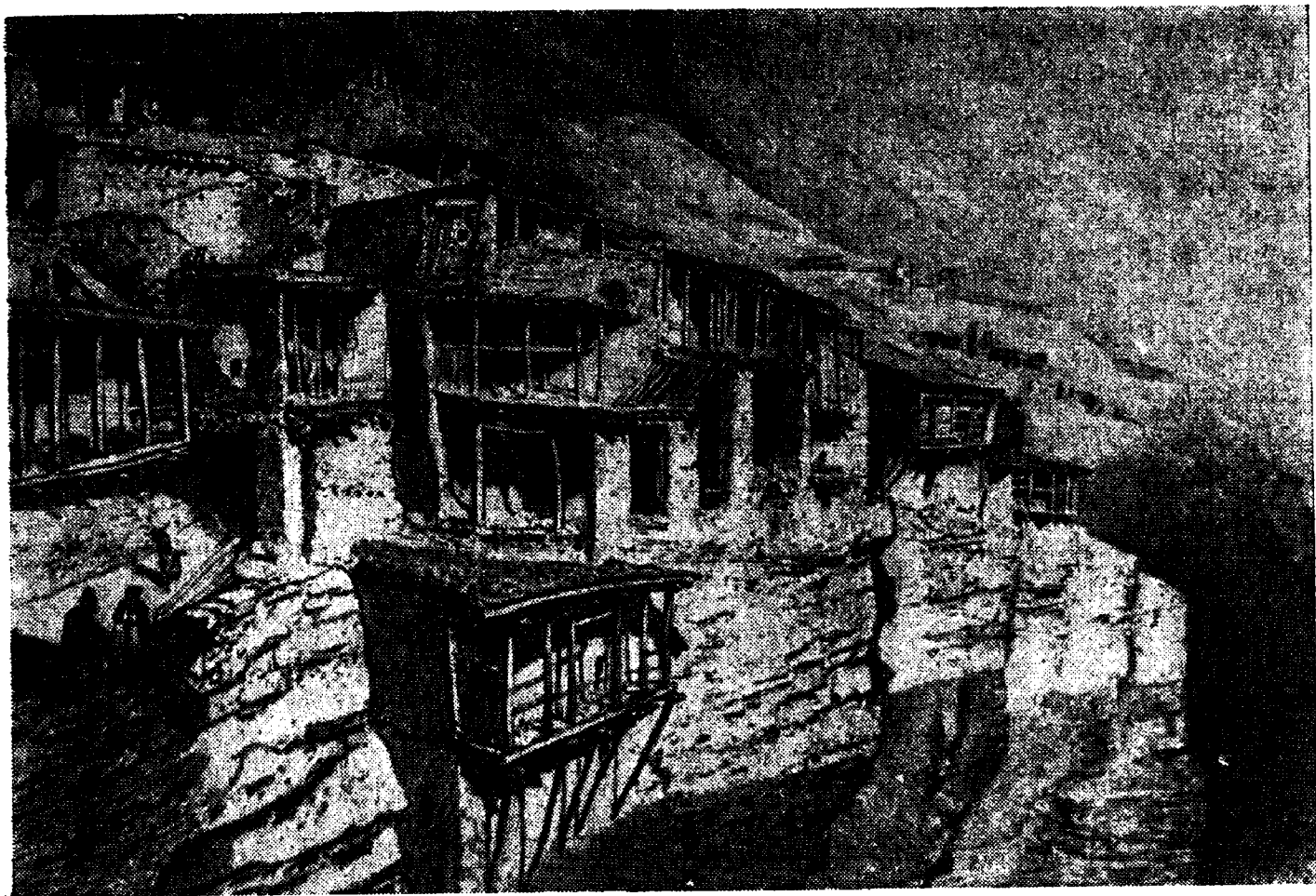
Поведение Головина в этой осетинской трагедии и представителей власти, действовавших по его директивам, не нашло поддержки в Петербурге. Там считали, что кавказские власти переусердствовали, и Головин получил выговор и предписание немедленно отстранить от должностей пристава Васильева и участкового заседателя Джавахова и расследовать их деятельность².

Это было в июне 1841 года. Как и кем велось следствие, мы не знаем, но мы знаем, что закончилось оно типичным для колониального режима и всей системы николаевского царствования образом. Через 2½ года (!) новый командир Кавказского корпуса, сменивший Головина, генерал Нейдгардт писал князю Чернышеву, «что следствие «ныне» (!) им рассмотрено, что главным виновником оказывается умерший уже майор Васильев (признавая это, Нейдгардт не подрывал, по понятиям того времени, престижа власти, поскольку Васильев был в могиле. — К. С.), ложные и преувеличенные донесения которого о неповиновении осетин правительству были поводом снаряжения туда экспедиции и всех неприятных последствий оной. Кроме того, — писал Нейдгардт, — он (Васильев. — К. С.), управляя Осетией, слишком пристрастно действовал к стороне князя Мачабели и тем возбудил общее против себя негодование»³. Но князь Джавахов будто бы по следствию, как утверждает Нейдгардт, не обвиняется ни в каких злоупотреблениях. Аресты же он производил по приказанию начальства. Прикосновенный же к делу, по признанию Нейдгардта, пристав Пурцеладзе умер, с него, значит, и взятки гладки Князя Мачабеловы «удалены от личных распоряжений по имению», и оно состоит под опекой. Ввиду этого Нейдгардт пришел к заключению, что это дело надо «оставить без дальнейших последствий, так как восстановление оно, в порядке судебного разбирательства, при успокоении теперь Осетии и принятых начальством к

¹ Архив революции. III отд., 1 эксп., лл. 113, 114, 115, 117, 119, № 258.

² Акты. Т. IX, стр. 159.

³ Акты. Т. IX, стр. 747—748. Отношение от 6 января 1844 года.

Горный аул.

По рисунку Гагарина. 1847 год.

поддержанию порядка мерах, не было бы удобно, возбуждав воспоминания о событиях, имевших в свое время неблагоприятные впечатления»¹. Николай I «высочайше на это соизволил».

Нежелание Нейдгардта будить воспоминания о событиях 1840—1841 годов в Осетии имело веские основания, но только не те, которые он приводит в донесении 6 января 1844 года. Когда Нейдгардт в январе 1844 года писал, что Осетия успокоилась и там царит порядок, он лгал: волнения и «беспорядки» в Осетии после событий 1840—1841 годов не прекращались. Сам Нейдгардт в рапорте Чернышеву 6 мая 1843 года² писал, что после походов князя Андроникова порядок в Осетии был восстановлен и она в течение 2 лет оставалась спокойной, но в сентябре 1842 года в ней «снова появилась разбойничья шайка и грабежами своими начала беспокоить Горский уезд»³. Вскоре, однако, «разбои» были прекращены, а предводи-

тель Канейшвили пойман и предан военному суду.

Вслед за этим «для лучшего управления буйными и еще полудикими осетинами» был назначен Головиным в конце 1842 года осетинским окружным начальником бывший офицер — отставной поручик Нижегородского драгунского полка Смиттен. Он начал «деятельно преследовать оставшихся в Осетии разбойников и в феврале 1843 года отправил в нагорную часть Осетии экспедицию, где открыл местопребывание разбойников и частью захватил, частью истребил их», так что только несколько человек спаслось бегством. Однако вскоре разгорелось новое восстание. Таким образом, повторилась история майора Васильева. Из донесения Нейдгардта совершенно не видно, чем эти разбои и «беспорядки» были вызваны.

Поводом к восстанию, по словам Нейдгардта, послужило следующее происшествие. Во 2-м участке Осетинского округа жителями деревни Чми. Нарского ущелья, был убит один из рассыльных заседателя. «Виновные, — писал он, — опасаясь наказания, укрепились в одной из башен этой деревни и решили не отдаваться начальст-

¹ Акты. Т. IX, стр. 747—748, отношение от 6 января 1844 года.

² Военно-ученый архив. № 6477, л. 1.

³ Как мы видим выше, только в июне 1841 г. Васильев и Джавахов были отстранены от должности. Двух лет «спокойствия» никак не получается.

ву»¹. Тогда поручик Смиттен сам отправился в эту деревню и захватил башню, причем двое из засевших в ней были убиты, а восемь человек захвачены и преданы военному суду. Началось волнение по всему Нарскому ущелью, и Нейдгардт предписал главному начальнику горских народов Грузино-Имеретинской губернии подполковнику князю Авалову «мерами кротости» прекратить беспорядки.

После его отъезда из Тифлиса Нейдгардт получил донесение от Смиттена, что жители деревни Чми, напав на селение Нары, овладели в ней башней и убили находившегося там участкового заседателя князя Херхеулидзе. Тогда Нейдгардт отправил в Осетию уже известного нам князя Андроникова с предписанием употребить все возможные средства к восстановлению порядка без пролития крови, а если бы достигнуть этого «мерами кротости» было невозможно, то применить для усмирения неповинующихся вооруженную силу. Кроме того он предложил ему «основательно узнать причины неповиновения жителей Нарского ущелья». После отъезда Андроникова Нейдгардт получил донесение Авалова, что порядок восстановлен, и, сообщив об этом Андроникову, предписал ему удостовериться в спокойствии Нарского ущелья и, в зависимости от обстоятельств, или вернуться в Тифлис или остаться там.

На рапорте Нейдгардта военный министр Чернышев сделал такую пометку: «Князь Авалов любим в крае и благонамеренный человек; действия же князя Андроникова там были весьма порицаемы, и я опасаясь, чтобы он не испортил то, что сделал уже Авалов»². Николай I, со своей стороны, писал: «Жаль, ежели князь Андроников испортит хорошо начатое князем Аваловым. Я первому мало верю»³. Тем не менее никакого предписания Нейдгардту относительно Андроникова послано не было.

16 мая 1843 года Нейдгардт новым рапортом⁴ сообщил Чернышеву, что Андроников, получив его предписание, решил вернуться в Тифлис. По

его возвращении Нейдгардт получил сведение, что после отъезда Авалова осетины, запершись вновь в укрепленных ими башнях деревни Чми, не позволяют хозяевам земель, находящимся вблизи башен, обрабатывать их и не допускают к себе никого из преданных правительству людей. Сверх того жители селения Нары, желая освободиться от ближайшего надзора за ними начальства, предложили оставленному князем Аваловым в Нарых в должностности участкового заседателя князю Казбеку перейти в деревню Савбаны, что он и вынужден был сделать. Тогда Нейдгардт предписал Авалову узнать самым подробным образом настоящее положение дел в Нарском участке и, ничего не предпринимая, приехать для доклада в Тифлис.

Тем временем в Петербурге шефом жандармов Бенкендорфом были получены 2 донесения, от 4 и 17 мая 1843 года, уже известного нам полковника Викторова⁵ и пересланы им военному министру Чернышеву.

В первом из них Викторов писал, что, «поскольку внешних подстрекателей к возмущению в Осетии не было, то полагать скорее можно, причиною его было неблагоприятное или неосторожное обращение местных жителей с начальниками, как был тому в марте месяце сего же года пример, что сего 2-го участка начальник поручик Смиттен представил при рапорте две отрезанные головы двух известных разбойников, за что и выдержан был господином корпусным командиром (т. е. Нейдгардтом. — К. С.) под арестом на гауптвахте; по молве в народе одна из этих голов не признается за голову поименованного Смиттеном разбойника. Таковые вещи, — прибавляет Викторов, — натурально при сем понятии неспособны успокаивать народ»⁶.

Во втором рапорте, от 17 мая, Викторов писал, что, как говорил ему князь Авалов, причина «беспокойств» была следующая: один раз'ездной, состоявший при участковом заседателе Херхеулидзе, «имел не позволенную связь с осетинкой, которая впоследст-

¹ Акты. Т. IX, стр. 747—748.

² Военно-ученый архив, № 6477, л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 3—4.

⁵ Там же, лл. 12—14.

⁶ Несколько позже Викторов прямо писал Бенкендорфу, что головы были отрублены по приказанию Смиттена.

Отряд восставших горцев.

С рисунка Гагарина. 1847 г.

вии желала, но не могла разорвать сделанных ею связей с их»¹. Тогда она решила обратиться к Херхеулидзе с жалобой на раз'ездного, но «вместо удовлетворения была пропнана с угрозою наказания. Спустя несколько дней сей рассыльный был убит. Херхеулидзе с явной угрозой стал преследовать тех из родственников означенной осетинки, кто подозревался в убийстве рассыльного и вскоре за сим в квартире своей сам был убит. Пристав же сего участка Смиттен, известный еще в звании помощника Ахалцыхского уездного начальника безрассудной вспыльчивостью своего нрава, прибыв на место убийства, вместо принятия надлежащих мер к открытию убийц, угрожал жителям Нарского ущелья привести войско и наказать их совершенным разорением»². Началось возмущение, и Смиттен не решился вернуться в селение Джавы прежним путем, а поехал через Мамисонское ущелье. Здесь он приказал

¹ Военно-ученый архив, № 6477, лл. 15, 18.

² Там же.

расчистить дорогу от снега, чтобы провести пушки. Вместо этого здешние жители устроили на этой дороге завалы.

Как центральное правительство реагировало на сообщение о действиях Смиттена?

Была затребована справка о его прежней службе. Справка была представлена и, видимо, признана удовлетворительной, хотя в ней и было указано, что в 1835 году Смиттен «за прубость против начальства» был разжалован в рядовые, а потом, после производства в офицеры «за отличие в делах против горцев», уволен в отставку «за ранами» с мундиром и пенсионом полного жалованья, однако почему-то обязался иметь жительство в Тифлисе».

Из Осетии Смиттена, однако, убрали, но это вовсе не было концом его карьеры: 4 января 1844 года уже известный нам полковник Викторов писал шефу жандармов Бенкендорфу из Тифлиса, что в помощники прокурора определили поручика Смиттена. А по донесению от 22 февраля 1854

«Рапорт победителя». Карикатура Ю. Цишевского.

года исполняющего должность начальника 6-го округа корпуса жандармов генерала Юрьева, шефу жандармов видно, что шемахинским вице-губернатором в это время был статский советник Смиттен. Таким образом, он получил за это время большое повышение по службе.

Удаление Смиттена из Осетии не дало ему возможности осуществить свою угрозу и «наказать ее жителей совершенным разорением», а Нейдгардт не решился идти по стопам Головина. События в других частях Кавказа, особенно в Дагестане, где как раз в 1843 году Шамиль достиг своих наибольших успехов, заставили несколько ослабить вожжи и не создавать новых очагов восстаний против царизма. Этим и объясняется, что в январе 1844 года Нейдгардт доносил царю, что в Осетии спокойно и что к поддержанию там «порядка» начальством приняты меры. Но, как свидетельствует вся дальнейшая история Кавказа, система его «успокоения» и покорения оставалась неизменной: это была система грабежа и насилий.

3

Другой эпизод из колониального грабежа Кавказа относится к началу 30-х годов XIX века. В Черноморском казачьем войске появились два

офицера — братья Посполитаки — родом из керченских греков. Они обосновались в Темрюкском курене (на севере Таманского полуострова). При помощи своего отца они добились: один — чина есаула, другой — чина сотника. Но военная карьера их мало привлекала: все свое время они уделяли различного рода промышленным и коммерческим операциям. Весной 1834 года войсковое начальство, войдя в секретные торговые отношения с сотником Посполитаки, добилось для него увольнения на 3 года «от исполнения всякой должности под предлогом понесенных будто бы им убытков при нападении черкесов и во уважение как бы к усердию его к службе»¹. Этой же весной, воспользовавшись страшным голодом, охватившим Черноморье, Посполитаки начинают крупную спекуляцию хлебом. 4 апреля 1835 года майор корпуса жандармов Юрьев доносил своему начальнику, главному военному полицмейстеру Кавказского края подполковнику Казасси², что жители Черноморья доведены спекуляциями Посполитаки до ужасного положения. Когда в местечко Темрюк была привезена турецкими купцами для продажи пшеница, А. Посполитаки через своего брата, куренного атамана в Темрюке, скупил всю пшеницу по 2 рубля 50 копеек за пуд, а потом продавал ее приезжавшим казакам по 5 рублей и более и притом еще с условием, что каждый купивший отвезет в Екатеринодар некоторое количество принадлежавшего ему хлеба, получая за провоз по 30 копеек с пуда. В Екатеринодаре же Посполитаки продавал пшеницу по 6—7 рублей за пуд. «Всеобщий вопль несчастных жителей, — пишет Юрьев, — на таковую бесчеловечную сделку не только не убедил войскового атамана войти в их положение, но был поводом к удалению поселян из города разными полицейскими средствами»³.

Другой сферой деятельности Посполитаки была рыбная ловля. По словам Юрьева, при последних торгах

¹ Государственный исторический музей (ГИМ) (Москва). Архив барона Г. В. Розена. Кавказ, № 5, стр. 341—357.

² Там же.

³ Там же.

(очевидно, на 1835 год) на рыбные ловли в Азовском море, составляющие один из значительных войсковых доходов, произошло следующее. Казак М. Ставцов, желая снять эти рыбные ловли, надбавил 17 000 рублей против прежних цен и считал для себя выгодным прибавить еще 25 000 рублей в год, «но войсковая канцелярия, не ожидая сего, закрыла присутствие»¹. В тот же день к Ставцову пришел сотник Посполитаки и, «как агент членов войсковой канцелярии, уговаривал его устраниваться от сих торгов и не надбавлять более откупной цены, угрожая ему, в случае упорства, мщением атамана. Ставцов, желая узнать настоящее мнение генерала, пришел к нему как бы за советом: не прикажет ли надбавить при следующей переторжке еще хоть 20 000 рублей? Атаман отвечал: «Оставь, лобезный, это намерение — ведь надобно дать возможность откупщику уделить из откупной суммы что-нибудь и для членов войсковой канцелярии»².

Более подробную характеристику эксплуататорских приемов братьев Посполитаки дает нам рапорт майора корпуса жандармов Гринфельда от 16 августа 1836 года, посланный им из Анапы командиру отдельного Кавказского корпуса барону Г. В. Розену. «Люди эти, — писал Гринфельд, — несправедливыми действиями, необыкновенною жадностью к прибыли, с обидою и притеснениями ближних, нахальством и самонадеянностью навлекли на себя почти всеобщий ропот и негодование»³. Далее Гринфельд рассказывает следующее: «Менее 200 человек поселян никогда не бывает в наймах у Посполитаки; большая часть из них находится на рыбной ловле, остальные занимаются другими хозяйственными работами. Вот их поступки: 1) принимая к себе в работники поселян, они отбирают от них билеты; оно так и быть должно, но они это делают с особенным намерением, как будет ниже пояснено; 2) они присвоили себе право наказывать поселян телесно. Это есть первая и не-

¹ ГИМ. Архив барона Розена. Кавказ. № 5, стр. 341—357.

² Там же.

³ Там же, стр. 454—462.

Черноморский казак. Современная гравюра.

обходимая мера, чтобы этим, поселив в них страх, удобнее можно было их обманывать; 3) они знают средство, как, заманив однажды к себе работника, завести его в большой долг и тем оставить его у себя на неопределенное время; средства самые легкие: они берут у черноморского откупщика водку и, примешав туда большую пропорцию воды, с таковою полуводкою отправляются сами или посылают своих приказчиков на свои рыбные заводы, потчуют поселян под видом магарычей, следовательно, даром. А кого не соблазнит водка на рыбной ловле? Поселяне изнемогают от трудов, мокрые, продрогшие пьют без пощады, полагая, что это есть поощрение к трудам, не зная того, что в счету за все записано вдвое против выпитого, а, полагая примесь воды, выходит втрое или четверо, не говоря уже о необыкновенно высокой цене. Это бывает, по крайней мере, раза 2 в неделю... Посполитаки, имея свои лавки в Темрюке с разными вещами и одеждою, сбывает их по большей части в долг работающим у него поселянам и не тому, кто пожелает, но в сем случае у них своя манера. Присылают или сами привозят на рыбные заводы или собирают полу-

пьяных поселян в лавку и раздают столько-то кафтанов, сапог и прочего, не спрашивая, нужны ли они им, бери! Не берешь — вон из завода! Кто пожелает, начатое дело не кончив, уйти без расчета, следовательно и без платы? Спрашивают поселяне о цене вещей, отвечают: лишнего не положим, для всех уступим по сходной цене, а между тем по счету за все положено вдвое...

Вопреки договорам, существующим между хозяином и работниками, Посполитаки ставят в непомерную цену отпускаемые с'естные припасы. Малейший ропот, допущенный поселянами, наказывается плетью или изгнанием.

В исходе апреля, по окончании рыбной ловли, гг. Посполитаки делают расчет с работниками, и, хотя бы ловля была хороша, мало примеров, чтобы Посполитаки пришлось что-нибудь уплатить работникам; напротив того, работники остаются в долгу (нередко в сумме до 100 рублей), который должны отработать. Наступает сенокосение; Посполитаки предлагают косить сено за долг, назначая цену, какую хотят, и всегда гораздо меньше настоящей; денег у работников нет, поневоле они должны взяться за работу, и новая работа, сопровождаемая вышеозначенными мерами хозяев, вводит поселян в новые долги с последующими работами. Я лично слышал от Посполитаки, — говорит, далее, Гринфельд, — что кубанские поселяне остаются и поднесь должны денег свыше 20 000 рублей ассигнациями¹.

Если даже кому-нибудь из поселян, который позажиточнее и воздержаннее, удастся сквитаться с Посполитаки, то опять новая беда. Поселянин просит увольнения и свой билет, ему говорят: «Билет твой послан в Анапу на перемену». «Да он не просроченный у меня». «Комендант требовал — подожди несколько дней, я ожидаю его наднях». Другому говорят: «Билет твой затерялся, приходи завтра, наведайся через неделю». Третьему Посполитаки говорит: «Подожди, теперь некогда», — а сам между тем уезжает в Керчь или Екатеринодар. Просят дру-

гого Посполитаки, тот отвечает: «Я без брата не знаю». Проходит несколько самых рабочих дней, и бедные поселяне, чтобы не оставаться праздными, должны оставаться работать за такую цену, какую предложит Посполитаки.

Чтобы прикрыть свои обманы, Посполитаки не пропускают ни одного проезжего чиновника (разумеется, из тех, которые им нужны), чтобы не пригласить к себе в дом, не угостив и не выставив на вид свои добродетели, кои им известны только по названию. Они имеют своих агентов и приятелей, которые, где только нужно, прославляют их имя.

Рождается вопрос: Посполитаки поступают так с поселянами уже 4-й год, почему до сих пор поселяне не жаловались на них? Жаловаться следует своему начальству, — значит надо идти в Анапу за 150 верст, на обратном пути выдерживать карантин, — словом сказать, надо потерять не менее одного месяца времени, а время каждому дорого. Некоторые и на это решались, приносили жалобу, вследствие которой анапское временное правление даже в некоторых случаях сносилось с черноморским сыскным начальством, которое постоянно отвечало, что жалоба оказалась неосновательной и что поселяне сами виноваты, и дело тем кончалось. Написать же прошение на Посполитаки никто не может и не смеет: они имеют такой вес в Черномории, что первый, рискнувший на это, немедленно был бы уничтожен².

Это подтверждает в своем рапорте и майор Юрьев, перечисляя в конце его поименно тех, против кого направлен «...всеобщий ропот бедных жителей и большого числа угнетенных чиновников: тут и наказной атаман войска генерал Завадовский, и гражданский судья Перекрест, и прокурор, и непременно члены войсковой канцелярии и т. д. и т. п.». Ясно, что вся эта спешившая компания покрывала все преступления Посполитаки, так как была заинтересована во всех их «предприятиях».

Тогдашний командир Кавказского корпуса Розен не мог, очевидно, не

¹ Около 7000 рублей серебром.

² ГИМ. Архив барона Розена. Кавказ. № 5, стр. 454—462.

реагировать на рапорты двух майоров-жандармов. По крайней мере в его архиве сохранилось несколько документов, являющихся как бы опровержениями цитированных выше рапортов¹. Но то, что содержится в этих документах и что должно было реабилитировать Посполитаки, только подтверждает правильность характеристики, сделанной Юрьевым и Гринфельдом.

Составитель документов признает также, что Посполитаки, «находясь из детства в торговом состоянии, получил всю склонность к оному и, очевидно, в силу этого был маркитантом в 1828 году при осаде и взятии Анапы». Тут же признается, что при этом у его приказчиков, продававших хлеб и другие продукты, было найдено и выброшено в море негодного, подмоченного водой хлеба на значительную сумму (приводя этот факт, составитель документа, очевидно, хотел указать на бдительность начальства и отсутствие с его стороны потачки Посполитаки². Наконец, из этого документа мы узнаем, что в 1830 году Посполитаки имел своих маркитантов при отряде за Кубанью, а отрядом командовал наказной атаман генерал Бескровный, сам занимавшийся спекуляциями. После взятия в 1820 году Анапы, он купил у быв-

шего анапского паши десять тысяч пудов соли по 10 копеек за пуд, а потом продал черкессам по 1 р. 20 к. за пуд³. Документы свидетельствуют также, что и другой Посполитаки, Иван, «заболел» в 1826 году и потому не был на кордонной службе, но зато занимал разные «доходные» должности в Темрюке.

Из документов архива Розена не видно, какое дальнейшее направление получило это дело, но в рапорте жандармского генерала Юрьева (бывшего в 1834 году майором) шефу жандармов Орлову 14 мая 1854 года сказано: «Черноморцы сетуют на стеснение их откупным содержанием разных статей, особенно по рыбным промыслам войскового старшины Посполитаки, что, впрочем, не без основания и на что черноморцы неоднократно приносили жалобы, остававшиеся без последствий»⁴.

Итак, Посполитаки через 20 лет был уже войсковым старшиной, по-прежнему промышлял рыбной ловлей, и по-прежнему на него не могли найти ни суда, ни расправы. Объясняется это, конечно, тем, что система колониального грабежа и в 30 и в 50-х годах была одна и та же.

Васильевы, Смиттены, Посполитаки были фигурами, характеризующими колониальную политику царизма вплоть до его свержения.

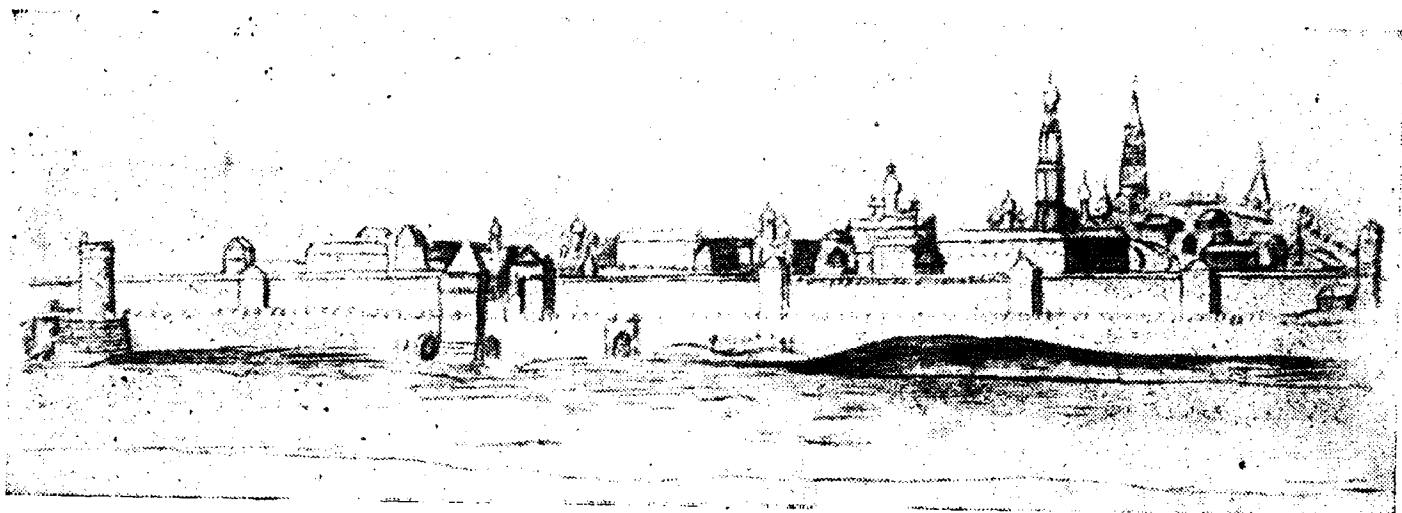
¹ ГИМ. Архив барона Розена. Кавказ. № 5, стр. 379—451.

² За эту «кампанию» Александр Посполитаки получил орден Анны 3-й степени.

³ Архив революции. III отд. 1 эксл. 1928 г. № 416, л. 13.

⁴ Архив революции. III отд. 1 эксл. 1854 г. № 89, л. 23.

П. Ефремов

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В НАЧАЛЕ XVII века

1

(„Смутное время“)

К концу царствования Ивана Грозного классовые противоречия в Московском государстве достигли большой остроты.

В стране шла непрекращающаяся борьба между крупными землевладельцами—боярами—и мелкими и средними землевладельцами — дворянами. Опричнина подорвала экономическую мощь и ликвидировала прежние удельно-феодальные привилегии боярства, но не сломила его окончательно: боярство продолжало бороться с дворянами за власть и за усиление своих экономических позиций. Обострялись также классовые противоречия между всем землевладельческим классом и общественными низами—крестьянами и холопами. К концу XVI века процесс закрепощения крестьянства продвигался чрезвычайно быстро. Угнетаемые и закрепощаемые холопы и крестьяне бежали на юг государства, в Северскую Украину, на Дон и Поволжье. Массовое бегство крестьян и холопов на юг приводило к запустению и разорению центральных областей государства.

Непрекращающаяся борьба между дворянством и боярством, нарастающее недовольство общественных низов, усиление феодальной эксплуата-

ции и закрепощение крестьянства, общая неустойчивость и брожение подготовили тот общественный кризис, который разразился в Московском государстве в начале XVII века и который назван был современниками «Смутным временем»¹.

Ни царствование слабоумного сына Грозного, царя Федора Ивановича (1584—1598 годы), ни первые годы царствования его шурина, Бориса Годунова, не внесли существенных перемен в сложившуюся обстановку. Борис Годунов продолжал в основном политику Грозного. Он хотел прежде всего укрепить расшатанное управление государства и экономические позиции дворянства. В этом отношении Годунов имел вначале несомненные успехи. Русские и иностранные современники Годунова единогласно указывают, что в его правление страна начала постепенно оправляться и богатеть. Флетчер подкрепляет эти свидетельства современников цифровым материалом. Он указывает, что при Иване IV продажа излишков податей, доставляемых натурой, приносила при-

¹ Более подробно о предшествующих событиях см. мою статью в № 5 журнала «Борьба классов» за 1936 год.

казу Большого Двора не более 60 тысяч ежегодно, а при Годунове — до 230 тысяч рублей, т. е. почти в 4 раза больше¹.

Внешняя политика Бориса Годунова также велась успешно: поход русских войск к Нарве в 1590 году закончился возвращением Москве захваченных шведами русских земель по берегу Финского залива (Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Корела).

Дворянский характер политики Годунова определился еще во время его службы в опричнине и затем в борьбе за престол. Борьба Годунова с рядом представителей боярства, претендовавших на престол, закончилась его победой. Богдан Бельский, Шуйский и другие бояре были сосланы, митрополит Дионисий низложен, а участвовавшие в заговоре против Годунова московские купцы казнены.

В 1601 году, когда Годунов уже был царем, он сослал и бояр Романовых с семьями, с которыми до этого у него было временное соглашение. Старшего из них, Федора Никитича, насильно постригли в монахи под именем Филарета. Вместе с Романовыми пострадали их родственники: князья Черкасские, Шестуновы, Репнины, Сицкие, Карповы. Решающую роль в этой борьбе с могущественными противниками Годунова сыграли «дети боярские», старый опричный двор Грозного, над которым Годунов был непосредственным начальником. Вот почему, став царем, Годунов всячески поддерживал мелкопоместное дворянство. Дворянство получало усиленное денежное жалование во время походов. В интересах дворян-помещиков были введены законодательные мероприятия, усилившие крепостнический гнет. В 1592—1593 годах, еще при царе Федоре Ивановиче, была проведена перепись крестьянского населения. Теперь крестьяне-старожильцы и формально были лишены права перехода от одного землевладельца к другому. Указ Годунова 1601—1602 годов разрешал «возить» крестьян друг у друга только мелким помещикам: крупные землевладельцы лишались этого права. Ко-

личество перевозимых крестьян ограничивалось (не более двух). Этот «указ татарина Бориса Годунова, — говорил Маркс, — превратил русских крестьян в придаток их земельных участков»². В 1597 году был издан приказ об явке «крепостей», т. е. о предъявлении в Холопий приказ именных списков холопов как служивших в то время, так и сбежавших. «Крепости» на них записывались для большей прочности в книги. «Кто дал на себя, — гласил приказ, — служилую кабалу с 1 июня 1586 г., тем быть в холопстве, денег по этим служилым кабалам у них не брать и челобития их не слушать, а выдавать их господам в службу до смерти. Которые люди служат у кого добровольно, тех вольных людей ставить в Холопьем приказе с теми, у кого служат, да расспрашивать, как давно служат? и кабалу на себя дают ли? которые люди вольные послужили у кого недель 5—6, а кабал на себя давать не хотят, тех отпускать на волю; а кто прослужил с пол года и больше, на тех служилые кабалы давать и челобития их не слушать»³.

Однако политика Годунова не только вооружала против него боярство и часть купечества, но не удовлетворяла и некоторые группы дворянства. Между дворянами были также противоречия, вызывавшиеся неодинаковым положением различных прослоек дворянства. Так например все меры Бориса Годунова, направленные на ликвидацию запустения центральных областей государства, на закрепление рабочих рук за помещиками центра, были невыгодны для помещиков южных окраинных областей, которые как раз были заинтересованы в уходе крестьян из центра на юг.

М. Н. Покровский устанавливал резкую грань между политикой Годунова-правителя (до 1598 года) и политикой Годунова-царя: «Политика Годунова-правителя еще была классовой дворянской, — хотя не столько по тесной связи с этим классом, сколько потому, что все другие классы

² Маркс «Капитал» Т. I, стр. 580. Партиздат. 1932.

³ Цитируется по Соловьёву «История России с древнейших времен». Т. VII, стр. 418.

¹ Флетчер «О государстве русском». Гл. XII, стр. 44. 3-е изд.

Русская деревня в XVII веке.

По рисунку Олеария.

были в данный момент не на его стороне... политика царя Бориса начинает принимать характер совершенно своеобразный»¹, — писал Покровский.

Покровский приходит к выводу, что Годунов вел политику под'ема крестьянского хозяйства, что он стремился создать в центре сносные условия существования для крестьян, но что в этой политике правительство оказалось «социально одиноким»². Совершенно очевидно, что такое утверждение о «социально одиноком» или, другими словами, внеклассовом характере правительства Годунова является антимарксистским.

В последние годы пребывания Годунова на престоле страну постиг сильнейший неурожай и голод, явившийся результатом хищнического ведения хозяйства в течение длительного предшествующего периода. Начиная с первых лет опричнины, устойчивость землевладений нарушилась, земли непрерывно переходили из рук в руки. Нормального, рассчитанного на длительное пользование ведения хозяйства не было. Случайные атмосферные явления («дожди великие» все лето, из-за которых хлеб не мог созреть, и ранние морозы) не могли бы иметь таких пагубных последствий, если бы хозяйство не было подорвано вконец хищническими методами его ведения. Неурожай не был общим для всей страны. Бедствию подверглись особенно центральные области. В некоторых областях на юге, как например в Курской, был хороший урожай, и туда стекалось много народа из голодающих районов. Попытки Годунова наладить в Москве денежную по-

¹ М. Н. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. II, стр. 21. Соцэкгиз. 1933.

² Там же, стр. 24.

мощь голодающим привели к еще худшим результатам. Массы населения со всего государства двинулись к Москве. Раздачу денег пришлось прекратить.

Неурожай способствовал широкой дворянской и монастырской спекуляции хлебом: хлебные цены выросли в несколько десятков раз. К голоду присоединилась эпидемия холеры: по некоторым, очевидно преувеличенным, данным в одной только Москве от голода и эпидемии погибло до полумиллиона людей.

Землевладельцы отказывались кормить своих холопов круглый год и прогоняли их, как только кончались полевые работы. По стране бродило также много голодных холопов опальных бояр, которых никто не мог принимать к себе на службу как подозрительных. Все эти люди уходили к границам Московского государства, в Северскую Украину и на Дон, которые и без того были наполнены людьми, ждавшими только удобного момента для выступления против существующей власти.

В числе недовольных были различные социальные элементы. Тут были и опальные бояре, которые опричина или последующие репрессии Годунова выбросили из благоустроенных вотчин на окраины государства. Огромную массу недовольных составляли дворяне южной полосы государства. Почти сплошь мелкопоместные, с трудом устраивавшие свое хозяйство в необжитых еще местах, они не встречали поддержки со стороны правительства. Гарнизоны окраинных городов были заполнены всякого рода низшими служилыми людьми: стрельцами, пушкарями и т. п. В степях по Днепру, Дону и их притокам были рассеяны поселения (станции) каза-

ков, которые то «верстались» в государеву службу, то снова бросали ее и делались вольными. Среди низших служилых людей — казаков — было очень много беглых крестьян и холопов боярских, которые жили в постоянном страхе, что их разыщут и возвратят в неволю. Многие из них были обучены военному делу. Для всех этих недовольных нужен был только толчок. Появление в пределах Польши человека, выдававшего себя за спасшегося от смерти сына Грозного, Дмитрия, идущего теперь на Москву добывать отцовский престол,¹ способствовало взрыву недовольства среди различных социальных групп.

В разных частях Московского государства начали вспыхивать восстания. Стремления восставших были различны, но на время их объединяло одно желание: свергнуть Бориса Годунова.

2

До сих пор остается невыясненным вопрос, кем же был в действительности Лжедмитрий. Московское правительство объявило его сыном боярским из Галича — Григорием Отрепьевым. Отрепьевым считает его и большинство историков. В Польше Лжедмитрий служил у князя Адама Вишневецкого; там он и объявил себя царевичем. Польские пань: князь Вишневецкий, воевода Сандомирский, Юрий Мнишек — были первыми, кто ввел самозванца в польское общество. Лжедмитрий основался у Мнишков, принял католичество и сделался женихом дочери Мнишка — Марины. Затем Лжедмитрий получил признание как царевич от папского нунция (уполномоченного папы римского) при

¹ Последний сын Грозного, Дмитрий, оставшийся после отца младенцем, проживал с матерью и родственниками по матери Нагими в Угличе, куда они были удалены после неудачного выступления Богдана Бельского, пытавшегося посадить Дмитрия на престол. 15 мая 1591 года царевич Дмитрий был найден на своем дворе с перерезанным горлом. Следственная комиссия, присланная из Москвы во главе с князем Василием Шуйским, выяснила, что царевич, играя ножом, зарезал себя в припадке падучей болезни. Несмотря на это распространился слух, что Дмитрий убит приверженцами Годунова по его поручению.

польском дворе Рангони и польского короля Сигизмунда III. Король оказал ему помощь деньгами и позволил вербовать в свою дружину «охочих людей». Во главе собиравшейся вокруг Лжедмитрия рати стал Юрий Мнишек.

Еще не вступив на престол, Лжедмитрий уже начал раздавать русские земли: в записи, выданной им Мнишку, Лжедмитрий обязался отдать его дочери Марине Новгород и Псков со всеми принадлежащими им владениями. В июне того же года он «уступил» самому Мнишку почти все Северское княжество и половину Смоленского, другую половину Смоленского княжества и 6 городов из Северского Лжедмитрий обязался уступить королю.

Кроме территориальных уступок, которые рассматривались польскими панями лишь как начало, Лжедмитрий обязался устроить на будущее время «вечное соединение» государства Московского с Польшей и способствовать распространению католической веры. Через Лжедмитрия как своего ставленника польские пань рассчитывали добиться в отношении Москвы того же, чего незадолго до этого по Люблинской и по Брестской унии они добились от Литвы, т. е. полного под-

Русские крестьяне XVIII века.
По рисунку Олеария.

Стрельцы. XVII век.

чинения Московского государства Польше и уничтожения его национальной независимости.

Польско-литовское государство под своей властью имело много русских земель, за возвращение которых начала бороться Москва, как только она окрепла. В начале XVI века Москва отобрала Смоленск и Северскую землю. Все же под властью польско-литовского государства оставалось еще много русских земель. Особенно обострились все противоречия во время Ливонской войны, когда из-за бережий Балтийского моря Москва столкнулась одновременно и с Польшей и с Швецией. Польский король Стефан Баторий высказывал в письмах к папе Григорию XIII и позже Сиксту V свои надежды на оккупацию Москвы. Преемник Батория, Сигизмунд III, продолжал его политику. Трудности, переживаемые Московским государством, Сигизмунд надеялся использовать для осуществления давних стремлений Польши.

Польская шляхта во главе с королем Сигизмундом оказала поддержку самозванцу: Лжедмитрий был прежде всего ее ставленник. Внутри Московского государства сторонниками Лжедмитрия были бояре, которые безуспешно пытались выступить против Годунова. Можно считать более или менее установленным, что до своего побега в Польшу Лжедмитрий жил во дворе у Романовых и у их родствен-

ников — князей Черкасских. Когда объявился самозванец, Борис прямо заявил боярам, что появление самозванца их рук дело.

Польские паны положили начало и военным силам Лжедмитрия. Мнишек собрал 1600 человек польской конницы для будущего зятя. К Лжедмитрию присоединилось еще до начала похода около 200 человек московских людей из разных городов и 2 тысячи донских казаков. С этим войском примерно в 4 тысячи человек Лжедмитрий двинулся к границам Московского государства. В октябре 1604 года он перешел границу.

Один за другим пограничные города сдавались без боя: казаки и стрельцы, сидевшие в этих городах в качестве гарнизонов, вязали своих воевод и открывали ворота самозванцу. Так сдались города: Чернигов, Путивль, Рильск, Курск, Белгород, Кромы и другие.

Только под Новгородом-Северским Лжедмитрию было оказано сопротивление. Здесь воеводой был Петр Федорович Басманов, любимец Годунова, которого он возвысил наперекор боярству. В январе 1605 года Лжедмитрий потерпел серьезное поражение под Севском и бежал к Путивлю. Но разгоравшиеся казацко-крестьянские восстания, направленные против крепостничества, давали ему новые силы.

Одной из основных причин неудач войск Годунова в борьбе с Лжедмитрием следует считать то обстоятельство, что пришедшие на юг северные помещики в первую очередь принялись разыскивать и хватать своих беглых крестьян. Эти розыски приняли такие размеры, что о сколько-нибудь серьезной борьбе с Лжедмитрием не могло быть и речи. К тому же охота за беглыми в еще большей степени восстановила против правительства Годунова крестьян и южных помещиков, которые были заинтересованы в закреплении беглых за своими поместьями.

В то время по всей южной части государства поднимались крестьянские восстания, которые усмирялись с большой жестокостью царскими войсками. Расправы эти только усиливали ненависть крестьян к Борису и

и их на сторону Лжедмитрия с обеих сторон Северской Украины. К самозванцу казаки, местные дворяне, прибывали и другие низшие служилые или самозванца росли и в декабре 1604 года достигли 15 тысяч человек. Войско же Годунова таяло ввиду самовольного ухода многих по домам. Среди воевод были «неприятели»: некоторые из них отказались воевать за Годунова и оказали прямую помощь самозванцу. Это критическое время внезапно наступило для Бориса Годунова. После его смертельного воевода, Басманов, сговорившись с князьями Василием и Иваном Шуйскими и боярином Михайлой Фроловым, передался со всем войском на сторону Лжедмитрия. Самозванцу был открыт свободный путь на Москву, куда он и двинулся уже без всякого сопротивления.

20 июня 1605 года Лжедмитрий с торжеством въехал в Москву. Но очень скоро родовитое боярство, которое помогло самозванцу свергнуть Годунова, убедилось, что политика Лжедмитрия является прямым продолжением дворянской политики Го-

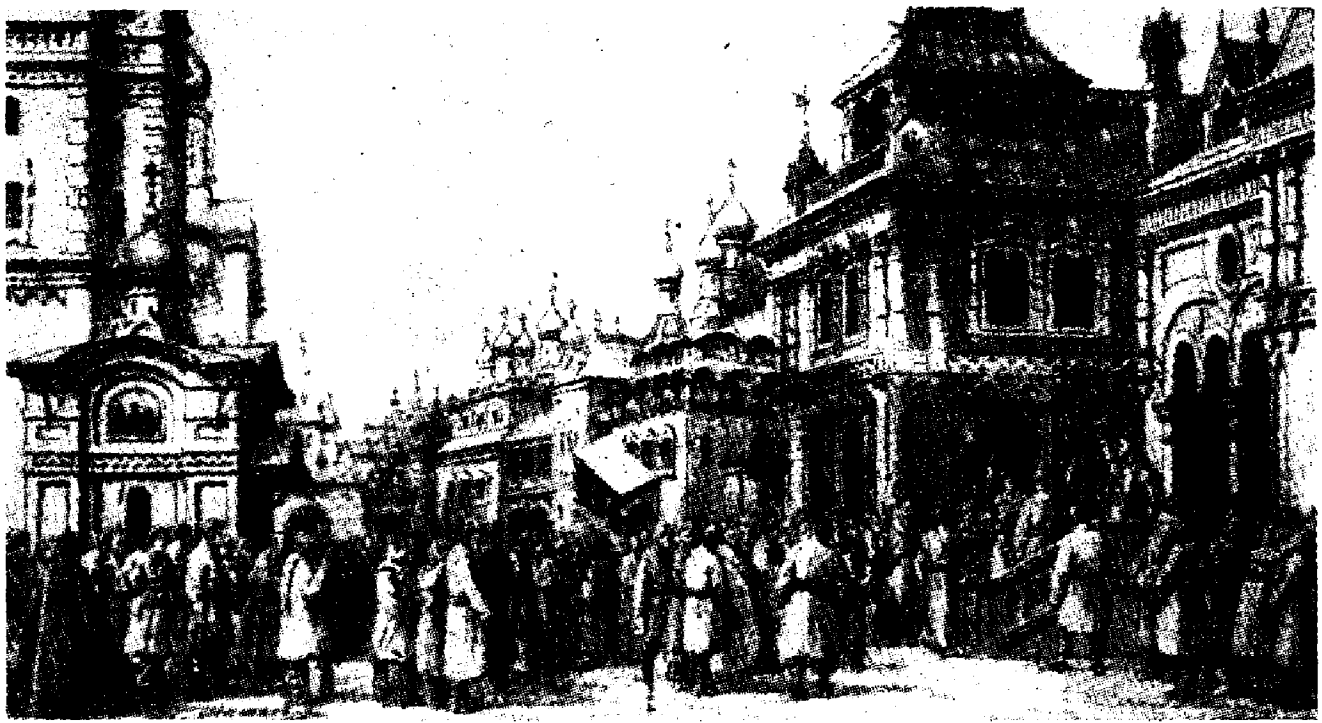
дунова, с той только разницей, что преимущественное значение для Лжедмитрия имели интересы южных степных помещиков, три помощи которых он пришел в Москву. Земли и денежное жалованье раздавались при Лжедмитрии в большем количестве чем когда-либо. Русские летописцы писали впоследствии, что «при сего царствия мерзостного расстриги от многих лет собранные многочисленные царские сокровища Московского государства истощились». Деньги эти пошли казакам, польским ратным людям и русским дворянам, оклады которых были увеличены вдвое. В земельную раздачу шли в первую очередь огромные имения Годуновых, но начали уже затрагивать и монастырские земли и капиталы.

Боярство начало подготавливать заговор против Лжедмитрия, используя для этого ту неприязнь, которую внушало поведение Лжедмитрия, шедшее вразрез со старинными московскими обычаями и религиозными обрядами. Особенно было недовольно население тем, что вместе с Лжедмитрием в Москву пришли и поляки, которых по случаю свадьбы нового царя с Мари-

Становяще войск Лжедмитрия.

С картины Иванова.

Народ перед кремлевскими палатами в дни вступления Джемдмитрия на престол.
С картины Шишкова.

ной Мнишек набралось в Москве до 6 тысяч. Поляки вели себя в Москве как в завоеванном городе и возбуждали против себя весь народ.

Во главе заговора стал вместе с князьями Голицыными, Куракиным и Воротыньским Василий Шуйский, который раньше признал Лжемдмитрия царевичем. Военную силу заговора составили отряды военных слуг бояр-заговорщиков, стянутые ими к Москве из своих вотчин. К ним присоединились и новгородские дворяне, собранные в Москву для предпологавшегося похода в Крым, которые не были заинтересованы в походе представлявшем интерес для южных степных помещиков. Поднялись и посадские, вставшие против поляков.

В ночь с 16 на 17 мая 1606 года Лжемдмитрий был убит. Была перебита и часть поляков. Покончив в Лжемдмитрием, бояре остановили кровопролитие, которое могло привести к войне с Польшей.

Авантюрист, ставленник польских панов, Лжемдмитрий изображается М. Н. Покровским как вождь восставшей крестьянской массы. Такая оценка дана Покровским в книге «Русская история в самом сжатом очерке», рекомендованной Наркомпросом как учебник для средней школы. В качестве доводов Покровский приводил два указа Лжемдмитрия, касающихся

беглых крестьян и холопов. Первый указ предписывал писать служилые кабалы только на имя того лица, которое давало займы деньги, а не вместе с его наследниками. Таким образом, указ имел целью не допускать превращения холопства в наследственное. В действительности этот указ был вызван тем, что служилая кабла как результат долговой зависимости угрожала не только крестьянам, но и многим людям из низших слоев дворянства. Другой указ, в котором разрешалось крестьянам, ушедшим от своих господ во время голода, оставаться на новых местах, был издан в интересах южных степных помещиков, к которым уходила большая часть беглых крестьян. Таким образом, даже эти два указа шли не столько на пользу крестьян, сколько дворян. Ставленник польского панства, Лжемдмитрий только использовал в своих целях восставшую крестьянскую массу.

3

После убийства Лжемдмитрия хозяевами в Москве остались бояре. К главе боярского заговора, князю Василию Шуйскому, и перешла власть. Земского собора из представителей «всех чинов людей», как было при вступлении на царство Бориса Годунова, созывать не стали. Новый царь

был избран, вернее, «выкрикнут», случайной толпой, собравшейся на Красной площади 19 мая 1606 года, через два дня после переворота.

В крестоцеловальной записи новый царь — Шуйский — давал обязательство «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предать и вотчин и дворов и животов (имущества. — П. Е.) у братии их и у жен и у детей не отымати, буде которые с нами в мысли не были, также у гостей, и у торговых и у черных людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертные вины и после их у жен и у детей дворов и лавок и животов не отымати буде с ними они в той вине повинны»¹.

Из факта поддержки Шуйского московскими купцами нельзя, однако, сделать вывод, что Шуйский был купеческим царем, что в лице Шуйского буржуазия «впервые держала в руках верховную власть»². Боярская суть нового правительства очень ярко выявилась в тех указах, которые были изданы Шуйским. Бояре, по

¹ «Памятники по истории смутного времени», № 6. Изд. Н. Ключкова.

² М. Н. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. II, стр. 37.

словам современников, имели больше власти чем царь. Новый царь отменил указ Лжедмитрия о крестьянах, сбежавших от помещиков в голодные годы. Указ Шуйского увеличил срок сыска беглых с 5 лет, как было по указу 1597 года, до 15 лет. Обязанность разыскивать беглых возложена была на администрацию. Холоп, прослуживший больше полугода, обязан был дать на себя кабалу.

Против боярского царя Шуйского сразу поднялось восстание в южной части Московского государства. Первым поднялся Путивль, за ним другие северские города. Скоро восстание охватило весь юг. Царские войска были разбиты. Восставшие подошли к Москве и укрепились лагерем в селе Коломенском.

Но Шуйский на этот раз уцелел благодаря расколу среди восставших.

Для борьбы против боярства временно соединились два враждебных класса: с одной стороны, дворяне-помещики, наиболее видными представителями которых были рязанцы Григорий Сумбулов и братья Прокопий и Захар Ляпуновы, а с другой стороны, общественные низы — крестьяне и холопы. Промежуточное положение между ними занимало казачество.

Боярин с вооруженной челядью. XVII век.

Лжедмитрий перед нападением заговорщиков.

Низшие слои его тянули к крестьянам и холопам, а казацкая старшина, атаманы — к помещикам, так как и сами они стремились стать помещиками. Представителем казачьей старшины был атаман Истома Пашков. Наличие различных прослоек приводило к большим колебаниям среди казачества.

Вождем восставших крестьян был Иван Исаевич Болотников, по имени которого называется и все это крестьянское движение. Болотников был раньше холопом у князя Телятевского, затем он попал в плен к татарам, был продан ими в Турцию, несколько лет работал невольником на галерах, бежал из неволи и попал в Венецию. Оттуда он пробрался через Польшу в Московское государство в период, когда там начиналось восстание крестьянства. Болотников возглавил крестьянское движение.

Воззвания Болотникова до нас дошли не в подлинниках, а в изложении людей враждебного класса. Но и из этого изложения видно, что Болотников призывал побивать бояр и дворян, захватывать их вотчины и поместья, побивать купцов и отнимать их имущество. Своим сторонникам Болотников обещал боярство, воеводство и дьячество. У восставших кре-

стьян не было ясной программы борьбы. Одно совершенно очевидно, что крестьянское движение было направлено против бояр и дворян, против крепостничества.

Когда восставшие подошли к Москве, между ними произошел раскол. Рязанские дворяне, почувствовав опасность, которую несло для них движение Болотникова, перешли на сторону Шуйского и явились в Москву с повинной. Казаки во главе со своим атаманом Пашковым колебались еще две недели, но когда Шуйский из Москвы напал на восставших, также перешли на его сторону. Болотников был отброшен от Москвы и засел в Калуге, а затем перешел в Тулу.

Весной 1607 года Шуйский осадил Тулу. С величайшим мужеством защищались осажденные. Город был взят только хитростью: Шуйский устроил плотину на реке Упе и затопил город. В октябре 1607 года Тула сдалась. Жестокая расправа ожидала восставших. Районы восстания были отданы на полное разграбление отрядам Шуйского, взятых в плен тысячами убивали, топили в реках, отдавали «старым боярам». Многих дворяне разбирали из тюрем по домам, взявши с них на свое имя «служивые кабалы», т. е. обращали в холопов. Те, кого отпускали, уходили обратно на юг, где становились резервом для новых восстаний.

4

Торжество Шуйского было преждевременно. В августе 1607 года в пределах Польши появился второй Лжедмитрий, который был очень мало похож на первого самозванца. Но вопрос о сходстве мало тревожил польских панов. Нового самозванца поляки послали в пределы Московского государства прямо из тюрьмы пограничного городка Пропойска, куда он попал по подозрению в шпионаже. Поляки составили и основную военную силу Лжедмитрия II. Знатный польский князь Рожинский привел к Лжедмитрию четырехтысячное войско, к нему присоединились Лисовский, Ян Сапега и много других польских панов.

Когда Лжедмитрий II был уже в пределах Московского государства, к

нему стали собираться казацкие отряды, остатки отрядов Болотникова, из-под Тулы пришел донской атаман Заруцкий. С этим войском Лжедмитрий шел от Стародуба на Почеп, Брянск, Козельск и Белев, направляясь к Туле, где сидел еще в осаде Болотников. Узнав о сдаче Тулы, Лжедмитрий ушел назад, в Путивль.

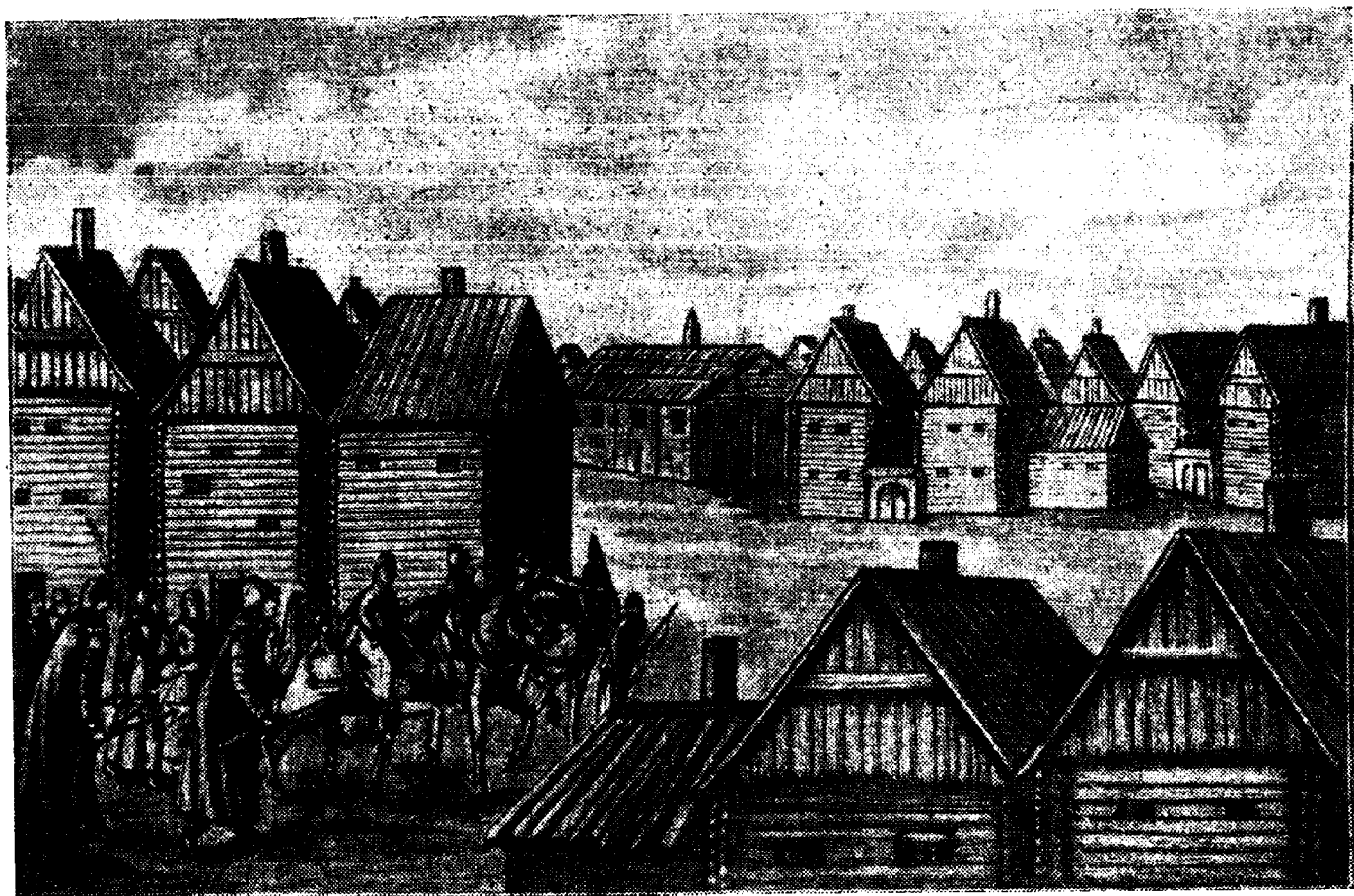
Весной 1608 года военные действия возобновились. В двухдневной битве у Болхова 10 и 11 мая Лжедмитрий разбил московские войска. Через Калугу и Можайск он двинулся на Москву и, подойдя к ней, стал лагерем в селе Тушине. Москва оказалась снова в осаде, которая продолжалась около двух лет — с июля 1608 года до весны 1610 года. Рожинский пытался взять Москву приступом, но это не удалось. Не удалось также установить полную блокаду Москвы, так как под Коломной польско-литовские отряды были разбиты князем Пожарским и дорога через Коломну на Рязань, которая поддерживала Москву хлебом и ратными людьми, оставалась все время свободной. В числе осажденных находились семьи рязанских дворян, которые были ими вывезены в Москву, чтобы не подвергаться опасностям в своих имениях.

Кроме рязанских служилых людей,

собственного двора Шуйского и стрельцов в Москве были еще служилые люди из Новгорода, Пскова и заволжских городов. Но когда отряды Лжедмитрия стали захватывать и северную часть государства, эти служилые люди начали расходиться по домам для защиты своих семей и имущества. После битвы с войсками Рожинского начинаются шатания и «перелеты» к самозванцу. Из более знатных бояр уходят в Тушино к Лжедмитрию князья Сицкий, Черкасский, Трубецкие, за ними незнатные служилые люди, как Бутурлины, приказные дельцы, как подьячий Петр Третьяков, и другие. Глава романовской семьи Федор Никитич, насильно постриженный в монахи под именем Филарета, при Лжедмитрии I был назначен митрополитом Ростовским, а при появлении второго самозванца — патриархом в Тушине. Таким образом, вся московская иерархия воспроизводилась в Тушине.

Какова была расстановка классовых сил в борьбе между московским правительством Шуйского и тушинским правительством Лжедмитрия II?

За Шуйского стояло родовитое боярство, верхи дворянства, дворяне подмосковные, будущая дворянская гвардия. Шуйского поддерживало так-

Московская улица в XVII веке.

• По рисунку Олеария.

же крупное купечество—«лучшие люди» как в Москве, так и в других больших торговых центрах (Пскове, Вологде, Ярославле, Устюге, Костроме, Галиче, Вятке, Перми). За «лучшими людьми» шло и «черносошное» крестьянство Поморья, которое не испытало феодального гнета в такой степени, как крестьянство центральных и южных областей государства (помещиков в Поморье не было). Среди «черносошного» крестьянства была группа торговых крестьян, близкая к состоятельным посадским кругам.

За Лжедмитрия стояли преимущественно мелкие и средние помещики юга, а также других областей государства. Подмосковные мелкие помещики присоединились к тушинцам, осаждавшим Троицкий монастырь. Костромские и галицкие дети боярские, выступившие в начале 1609 года вместе с воеводами Шуйского против Лисовского, перешли затем на сторону тушинцев и пытались отбить артиллерию, но были побиты. Совершенно ясна классовая подоплека этой позиции мелкого дворянства: при боярском правительстве им «как худородным» нечего было рассчитывать на возвышение, и они искали возможностей для этого в лагере Лжедмитрия. За Лжедмитрием шли все время и казаки, часть которых также рассчитывала сделаться помещиками.

Основную военную силу Лжедмитрия составляли отряды польской конницы, по своей выучке и вооружению далеко превосходившие дворянские ополчения москвичей. При первом самозванце польско-литовская интервенция носила более замаскированный характер. При Лжедмитрии II интервенция делается открытой. В Тушине польские паны играли большую роль. Они установили огромные поборы с городов и уездов на жалованье полякам. В каждый город для реквизиций были разосланы один поляк и один москвич. Польские паны размещались на поместных землях, в частных вотчинах и за их счет кормили свои отряды. На тушинского «царя» польские паны не обращали никакого внимания и грубо и презрительно обращались с ним.

Несмотря на разгром Болотникова,

крестьянские восстания в это время охватили весь московский центр, Среднее и Нижнее Поволжье и западную окраину государства. На Поволжье поднялись недавно покоренные мордва, татары, черемисы (мари) и другие народности. Воеводы Шуйского жестоко расправлялись с восставшими. Нижегородский воевода Алябьев пишет Шуйскому в декабре 1608 года: «И под Нижним, конца Николина дня, мордву и бортников и арзамасцев и иных многих воров побили наголову»¹. Сообщается также о поражении восставших под Свияжском: «Января в первый день под Свияжским государевы люди многих воровских людей свияжских и чебоксарских и кокшайских и алаторских, татар и мордву и черемису побили наголову и трупы их положили на семи верстах»². Большое восстание татар, остяков и вогулов готовилось в это время и в Сибири.

Крестьянские восстания были направлены против всех землевладельцев. Тушинцы поддерживали их лишь постольку, поскольку они подрывали силы Шуйского. Но как только эти восстания затрагивали помещиков тушинского лагеря, они жестоко подавляли их. Примером этого может служить судьба Наливайки, одного из предводителей крестьянства, действовавшего во Владимирском уезде. Когда Наливайко был пойман, гетман Сапега ходатайствовал перед Лжедмитрием, чтобы его не казнить и выпустить, за что Лжедмитрий выговаривал Сапеге: «Ты то делаешь не гораздо, что о таких ворах упрощаешь... Наливайко наших людей, которые нам служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и женок... а мы того вора Наливайку за то его воровство велели казнить»³.

Параллельно с крестьянскими восстаниями происходили восстания «меньших» людей в Москве, Нижнем, Ярославле, Пскове и других городах. Особенно упорная борьба происходила в Пскове, который был крупным

¹ Акты Археографической комиссии. Т. II, стр. 151.

² Там же стр. 168.

³ Там же стр. 145 и 154.

экономическим центром того времени, где классовые противоречия выявились особенно ярко.

Движение низов в городах оказало большую поддержку крестьянским восстаниям. Но идейно и организационно возглавить крестьянскую войну против феодалов оно было не в силах.

5

Вскоре Шуйский убедился, что без помощи извне ему не удастся справиться с Лжедмитрием. Он послал своего племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в Новгород собирать ратных людей. Одновременно он дал ему поручение нанимать военных людей в Швеции.

В феврале 1609 года в Выборге было заключено официальное соглашение со шведами, по которому шведский король Карл IX получал за помощь Шуйскому город Корелу с уездом.

Весной 1609 года шведское войско численностью в 15 тысяч подошло к Новгороду. В мае Скопин-Шуйский вышел из Новгорода, взял Тверь и оттуда повернул к Ярославлю, где к нему подошли отряды из заволжских городов. В октябре он занял Переяславль-Залесский и Александровскую слободу. В Александровской слободе к нему присоединилась «понизовая» рать под начальством воеводы Федора Шереметева.

Заключение договора со шведами было использовано польским королем Сигизмундом как формальный повод для прямого вмешательства в русские дела. В сентябре 1609 года король Сигизмунд осадил Смоленск.

Шляхта целиком поддерживала Сигизмунда. Польский гетман Жолкевский пишет в своих записках, что вопрос об интервенции был обсужден не только в тайном совете, но был поставлен на обсуждение сейма. «В полном собрании мнения всех сенаторов, исключая только троих или четверых, согласны были в том, чтобы король не упускал сего случая для умножения славы и распространения владений Речи посполитой»¹.

¹ «Записки гетмана Жолкевского о московской войне», стр. 18. Изд. Муханова.

Снаряжение русских воинов. XVII век.

Осада Смоленска оказалась, однако, более трудным делом, чем ожидал король. Смоленск был очень хорошо укреплен (при Годунове его обнесли каменными стенами) и имел сильный гарнизон. Воевода смоленский Шеин с большим искусством защищал город.

Сигизмунд потребовал от польских панов, чтобы они шли помогать своему королю вместо того, чтобы служить самозванцу. Это требование короля произвело раскол в тушинском лагере. Часть поляков решила уйти к королю, другие были против ухода из Тушина.

Положение Лжедмитрия пошатнулось окончательно. Он пробовал уйти из Тушина с отрядом казаков но Рожинский вернул его и стал держать под надзором как пленника. В ночь с 27 на 28 декабря 1609 года Лжедмитрий, переодевшись в крестьянское платье, убежал в Калугу. Тушинский лагерь стал распадаться. Часть казаков решила уйти в Калугу к Лжедмитрию, другие во главе с атаманом Заруцким остались в Тушине. В марте 1610 года все войско покинуло Тушино и ушло к Волоколамску. Здесь порешили разойтись, куда кому угодно. Часть тушинских бояр и служилых людей обратилась к королю Сигизмунду с предложением дать Московскому государству в

цари своего малолетнего сына Владислава. Из Тушина было отправлено посольство к королю. 4 февраля 1610 года был подписан договор об условиях вступления Владислава на престол. 17 августа он был принят боярами, правившими Москвой после свержения Шуйского.

С распадением тушинского лагеря опасность для Москвы миновала. 12 марта при ликовании народа в Москву в'ехал Скопин-Шуйский. 23 апреля Скопин-Шуйский внезапно умер.

24 июня войска Шуйского были разбиты польским гетманом Жолкевским. Теперь дорога на Москву была открыта. Жолкевский поспешил к столице. Из Калуги подошел к самой Москве и Лжедмитрий II. Москвичей снова ожидала осада. Тогда москвичи восстали: 7 июля 1610 года Шуйский был свергнут. Руководителями переворота были Захар Ляпунов и Иван Салтыков, племянник Михаила Салтыкова.

Положение Московского государства после свержения Шуйского было очень тяжелым. Внутри государства продолжалась ожесточенная борьба. Польские интервенты подходили к самой Москве. Опасность угрожала самой независимости государства. Управление государством перешло к группе из семи наиболее знатных бояр во главе с князем Федором Ивановичем Мстиславским (так называемая семибоярщина). Бояре-княжата решили последовать примеру тушинских бояр и принять на царствование королевича Владислава.

Для сохранения своих богатств и привилегий бояре готовы были идти на потерю национальной независимости.

«Лучше служить королевичу, — говорили бояре, — чем быть побитыми от своих холопей и в вечной работе у них мучиться». 17 августа с гетманом Жолкевским был заключен договор. В основу его был положен договор тушинских бояр. К королю Сигизмунду было отправлено под Смоленск многочисленное посольство во главе с князем Василием Васильевичем Голицыным. Московские «низы» были против Владислава. Но власть была в руках бояр, и Москва

присягнула Владиславу. Польские войска были впущены боярами в Москву и заняли Кремль. Власть в Москве перешла к польскому гетману.

Но король Сигизмунд совсем и не думал отпускать своего сына в Москву. Он хотел сам занять московский престол и подчинить Московское государство Польше.

Польские войска, занявшие Кремль, вели себя как завоеватели. Город был переведен на военное положение. У городских ворот и на стенах были поставлены польские караулы. По улицам ходили патрули. Населению было запрещено носить оружие. Подгородных крестьян не пускали в город.

6

Интервенция поляков вызвала огромный под'ем национального чувства в народе. Король Сигизмунд в это время пытался штурмом взять Смоленск. Гром польских пушек под Смоленском и насилия польского гарнизона в Москве показали, что скрывалось за дипломатическими переговорами бояр-изменников. В январе 1611 года против поляков поднялись рязанские дворяне. Прокопий Ляпунов явился инициатором и здесь. Первенствующее значение в движении получили воеводы и дворяне крупнейших городов и выборные власти наиболее людных и богатых посадских общин — представители купечества. Раньше других городов выступили Ярославль и Нижний Новгород. Во второй половине марта к Москве подошли дворянские и казачьи отряды из многих городов.

Вместе со служилыми и торговыми людьми соединились казаки, беглые крестьяне и холопы боярские. Разнородные общественные группы выступали вместе, чтобы отстоять свое государство от иноземцев. Собравшись под Москвой, ополчение выбрало трех воевод: Прокопия Ляпунова, князя Трубецкого из тушинских бояр и казачьего атамана Ивана Заруцкого. Избранные военачальники не только выполняли задачи по организации ополчения, но и разрешали текущие вопросы государственного управления: собирали деньги и ратных людей по областям, сменяли и назначали вое-

Минин призывает новгородцев помочь Москве.

вод, раздавали поместья, — одним словом, выполняли роль правительства.

От первого ополчения до нас дошло решение (приговор) от 30 июня 1611 года. Приговор показывает, что в его составлении участвовали как служилые люди всех чинов, так и представители казачества — атаманы и простые казаки. Но служилые люди взяли явно перевес над казаками: Приговор 30 июня отнимал землю у тех дворян, которые не явились на службу в ополчение. Церковные земли ратных людей не выставляли, но взамен они должны были вносить деньги. «Старым», т. е. давним, казакам приговор представлял возможность или получить поместные и денежные оклады и служить с городами, сливаясь таким образом с уездными дворянами и детьми боярскими, или получать хлебный корм и жалованье, оставаясь вольными казаками. То и другое ставило казаков в зависимость от государства. Назначаться на должности по уездной администрации казаки не могли. Тех, кто уже был назначен, приговор предлагал с должностей снять и заме-

нить их «дворянами добрыми». Казаков, которые в недавнем прошлом были крестьянами или холопами, приговор указывал отдавать назад их старым помещикам, обращая их снова в подневольное состояние. Эти постановления вызвали возмущение казачьей массы. В особенности казаки негодовали на Ляпунова, которого они считали инициатором и вдохновителем приговора. 22 июля казаки убили Ляпунова. Дворянская часть ополчения, лишившись руководителя, стала расходиться по домам. Под Москвой остались казаки во главе с Трубецким и Заруцким.

Сигизмунд в это время взял Смоленск, а шведы — Новгород.

Новые бедствия, постигшие страну, вызвали еще больший национальный подъем. Этот подъем возглавил выборный человек Нижегородской посадской общины — земский староста Козьма Минин. На одной из городских сходок Минин выступил с горячей речью, убеждая нижегородцев создать ополчение и собрать для него деньги. Нижегородцы охотно откликнулись на предложение Минина. Мир порешил давать «третью деньгу»,

т. е. третью часть имущества. Кто давал меньше, с того брали силой. «Окладчиком», т. е. сборщиком и казначеем, выбрали Минина. Воеводой, по предложению Минина, избрали князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который жил в своем имении, недалеко от Нижнего, и лечился от ран, полученных им под Москвой во время первого ополчения.

Нижегородцы обратились с грамотой и к другим городам, призывая следовать их примеру. Скоро к нижегородцам присоединились Казань, Ярославль, Вологда, Коломна и другие города. Центром нового ополчения Пожарский избрал Ярославль как важнейший узел всех северных путей, связывавший Москву с Поморьем. Новое ополчение ставило своей задачей вести борьбу против поляков и против казаков. Тех из казаков, которые желали отстать от Заруцкого, принимали на службу в ополчение. Второе ополчение представляло из себя военный союз двух классов: дворянства и купечества. В августе 1612 года ополчение из Ярославля двинулось к Москве. Заруцкий с частью казаков ушел на Волгу, к Астрахани, а другая часть казаков во главе с Трубецким объединилась с ополчением Пожарского. 22 октября ополчение штурмом взяло Китай-город, а 26 октября сдался и Кремль. Польская интервенция была разбита.

В феврале 1613 года на престол вступил 16-летний сын Филарета — Михаил Романов.

Историческую роль Минина и Пожарского М. Н. Покровский сводит лишь «к защите своей мощны». Он не понял прогрессивной роли вождей второго ополчения, возглавивших борьбу против интервентов в защиту национальной независимости своего государства. Неправильно рисует М. Н. Покровский и отношение между дворянством и купечеством в этот период. «Ратные люди, — писал он, — предлагали свои руки, посадские их покупали на собранные деньги: нельзя лучше перевести «патриотическое одушевление» на язык материалистической истории, чем это сделали простые и наивные русские люди начала

XVII в.»¹. Однако этот «язык материалистической истории», который нашел здесь Покровский, на самом деле оказывается тем же вульгарным «экономическим» материализмом, который является основой всех его исторических взглядов.

Социальный кризис в Московском государстве закончился победой дворянства и купечества. Боярство много потеряло в «Смуту». «Смута» закончила то, что начато было опричниной. Ряды боярства сильно поредели в результате непрерывных опал, начиная с царствования Годунова. Многие знатные семьи совершенно исчезли к концу «Смуты» (князья Шуйские), другие упали экономически. На высшие должности в государстве и в Боярскую думу, которая оставалась еще как пережиток прошлого, выдвинулись новые люди. Большее значение, чем дума, приобретают земские соборы. Они рассматривают теперь такие дела, которыми раньше ведала Боярская дума. Победа Дворянства и купечества проявилась и в решениях земских соборов.

Особенно показательными в этом отношении были решения собора 1648—1649 годов. Соборное уложение 1649 года запрещало духовенству приобретать вотчины. Ликвидировались судебные льготы духовенства. Дворянское землевладение стало преобладающим. Помещики переводили свои земли из разряда поместий в разряд вотчин.

Поражение потерпели также крестьянство и казачество. Победа помещиков несла окончательное закрепощение крестьянам. Соборное уложение 1649 года отменяло так называемые «урочные лета», т. е. сроки давности для беглых крестьян. Дворяне получили право искать своих беглых крестьян без всяких сроков — этим проводилась последняя черта в длительном процессе закрепощения крестьян. Купцы добились уничтожения иностранной торговли внутри страны. Иностранному купцу был открыт только порт в Архангельске. Так дворяне и купцы использовали свою победу в «Смуте».

¹ М. Н. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. II, стр. 70.

А. Дрезен

ВОЕННЫЕ ВОССТАНИЯ НА БАЛТИКЕ В 1906 г.

Кривая солдатских выступлений летом 1906 года решительно шла вверх, отражая усиленный рост сознательности солдатских масс и их переход на сторону революции.

Среди этих выступлений необходимо особо выделить июльское восстание в крепостях Свеаборге и Кронштадте и на отдельных судах Балтийского флота.

Вспыхнувшее стихийно благодаря провокационной тактике эсеров и недостаточно подготовленное, это восстание потерпело поражение и было жесточайшим образом подавлено царским самодержавием.

Тем не менее, по участию в нем широких солдатских и матросских масс, по их героизму и беззаветности в борьбе это восстание вписало яркие страницы в историю революционных битв 1905—1907 годов и занимает одно из первых мест среди военных восстаний в царской России.

1

Революционная пропаганда в расположенных в Финляндии войсках была широко поставлена местной большевистской военной организацией, так называемой центральной группой.

На II конференции военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 года тов. М. Трилиссер, руководитель военной организации в Финляндии, сделал специальный доклад о свеаборгском восстании. В нем он отмечал, что революционной пропагандой и агитацией были охвачены все части свеаборгского гарнизона, а также и

солдаты, разбросанные по отдельным городам Финляндии (Або, Выборг и т. д.).

Не ограничиваясь выпуском прокламаций, местные большевики издавали тиражом свыше 13 тысяч экземпляров специальную газету «Вестник казармы», пользовавшуюся большой популярностью среди солдат. В ней умело увязывались политические вопросы и лозунги партии с конкретными фактами казарменной жизни и быта, с существующими в армии порядками. Неплохо были организованы и явки, куда в определенные часы приходили распропагандированные солдаты и матросы. На этих явках один час всегда уделялся беседе, тема которой намечалась самой аудиторией. «Солдаты очень дорожили этими беседами,—говорит Трилиссер,—и многие из них приходили «послушать» и «поговорить» о своих делах»¹.

В одном Гельсингфорсе ежедневно на беседы и явки приходило до 50 солдат и матросов. Кроме того в Гельсингфорсе довольно широко практиковались массовки.

В июле 1906 года, незадолго до восстания, только в одной или двух частях свеаборгского гарнизона не было ротных комитетов.

Большое влияние на матросов оказывали рабочие Балтийского завода и Кронштадтского порта.

Настроение у солдат и матросов было боевое. «Неоднократно,—говорил Трилиссер,—приходилось организации напрягать все свои усилия и влияние, чтобы удержать солдат от выступления»². В таком же положении находились и Кронштадт со своим сухопутным гарнизоном и флотскими экипажами и Балтийский флот. Революционная пропаганда охватывала все более широкие слои матросов и солдат.

Выступления, происходившие на судах Балтийского флота в первой половине 1906 года, являлись прямым

¹ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь 1906 года, стр. 25. Партиздат. 1932.

² Там же, стр. 26.

следствием развернувшейся к тому времени на судах и в частях усиленной революционной деятельности со стороны отдельных распропагандированных матросов и судовых комитетов, которые существовали уже на многих

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетария всех стран, соединитесь!

Воен. Организ. Российск. Соц.-Дем. Рабоч. Пар. в Финляндии.

ВОЗЗВАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
в Кронштадт^{*)}.

«Замученные нравственными и физическими страданиями, мы, томимые в казематах кронштадтских тюрем рабочие, матросы и солдаты обращаемся ко всем гражданам честной России. Граждане! Знайте, что нас, заключенных и обвиняемых в пропаганде в войсках и в восстаниях, подвергают систематическим пыткам. Нас злерепают в холодных, сырых сараях, цейгаузах, где нам приходится спать в повалку, на холодных, голых нарах. Запальневенная стѣна издають нестерпимый запах. В набитых людьми помѣщеніях нечѣм дышать. Нѣтъ воздуха, нѣтъ света. Насъ лишили прогулок... Мы все больные. Но къ физическимъ мукамъ присоединяется нравственная пытка. Насъ нами избегаютъ караульные солдаты. Офицеры ежеминутно грозятъ расстрѣлами. И въ этой атмосферѣ кровавыхъ ужасовъ некому и ве на кого пожаловаться. Вся тюремная обстановка рассчитана на то, чтобы внушить заключеннымъ одну неотвязную и изнурительную мысль о смертной казни, о плевомъ судѣ. Тюремная военно-морская администрація старается выместить всю злобу на насъ: все время своихъ посѣщеній она посвящаетъ описанію ожидающихъ насъ ужасовъ. Одному изъ заключенныхъ не давали спать въ теченіи нѣсколькихъ дней, чтобы добыть нужныя показанія. Эта пытка нравственная—звѣстерпима; она измучила насъ. Среди призраковъ казненныхъ, среди систематическаго запугиванія, мы каждую минуту ждемъ казни и многие предпочитаютъ самоубійство этому тяжелому, какъ кошмаръ, существованію. 11-го августа повѣсился въ темномъ карцерѣ талантливый, горячо любимый товарищъ, матросъ Арнольдъ. Среди насъ живутъ душевно-разстроенные люди, которыхъ мы насильно удерживаемъ отъ трагическаго конца. Но мы сами душевно-больные! Вотъ что дѣлается въ тюремныхъ казематахъ.

Граждане! передайте всемъ о нашихъ мукахъ! Протестуйте! Требуйте гласнаго разслѣдованія надъ нами.

Политическіе заключенные.»

^{*)} Перепечатано изъ № 1-го Социаль-Демократической газеты «Пролетаріи» отъ 21 августа 1906 года.

Центральная Группа Военной Организ.
Рос. Соц.-Дем. Раб. Пар. в Финляндии.

Прочитавъ, передай товарищу.

Печ. 2500 экз. 29 Августа 1906 г.—Тип. Воен. Орг. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи в Финляндіи.

кораблях. Так, из доклада тов. Аллины на I конференции военных и боевых организаций видно, что большевистские ячейки существовали на броненосцах «Слава», «Император Александр II», «Адмирал Грейг», на крейсерах «Громобой», «Диана».

Целый ряд выступлений, имевших исключительно экономический характер и являвшихся формально дисциплинарными проступками, фактически указывал на определенные революционные настроения. Так например на броненосце «Цесаревич» 1 мая произошел «макаронный бунт»: возмущенные недоброкачественной пищей, матросы вылили всю еду за борт; 8 июня на том же броненосце вспыхнул «банный бунт»: около 80 матросов заявило старшему офицеру, что они не пойдут в церковь, пока не откроют бани.

Наиболее значительными являются в этот период выступления на крейсерах «Богатырь», «Рында», «Громобой», «Россия» и броненосце «Слава». Внешним поводом служил почти всегда арест революционно настроенных матросов и требование их немедленного освобождения. В конце июня матросы 3, 5 и 10-го флотских экипажей устроили довольно внушительную демонстрацию, во время которой был ранен фельдфебель. Показательным был также отказ матросов идти на панихиду по убитому в Севастополе вицеадмиралу Чухнину.

Значительно слабее обстояло дело с революционной пропагандой среди сухопутного гарнизона. Несмотря на то что многие солдаты принимали участие в устраиваемых в Ораниенбауме и на Лисьем Носу митингах и более или менее систематически посещали кружки, пропагандой все же была охвачена незначительная часть солдат.

Лучше всего обстояло дело в инженерных частях и артиллерии. В пехоте же, в особенности в частях, присланных в Кронштадт для подавления революционного движения матросов (как в Енисейском полку), пропаганда ограничивалась очень узким кругом солдат.

В апреле 1906 года кронштадтская военная организация большевиков вошла во временное боевое соглашение с организацией эсеров. 24 апреля было

Воззвание политических заключенных в Кронштадте 29 августа 1906 года.

Два повстанческих миноносца у берегов Свеаборга. 1906 г.

организовано совместное бюро, получившее затем название «временного технического». В задачи бюро входило проведение всей подготовительной работы к восстанию: разработка плана восстания, пропаганда и агитация среди солдат и матросов, обеспечение оружием, снабжение литературой, организация конспиративных квартир и т. д.

По мнению местных большевиков, восстание в Кронштадте могло иметь значение лишь при условии его связи с массовым рабочим движением. Между тем под влиянием эсеровской агитации революционно настроенные матросские массы начали требовать немедленного выступления. Особенно настаивали на нем представители учебно-артиллерийского отряда, мотивируя это тем, что начать восстание удобнее, когда корабли находятся в порту, а не в плавании.

Правительство, осведомленное через департамент полиции о готовящихся выступлениях, приняло еще летом 1906 года ряд предупредительных мер.

3 июня министр внутренних дел Столыпин доносил царю: «Получены агентурные сведения, что в морских и сухопутных войсках кронштадтского гарнизона решено приступить к забастовке на экономической почве, а затем предъявить требования политического характера и перейти к вооруженному восстанию в самом непродолжительном времени»¹. Этот доклад и явился причиной того, что 4 июня в Кронштадт экстренно прибыли гвардейская пехота, 2 батареи и 22 пулемета. Командование всем гарнизоном Кронштадта, как сухопутным, так и

морским, принял генерал-адъютант Данилов. Через 3 дня значительная часть войск ушла, так как «было установлено, что никаких данных для предположений о немедленном восстании не имеется»². Затем в Кронштадт прибыл другой генерал—Зарубаев,—который, пробыв 10 дней, также нашел, что войско и флотские экипажи спокойны, «особенным же внутренним порядком отличается часть инженерных войск, саперная и минная роты»³.

Город в эти дни представлял собой военный лагерь: по улицам двигались усиленные военные патрули, везде стояли полицейские посты, дом коменданта крепости был огражден барьером с установленными за ним пулеметами.

Самым экстренным порядком разгружались все боевые склады и разоружались некоторые части. Комендант крепости еще в мае в связи с неблагонадежностью матросов поставил перед главным командиром Кронштадтского порта вопрос о разоружении морских команд. Одновременно с этим штаб Кронштадтского порта дал распоряжение не разводить на судах палуб без разрешения начальников отрядов и командиров, причем была дана директива—в случае нарушения этого приказа или сопротивления «немедленно принять самые решительные меры, включительно до потопления неповинующегося судна». На кораблях в самом незначительном количестве оставались десантные пушки и пулеметы.

Наряду с этим в Кронштадте шли усиленные аресты: была арестована значительная часть большевистской организации, уцелели лишь несколько

¹ Из отчета комиссии генерала А. Водара.

² Там же.

³ Там же.

человек и главная квартира. Это был уже второй удар по большевикам Кронштадта, так как еще в начале января 1906 года был арестован комитет кронштадтского района в количестве 7 человек.

В мае 1906 года аресты были произведены в 18-м гвардейском экипаже. Несколько позже был арестован К. Жарновецкий, специально выделенный петроградской военной организацией для работы в Кронштадте. Затем были арестованы представители крепостной артиллерии и Енисейского полка. Произведенные аресты немедленно отразились на партийной работе, расстроив все планы и расчеты.

Для предупреждения возможного выступления гарнизона в связи с роспуском 2-й государственной думы 8 июля были вновь произведены по требованию петербургского охранного отделения аресты членов военной организации.

10 июля на броненосце «Слава», на котором начиналось брожение, был арестован 21 матрос.

Благодаря массовым арестам партийная связь со многими командами была потеряна.

?

Такова была та обстановка, в которой эсеры при сопротивлении со стороны большевиков всячески пытались форсировать переход к немедленному восстанию, без учета всех необходимых предпосылок и мероприятий, которые только одни могут обеспечить успех восстания.

2 июля в Гельсингфорсе состоялось совещание, организованное по инициативе кронштадтских эсеров. Трилиссер, приглашенный на это совещание, рассказывает о нем следующее:

«Выясняется, что приехал от эсеровской организации представитель, который от имени Кронштадта заявил: «Так как Кронштадт поднимается на днях, то предлагает Свеаборгу поддержать его». Эсеры поддержали это предложение, представитель же финляндской организации РСДРП отверг его, указавши на то, что такое выступление должно быть санкционировано партией, которая, учитывая воз-

можность этого выступления, должна выработать общий план действия»¹.

По словам М. Трилиссера, после долгих споров была принята предложенная финляндской организацией РСДРП резолюция, которая говорила, что «и та и другая сторона энергично готовятся к выступлению, и Кронштадт, во всяком случае, не выступает раньше извещения о готовности Свеаборга поддержать это выступление»². Такое же решение — не выступать сейчас — должны были принять и свеаборжцы.

Гельсингфорские большевики действовали строго по директиве Ленина. В проекте постановления Исполнительной комиссии ПК РСДРП о посылке делегации в Свеаборг Ленин предложил поручить делегации «...повлиять на местных членов партии, революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления... в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением»³.

Между тем гельсингфорские эсеры максимально спешили с восстанием и 16 июля на узком совещании своей организации без представителей от большевиков приняли решение — послать 17 июля эсера, капитана Циона, на Михайловский остров⁴ на собрание представителей ротных комитетов артиллерии и там окончательно разработать план восстания. Эта авантюрная тактика форсирования вооруженного восстания, без учета своих сил и сил противника, вызвала внезапное, совершенно неожиданное как для эсеров, так и для большевиков начало восстания.

По плану, разработанному эсерами, восставший флот должен был идти из Свеаборга в Кронштадт. В момент его выхода в Кронштадт должна была быть послана условная телеграмма, обозначающая сигнал к началу восста-

¹ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь 1906 года», Партиздат. 1932.

² Там же, стр. 74.

³ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 176.

⁴ Свеаборгская крепость расположена на ряде островов, лежащих перед Гельсингфорсом. Наиболее крупные острова: Лагерный, Дегере, Скатуден, Александровский, Михайловский, Комендантский, Артиллерийский, Инженерный, Стрелковый, Никольский, Договорный, Госпитальный, Ключевой, Опасный.

ния. После этого матросы, захватив свое оружие, должны были получить от Енисейского полка орудия и пулеметы и послать десант на форты.

На деле же все получилось иначе. В Свеаборге была арестована рота минеров. Эта провокация привела в движение наиболее распропагандированную часть местного гарнизона артиллеристов. Потерпев неудачу в своей попытке освободить арестованных минеров, артиллеристы захватили орудия и оружие и овладели частью укрепленных островов, входящих в состав Свеаборгской крепости. Укрепившись здесь, артиллеристы и присоединившиеся к ним финские красногвардейцы открыли стрельбу по островам Комендантскому и Лагерному, где в свою очередь укрепился комендант крепости со свеаборгским крепостным полком и двумя ротами финляндского крепостного полка. К 10 часам утра 18 июля «нейтральными» оставались только острова Стрелковый и Николаевский; острова Михайловский, Артиллерийский и Инженерный находились в руках восставших. На острове Скатудене около 8 часов утра началось восстание матросов местного флотского полуэкипажа, занявших весь район портовых казарм и вступивших затем в бой с миноносцами. В 8 часов на мачте у старого эллинга был уже поднят красный флаг. Матросы арестовали офицера и кондуктора и отбили правительственный десант, убив при этом одного офицера. Одновременно с матросами выступили солдаты местного военного госпиталя.

В Гельсингфорсе, по инициативе командира финской красной гвардии капитана Кока, особым стачечным комитетом была объявлена всеобщая забастовка, которая, однако, не удалась: к забастовке примкнули лишь рабочие частных предприятий. Часть красногвардейцев присоединилась к восставшим и переправилась на острова. 1-й батальон красногвардейцев под начальством бывшего фельдфебеля финских войск Лаптинена занял железную дорогу с целью прервать сообщение между Петербургом и Гельсингфорсом. Красногвардейцы разобрали полностью железной дороги, взорвали мост Рахимьяк и пропускную трубу близ станции Симола; между станциями

Чайшли с обыском.

Рис. Ткаченко.

Хикия и Рахимьяки отряд красногвардейцев обстрелял воинский поезд.

Восстание, начавшееся одновременно почти во всей крепостной артиллерии (7 рот из 10), говорит о большой предварительной работе, проведенной среди артиллеристов, и их исключительно революционном настроении. Не менее революционно настроенными оказались и матросы свеаборгской флотской роты.

Военная организация большевиков сумела быстро возглавить движение и взять на себя общее руководство восстанием.

На утреннем совещании (18 июля в Гельсингфорсе) финляндская группа РСДРП в присутствии прибывших представителей от восставших — подпоручика Емельянова (большевик) и одного солдата-артиллериста — вынесла решение: «Развить энергичные наступательные действия, парализуя ближайшие пункты к Михайловскому острову (Инженерный остров, Лагерный), которые могли бы мешать планомерности наступления, затем, поставив ультиматум, сосредоточить огонь на Комендантский остров, где засели правительственные войска с комендантом»¹.

¹ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь 1936 года». 1932.

Несмотря на это решение восставшие продолжали ограничиваться лишь принятием оборонительных мер на уже занятых ими островах крепости, дав тем самым возможность коменданту сконцентрировать оставшиеся верными правительству войска на Комендантском острове. Около 2 часов дня 18 июля восставшие с Михайловского острова начали усиленный обстрел Комендантского острова. Комендант генерал Лайминг вместе со своим штабом был вынужден перейти в другое место. Вне всякого сомнения, если бы восставшие не ограничились одной бомбардировкой, а перешли в наступление, Комендантский остров был бы взят и тем самым фактически был бы решен вопрос о Гельсингфорсе.

Восстание артиллеристов самым разлагающим образом отразилось на имевшихся в распоряжении коменданта пехотных частях, а также и на офицерах. Это видно из письма находившегося в плену у восставших начальника крепостной артиллерии генерал-майор Агеева коменданту крепости. Генерал в своем письме передает ультиматум восставших — освободить арестованных минеров и вернуть в Гельсингфорс прибывших стрелков. «Ввиду того, — пишет генерал, — что оружие пехоты не может противостоять оружию артиллерии, считаю бесполезным сопротивляться артиллерии и во избежание дальнейших жертв и громадных убытков советую вам сдать. Перемирие артиллеристы назначали на 2 часа»¹. Уже самый факт того, что генерал решился в письменной форме передать требование солдат, свидетельствует о том, как серьезно приходилось властям считаться с революционными выступлениями в армии.

Однако ультиматум ничем не был подкреплен; восставшие замкнулись на своих островах, выжидая, когда к ним присоединятся остальные части и когда придет революционная эскадра (по информации эсеров, сюда должны были прибыть восставшие корабли). Эта тактика и привела к поражению. В 9 часов 30 минут с миноносца «Финн» был высажен на Скатуден де-

сант, который спустил поднятый восставшими красный флаг. Около 5 часов порт и флотские казармы уже были заняты правительственными войсками. Лишь части матросов и рабочих удалось прорваться в город. Заняв Скатуден, правительственные войска немедленно приступили к разоружению стоящих у берега миноносцев, снимая с них некоторые машинные части, оружие и пр.

Подавление восстания на Скатудене было тесно связано с выжидательной тактикой восставших. Восставшим артиллеристам нужно было сделать высадку на Скатудене или в ближайшем удобном пункте. Эта высадка, кроме соединения с восставшими матросами, явилась бы одновременно первым шагом к захвату Гельсингфорса, что дало бы возможность совместно с красной гвардией изолировать в свою очередь войска, укрепившиеся на Комендантском острове, и значительно расширить восстание. Для наступательных действий восставшие были вооружены более чем достаточно; с теми 40 пулеметами, которыми располагали артиллеристы, безусловно, можно было начать наступление против пехоты и кавалерии. Укрепившись на вновь занятых позициях, можно было подвести орудия и продолжать наступление. Активные действия втянули бы в борьбу и колеблющиеся команды миноносцев, принявших между тем участие в подавлении восстания свеаборгской флотской роты.

К восстанию пытались присоединиться и матросы находившихся в Свеаборге миноносцев. Так, на миноносце «Эмир Бухарский» матросы готовились оказать непосредственную поддержку восставшим, в связи с чем еще 18 июля при помощи баталера Каренина была вооружена часть команды. Во время обстрела восставших на Скатудене несколько человек из команды открыто подходило к стоящим у орудий комендорам и уговаривало их не стрелять. Матрос Мельник, управлявший пулеметом, начал стрелять по восставшим только после двукратного приказания, но... стрелял вверх. В день сдачи Свеаборга (20 июля), около 5 часов утра, команда миноносца «Казанец» пыталась начать восстание и отказалась выполнить приказ идти к Александров-

¹ С. Цион «Три дня восстания в Свеаборге». 1907.

Войска на улицах Гельсингфорса. 1906 г.

скому острову. Руководил выступлением матрос В. Дубнов, который с криком: «Вставайте, тревога!» — вызвал всю команду наверх. Вмешательством офицеров и младшего командного состава выступление было ликвидировано, но к Александровскому острову «Казанец» уже не пошел.

Самым напряженным моментом свеаборгского восстания было время от 2 до 5 часов 19 июня, когда восставшими был открыт усиленный артиллерийский огонь со всех занятых ими островов по центральной крепости и Лагерному острову, где расположились правительственные войска. Восставшие пытались исправить свою ошибку и намеревались перейти в наступление, но благоприятный момент был уже упущен.

Генерал-майору Лаймингу удалось закрепиться на Комендантском острове и закончить установку на Лагерном острове привезенных ночью 18 июля двух орудий. Номерами к орудиям были поставлены офицеры. Первый выстрел был дан в 4 часа. Вслед за этим в 4 часа 30 минут на Михайловском острове, занятом повстанцами, от попавшего снаряда взорвалось около 3 тысяч пудов пороха. Сразу же после взрыва огонь с Михайловского острова почти прекратился, так как восставшие большей частью перешли на Александровский остров. Подпоручик Коханский, сражавшийся на стороне восставших, отправился на пароходе «Выстрел» навстречу приближав-

шимся к крепости броненосцу «Цесаревич» и крейсеру «Богатырь». Уверенность в том, что это пришли революционные корабли, была настолько велика, что Коханский прямо под'ехал к эскадре, где и был арестован вместе со своими товарищами солдатами. Пользуясь тем, что корабли, корректируемые с Комендантского острова, обстреливали острова, занятые восставшими, командование спешно увеличивало свои силы новыми пополнениями через остров Дегере. К вечеру 19-го на Лагерный остров прибыл 1-й батальон 1-го Финляндского стрелкового полка (перевозка стрелков с Дегере на Лагерный производилась минерами).

Одной из причин неудачи восстания является то, что первые два дня не были использованы восставшими, тогда как правительственными войсками это время было использовано полностью. Потеряв возможность сравнительно легко овладеть всей крепостью и Гельсингфорсом, а отсюда и возможность присоединения колеблющихся частей, восставшие оказались совершенно изолированными, что неминуемо должно было привести к поражению.

Насколько интенсивен был бой, видно по количеству выпущенных снарядов. Восставшими было выпущено свыше 600 снарядов, в том числе и из 11-дюймовых мортир; правительственными войсками и кораблями было сделано около 400 выстрелов.

Интересно, что из 400 выстрелов с

«Цесаревича» и «Богатыря» попаданий в крепость было не больше 60%. Командоры несмотря на все принятые меры стреляли через острова. В докладе на имя морского министра указывалось, что повреждений от корабельной артиллерии почти не оказалось и «ни один бунтовщик не убит»¹. Это не совсем так. При взятии островов правительственные войска нашли 19 трупов, из них 7, найденных на Михайловском острове, были обуглены от взрыва порохового погреба.

20 июля в 16 часов 18 минут утра на Михайловском острове был поднят белый флаг; в 6 часов 50 минут такой же флаг был поднят на Артиллерийском острове.

3

По плану, восстание должен был начать Кронштадт. На деле, как мы видели, Свеаборг восстал первым. Кронштадт был выбит из колеи и совершенно не знал, что происходит в самом Свеаборге и на судах флота. Положение здесь было тревожное: аресты не прекращались, все офицеры были на чеку, заблаговременно предупрежденные о событиях адъютантом главнокомандующего. Командный состав ходил вооруженным с ног до головы; около арсенала в лагере пулеметчиков производились какие-то срочные работы, на фортах и судах пряталось боевое снаряжение.

Около 1 часу дня 18 июля на адрес комитета была получена условная телеграмма, но текст ее («Отец болен, нужны деньги. Александров») был непонятен. Согласно договоренности, ожидалась телеграмма с другим текстом. Телеграмма вызвала среди восставших недоумение.

На заседании представителей социал-демократической и эсеровской организаций утром 19 июля представители военной организации большевиков заявили еще раз свое отрицательное отношение к тому, чтобы начать восстание, считая его несвоевременным и неподготовленным, но большинством голосов было принято решение — начать восстание в тот же

день. Был разработан план восстания. Поскольку восстание не удалось отложить, местные большевики решили принять в нем участие.

19 июля, ровно в 11 часов вечера, началось восстание в расположенной за городом минной роте, к которой присоединились находящиеся в лагере саперы.

Восстанием руководил унтер-офицер Герасимов. Группа восставших, возглавлявшаяся Текановым, арестовала офицеров. Удачное начало восстания сопровождалось первой крупной неудачей: по плану предполагалось захватить в лагере у артиллеристов и пулеметчиков их оружие, но когда группа минеров и саперов ворвалась в лагерь, ни орудий, ни пулеметов, ни людей там уже не оказалось. Все было вывезено в город.

Обе группы минеров, объединившись, захватили без боя береговое укрепление «Литке». Дежурного по караулам офицера присоединили к ранее арестованным офицерам; караул присоединился к восставшим и был оставлен охранять арестованных офицеров.

Воспользовавшись приходом поезда, присланного из города по распоряжению начальника инженерного управления за минерами и саперами, последние захватили его и в количестве 143 человек отправились брать сильнейший кронштадтский форт «Константин». Шли без орудий и пулеметов, вооруженные лишь винтовками. Между тем гарнизон форта состоял из двух рот артиллерии; с берегом форт соединялся дамбой.

Не встретив никакого сопротивления, восставшие ворвались в форт; арестовать растерявшихся офицеров было делом минуты, но все же двум офицерам удалось сообщить в город о захвате форта восставшими. Артиллеристы, находившиеся на форту, не оказали сопротивления, но и от участия в восстании уклонились. Артиллерию использовать не удалось. Не было даже возможности дать условные четыре выстрела, которые должны были быть сигналом к восстанию для других фортов. Заряженным оказалось только одно из небольших орудий, из него выстрелили один раз, приведя в недоумение форты, ожидавшие четырех выстрелов и готовые вос-

¹ ЛОЦИА, фонд А. Бирилева, дело № 127—142.

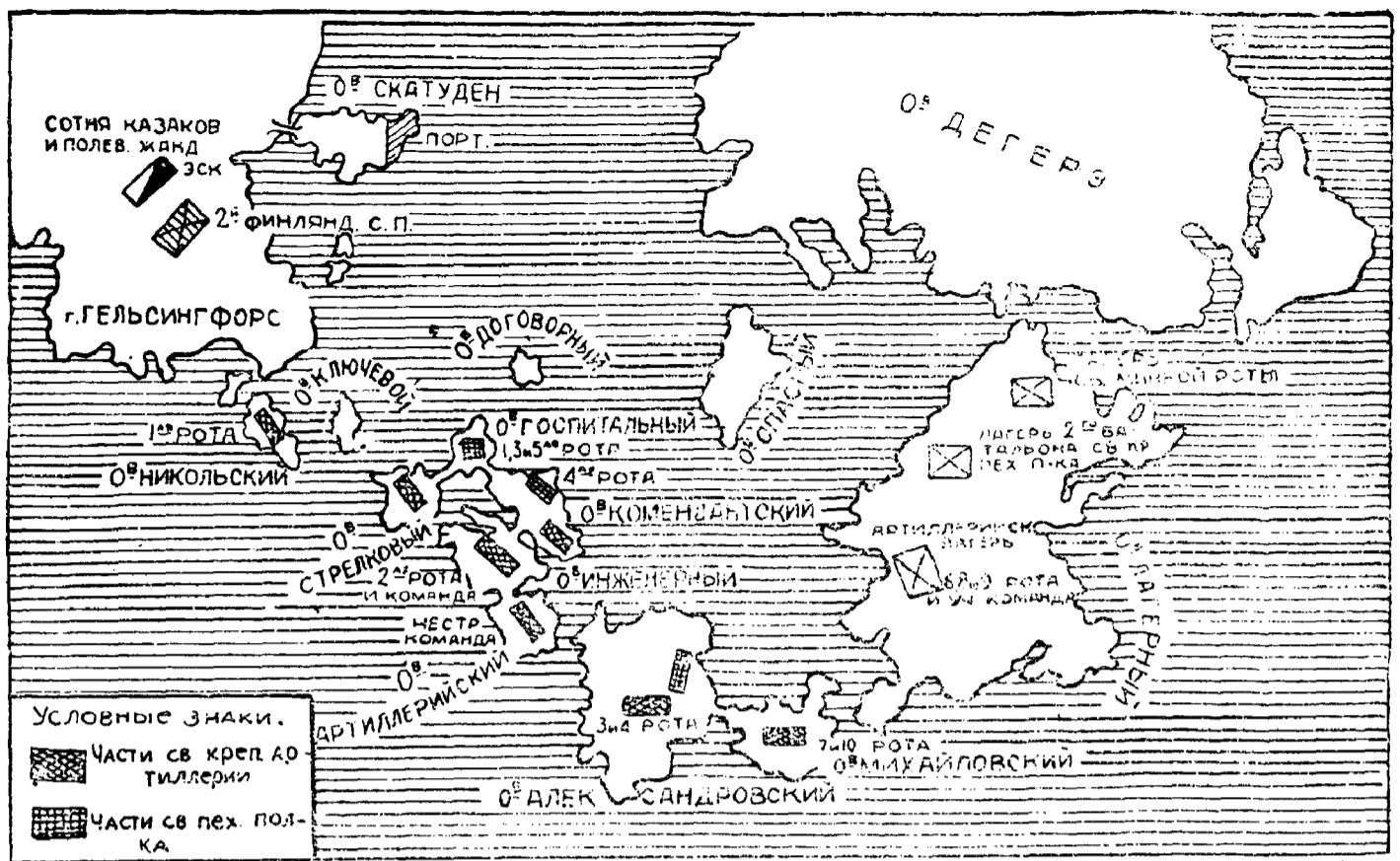

Схема расположения Свеаборгского гарнизона к 17 июля 1906 г.

стать при сигнале даже без десанта. Но единственный выстрел заставил форты воздержаться от выступления. Тогда отряд восставших решил захватить береговые батареи на «Косе», чтобы овладеть их артиллерией. Весь отряд уже вышел на дамбу, но подошедшая часть крепостного батальона вынудила восставших вернуться обратно. В 4 часа правительственными войсками были подвезены пулеметы. В 4 часа 30 минут прибыли дополнительно два орудия гвардейской батареи и были установлены по кронштадтской дороге против форта. Выход на берег восставшим был отрезан. Попытки их узнать, что творится в самом городе, не удалось.

В начале 6-го часа правительственные войска усилились еще ротой 2-го крепостного батальона. «Давайте ружья, пока не подошли гвардейцы!» — кричали относящиеся сочувственно к повстанцам пехотинцы. Восставшим ничего не оставалось, как сдаться. Через некоторое время обезоруженных саперов, артиллеристов и минеров уже вели под конвоем на «Косу».

Тем временем в самом городе с некоторым опозданием (примерно на полчаса) началось восстание матросов, находящихся в флотских экипажах на Павловской улице. К восстав-

шим матросам присоединилась и ожидавшая их часть рабочих. Руководителем отряда флотских экипажей дивизии был назначен квартирмейстер Недотрогин.

Узнав о восстании матросов, комендант крепости отправил на Павловскую улицу под командой полицмейстера Садовского роту лейбгвардии Финляндского полка.

Обстрелянная матросами из окон казарм, рота отступила. В это время стало известно, что Енисейский полк не только не восстал, но готов вместе с правительственными войсками к подавлению восстания. Эта весть сильно подействовала как на рядовых участников восстания, так и на его руководителей.

Представители Енисейского полка еще до восстания заявляли в комитете, что на полк особенно рассчитывать нечего, и просили «хорошенько надавить» на енисейцев извне. По плану, предполагалось, что «надавят» на енисейцев несколько сот арестованных солдат, находившихся в следственной тюрьме, которые должны были выступить совместно с охраняющим их караулом. Еще утром, в день восстания, надзиратель следственной тюрьмы Петрушкевич обнадежил в этом отношении комитет.

Когда же надо было уже выступать, оказалось, что арестованные даже не подозревали о той роли, которая была на них возложена. Петрушкевич оказался агентом царизма; участвуя в работе объединенного комитета, он сам выдвинул вопрос об освобождении арестованных, поставив в то же время об этом в известность начальство, которое не замедлило послать 19 июля в караул одну из наиболее надежных рот с категорическим приказом брать «в случае чего в штыки».

Измена енисейцев решающим образом отразилась на всем плане, уже претерпевшем ряд изменений. Рабочие также не выступили. Отсутствие руководства и спаянности еще более осложняло создавшееся положение.

Неудача с енисейцами лишала матросов оружия. Во всем учебном артиллерийском отряде, в цейхгаузе и караульном помещении было собрано всего 30 винтовок и 5 патронов. Человек 20 с винтовками пошло к 11-у экипажу, остальные, человек 90—100, направились через так называемое «Козье болото» к артиллерийским северным казармам, где находился 1-й крепостной пехотный батальон.

Встреченный залпами правительственных войск, отряд рассыпался, не имея возможности оказать сопротивление. Вновь собравшись, матросы двинулись под предводительством Фельдшера Никитина к арсеналу, намереваясь соединиться с отрядом Недотрогина, который захватил арсенал (захват этот никаких практических результатов не дал: патронов и оружия, столь необходимого восставшим, не было). Но вместо отряда матросов их встретили залпами енисейцы, успевшие вытеснить недотрогинский отряд и занять арсенал.

К 6 часам утра 20 июля в Кронштадт прибыли два батальона Финляндского полка, и командование крепости приступило к более решительным действиям. Не видя выхода из создавшегося положения, матросы начали сдаваться.

Начавшееся разоружение матросов в казармах по Павловской улице частично уже закончилось к 10 часам утра 20 июля.

Из доклада кронштадтского жандармского управления видно, что 21

июля комендант предполагал покончить со стоящим в вооруженном резерве броненосцем «Император Александр II», матросы которого не выдали оружия и самым категорическим образом отказались во время восстания выполнить распоряжение о задержании шедшего с форта «Константин» парохода. Кроме того значительная часть команды «Александра» приняла решение активно сопротивляться посылке на берег десанта, который должен был участвовать в подавлении восстания.

Подытоживая причины поражения восстания в Кронштадте, следует отметить, что, кроме отсутствия плана, огромную роль сыграло отсутствие оружия у восставших. Кронштадтская эсеровская организация, готовясь к восстанию, не сумела обеспечить этот решающий момент; таким образом, были ограничены возможности участия в восстании рабочих порта.

План отправления десантов на форты также остался невыполненным, так как все пловучие перевозочные средства оказались своевременно уведены.

Между тем команда фортов ждала десанта; это видно хотя бы по форту «Обручев», где ключи от снарядного погреба находились в руках у одного из представителей революционно настроенных матросов; наготове был и ящик с патронами.

Участие Енисейского полка и артиллеристов на стороне правительства окончательно дезорганизовало и ослабило силы восставших.

С самого начала восстания отсутствовало общее руководство. Партия эсеров, вызвав восстание, оказалась неподготовленной к руководству им. Матросы, как и минеры и саперы, фактически с самого начала были предоставлены самим себе.

Это, в частности, и привело к тому, что восставшие солдаты, захватив форт «Константин», не смогли использовать свой успех.

Своей беспринципной тактикой в июльском кронштадтском восстании эсеры показали свою действительную сущность заговорщиков, не имеющих даже понятия, как организовать восстание и как им руководить.

Не исключена возможность участия Азефа в составлении плана восстания; Азеф, зная установку ЦК партии эсеров и конкретные планы, мог давать сведения о готовящемся объединенном восстании в Кронштадте и Свеаборге.

Во всяком случае история арестов свеаборгских минеров, вызвавшая стихийное выступление на Балтике, носила провокационный характер.

4

Особое место в июльском восстании на Балтике занимало восстание крейсера «Память Азова», флагманского корабля учебно-артиллерийского отряда.

В 1906 году учебно-артиллерийский отряд начал кампанию 28 мая в составе крейсера «Память Азова», учебного судна «Рига» и ряда причисленных к нему на лето миноносцев. В течение плавания к отряду был присоединен минный крейсер «Абрек». На суда артиллерийского отряда революционная пропаганда проникла уже давно. Еще до выхода из Кронштадта, как нам известно, представители матросов в объединенном комитете требовали перехода к решительным действиям.

В июле брожение значительно усилилось. Для прекращения сношений команд с берегом, где они постоянно встречались с революционерами, отряд был отправлен в бухту «Папонвик»; на ревальском рейде осталось лишь учебное судно «Рига». Однако это мало что изменило, так как ревальские социал-демократы сумели и здесь наладить связь с крейсером, причем некоторые из них, переодетые матросами, бывали даже на самом крейсере.

Судовой революционный комитет предполагал организовать выступление еще 14 июля, но приезд морского министра и принятые офицерами меры заставили отложить выступление.

16 июля начальник главного морского штаба телеграфировал министру внутренних дел Столыпину: «Все благополучно, артиллерийский отряд отправился в Рамосорскую бухту для стрельбы на дальнее расстояние. Команда «Память Азова» действительно сделала несколько проступков, но не

ТЕЛЕГРАММА.

Служебная отметка	Станция беспроволочного телеграфа	ПРИНЯТА
	Рига	27 июля 1906 г. 5 ч. 15 мин.
		Пров. Ж.
		Передано Мамой
Откуда принята	Ревель	
	На Азове в Ревеле	
	бухта Папонвик	
	№ 6 Вульварь	
	В ночь с 20 на 21 июля в Ревеле казнили 7 матросов	
	и матросов-революционеров	
	П. С. С. С.	

Телеграмма о подавлении восстания на «Азове».

таких, которые вызывали необходимость немедленной репрессии»¹.

Вечером 19 июля в связи со свеаборгским восстанием на заседании судового революционного комитета крейсера «Память Азова» в присутствии представителя от РСДРП Каптюха обсуждался вопрос о восстании на крейсере. Восстание началось в 2 часа 5 минут утра 20 июля. 7 офицеров было убито, часть бежала на берег. На крейсере остались 4 офицера, 2 чиновника, значительное число кондукторов и строевых квартирмейстеров и несколько сот учеников-комендоров.

Захватив в свои руки крейсер, комитет намеревался присоединить к себе и другие суда отряда, но здесь их ждала первая неудача: офицеры заблаговременно разоружили и команды и корабли. Тогда «Память Азова» между 5 и 6 часами утра снялся с якоря и направился к Ревелю, намереваясь там соединиться с учебным судном «Рига» и рассчитывая на непосредственную поддержку местных рабочих.

Между тем командование, опасаясь, что «Рига» присоединится к восставшему крейсеру, отправило ее рано утром 20-го в Либаву. Уже подходя к Ревелю, с «Памяти Азова» увидели уходящую «Ригу». Правда, в тот же день вечером на «Риге» около пловучего маяка «Непмангрунд» часть команды пыталась поднять восстание. Матросы бросились с палубы, разобрали винтовки и патроны и выбежали наверх. Однако благодаря принятым мерам и с помощью реакционно настроенных

¹ Архив революции, фонд департамента полиции, 7-е делопроизводство, дело № 8. Ч. 73-я. Т. II. 1906.

юнкеров флота, унтер-офицеров и самих офицеров выступление было ликвидировано и команда обезоружена, часть матросов при этом была арестована.

Уход «Риги» нанес сильнейший моральный удар восставшим матросам «Азова».

Этим немедленно воспользовались оставленные на крейсере кондуктора, которые повели активную контрреволюционную пропаганду среди инструкторов-квартирмейстеров и учеников-комендоров. Из среды последних очень немногие примкнули к восстанию, остальные до самого последнего момента занимали выжидательное положение. Комитет восставшего крейсера опирался главным образом на основную часть кадрового состава крейсера — машинную и кочегарную команды.

Ответом на восстание «Памяти Азова» явилось выступление части команды учебного судна «Европа», на котором матросы отказались выдать находившиеся на судне торпеды миноносцам, отправляющимся на поиски «Азова», и заставили офицеров отменить распоряжение.

Азовцами были допущены крупные ошибки. Первая из них состояла в том, что на крейсере, на котором было много колеблющихся и новобранцев,

комитетом оставлены были кондуктора и боцманы, а один из них, главный организатор последующего затем контрреволюционного переворота кондуктор Лавриненко, выполнял даже роль выборного артиллерийского офицера. Эти контрреволюционные элементы повели, конечно, усиленную агитацию среди учеников.

Вторая ошибка состояла в отсутствии плана восстания. Поскольку можно судить по немногим имеющимся материалам, план ограничивался переходом в Ревель, где предполагалось соединиться с «Ригой» и рабочими города. Более подробного плана, как видно, и не было.

В 5 часов дня 20 июля на Ревельском рейде произошло контрреволюционное выступление, в результате которого восстание было ликвидировано, один из главных руководителей — матрос Лобедин — был убит и часть матросов арестована.

Восстание было подавлено под непосредственным руководством оставленных на крейсере офицеров и кондукторов и при активном участии артиллерийских инструкторов, квартирмейстеров и их учеников-комендоров.

5

На основании распоряжения Николая II в Кронштадте и Свеаборге начали действовать военно-полевые суды. Осадное положение, введенное в Кронштадте, обеспечивало правительству успех карательной политики.

В общей сложности в Кронштадте и Свеаборге было арестовано свыше 2 тысяч матросов, 1200 минеров и артиллеристов, около 100 саперов, 87 рабочих и пропагандистов, 2 офицера (подпоручики Емельянов и Коханский) и 66 финских красногвардейцев. Кроме того сотни матросов были арестованы на крейсере «Память Азова», учебных судах «Рига» и «Европа», броненосце «Император Александр II», минных крейсерах «Эмир Бухарский», «Казанец» и др. Общее число арестованных достигало 4 тысяч человек.

В 5 часов дня 20 июля на «Косе» уже были расстреляны 7 минеров — участников захвата форта «Константин». 29 июля в Свеаборге были рас-

Тюрьма в Гельсингфорсе, в которой содержались арестованные участники свеаборгского восстания. 1906 г.

Арест красногвардейцев. Свеаборг. 1906 г.

стреляны большевики — подпоручики А. Емельянов и Е. Коханский и 6 артиллеристов. 5 августа военно-полевой суд приговорил к расстрелу еще 10 человек, в том числе 3 приезжих пропагандистов: Иванова, Тер-Меретчянца и Коканова. 5 же августа был вынесен смертный приговор 17 матросам с «Памяти Азова» и пропагандисту Каптюхе.

Дополнительно 17 августа были приговорены к смертной казни еще 22 человека; среди них пропагандисты Тимошенко, Яковлев и Копылов-Смертный.

К каторжным работам было приговорено на сроки от четырех до двадцати лет 165 человек, к отдаче в исправительные арестантские отделения — 49 человек, к отдаче в дисциплинарные батальоны — 6 человек, к заключению в военно-морской тюрьме — 4 человека и 600 человек — к различным наказаниям.

Вопрос о красногвардейцах, участниках восстания, разбирался в Абос-

ком гофгерихте в августе 1907 года. Всего был осужден 81 человек, из них 2, Вольдт и Охьянтаhti, были приговорены к пяти и шести годам, остальные 79 человек — к двум годам каторжной тюрьмы.

Расправа полностью отражала директиву, данную Николаем II командиру 22-го армейского корпуса, которому предоставлялось право:

«1. Предавать виновных суду с применением наказания, определенного для военного времени.

2. Утверждать приговоры суда по сим делам.

3. Не давать направления в кассационном порядке по сим делам, жалобам и протестам»¹.

В общей сложности в связи с восстанием в Балтийском флоте было вынесено 105 смертных приговоров.

Царское правительство на этот раз еще вышло победителем.

¹ «Военные восстания в Балтике» 1905—1906 гг., стр. 204. Центрархив.

Г. Рейхберг

ГАМОВСКИЙ МЯТЕЖ*

(Из истории борьбы за власть советов на Амуре в 1918 году).

1

Товарищ Сталин в своей статье «Октябрьский переворот и национальный вопрос» указывал: «Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой территории центра. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной»¹.

На одной из самых отдаленных окраин, на Дальнем Востоке, советская власть установилась не сразу. Во Владивостоке переизбранный в начале ноября большевистский совет принял 18 ноября (1 декабря) 1917 года резолюцию о переходе всей власти в руки советов. В Хабаровске такое же решение было принято 6(19) декабря 1917 года. В центре Амурской области, в Благовещенске, власть советов установилась еще позднее: 5(18) января 1918 года произошли переборы совета, находившегося до этого во власти правых эсеров и меньшевиков, свивших себе здесь довольно прочное гнездо. В совет было из-

брано 85 большевиков, 8 левых эсеров, 21 меньшевик и 4 правых эсера. Председателем совета был избран большевик Ф. Мухин. На первом заседании, происходившем 19 января (1 февраля) 1918 года, местный совет объявил себя высшим органом власти в городе и области².

Контрреволюцию возглавляли здесь местное земство и казачье войсковое правление под руководством атамана Гамова, правого эсера и бывшего члена Государственной думы³.

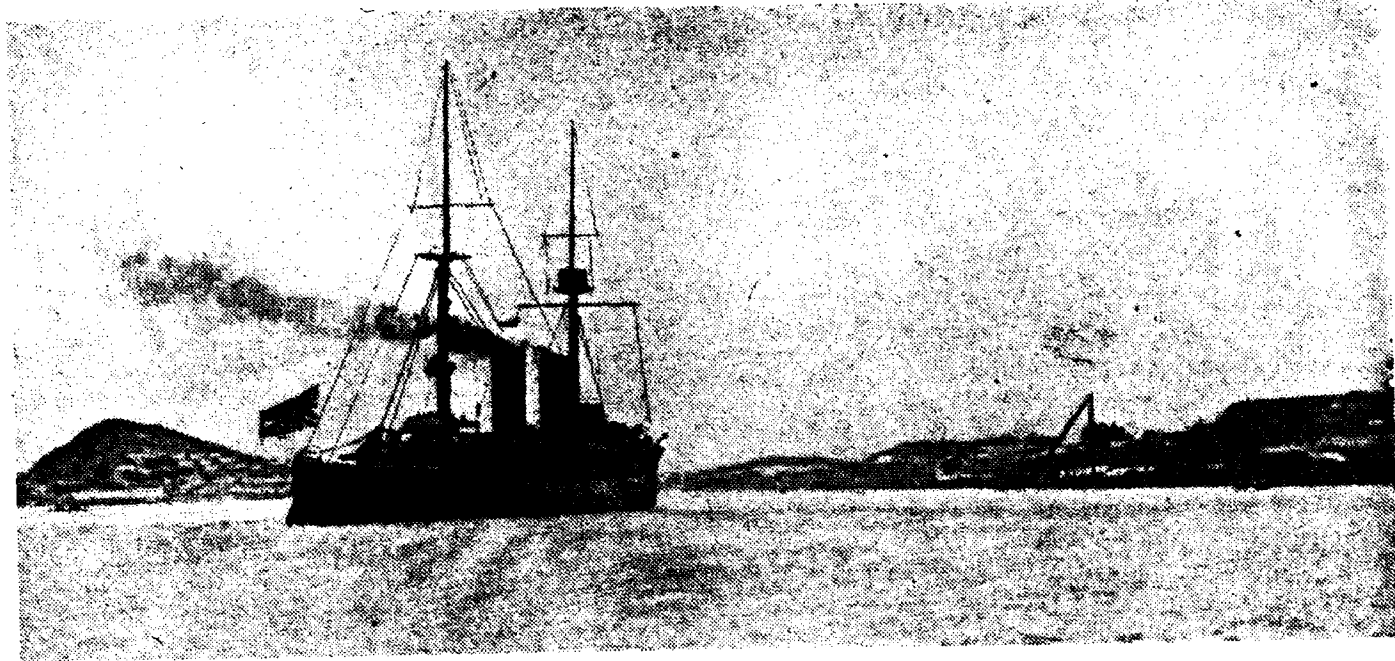
К этому времени, т. е. к самому началу 1918 года, относится начало интервенции и гражданской войны на Дальнем Востоке. Уже 12 января 1918 года во Владивостокскую бухту вошел японский крейсер «Ивами», а 14 января — английский крейсер «Суффолк». В день появления крейсера «Ивами» японский генеральный консул во Владивостоке обратился к городскому самоуправлению с нотой, в которой сообщал, что «императорское японское правительство, имея в виду то, что при обстоятельствах настоящего времени японцы, проживающие в г. Владивостоке и окрестностях его, чрезвычайно тревожатся, решило отправить военные суда во Владивостокский порт. Решение это сделано ни с чем иным, как исключительно с целью защиты своих подданных, каковая является надлежащей обязанно-

² См. «Дальневосточные известия» № 15 за 1918 год. В некоторых пунктах Амурской области власть советов установилась несколько раньше. Например в г. Свободном (Алексеевск) большевистский совет был избран 8 (21) декабря 1918 года.

³ Еще 8 (21) ноября 1917 года Гамов, перекликаясь с Калединым и Дутовым, пытался активно выступить против советской власти. Им был издан приказ, согласно которому «войсковое правительство в лице войскового правления временно взяло всю полноту власти на себя, до восстановления законной власти. Поэтому все распоряжения, помимо войскового правительства, не исполнять. Стоя на страже интересов войска, верные присяге Временному правительству, просим население спокойно заниматься своими делами» («Амурское эхо» № 799 за 1917 год).

* По материалам, находящимся в распоряжении секретариата «Истории гражданской войны».

¹ И. Сталин «Об Октябрьской революции», стр. 6. Партиздат. 1932.

Японское судно береговой обороны «Ивами».

1918 год.

стью правительства... Вместе с тем императорское правительство несколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России, которое будет решено русским народом для своей страны; тем более цель нынешней отправки военных судов вовсе не имеет никакого отношения к этому вопросу»¹.

В это же время в Северной Манчжурии и Забайкалье начинает свою деятельность субсидируемый интервентами атаман Семенов. Еще 19 декабря (старого стиля) 1917 года он напал со своим отрядом на станцию Манчжурия и арестовал членов местного совета; через два дня в Читу был доставлен запломбированный вагон с их трупами. В январе 1918 года на станции Манчжурия произошло оформление «Особого манчжурского отряда», насчитывавшего сначала приблизительно 600 человек. В конце января 1918 года семеновские банды начали наступление в Забайкалье и заняли станции Борзя и Оловянная. В районе Имана начал шевелиться соратник Семенова—атаман Калмыков. Образовался так называемый Даурский, или Забайкальский, фронт.

В начале марта 1918 года отрядами Красной гвардии совместно с ре-

¹ Цит. по сборнику документов «Действия Японии в Приамурском крае», стр. 7. Владивосток. 1921. Более подробно о японской интервенции см. нашу книгу «Японская интервенция на Дальнем Востоке». М. Соцэкгиз. 1935.

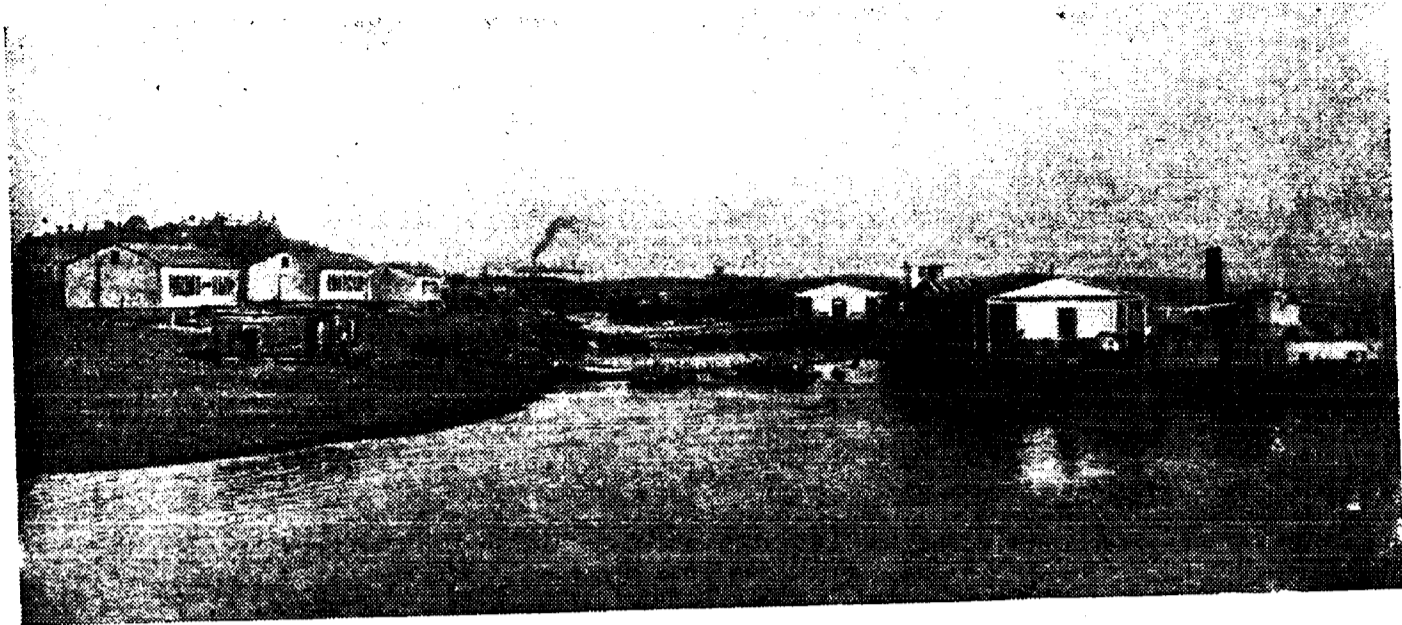
волюционными казаками под командованием вождя дальневосточных партизан Сергея Лазо белобандиты были разбиты под Даурией и отступили в Манчжурию.

Такова была обстановка на Дальнем Востоке ко времени выступления Памова.

2

В своей статье «Октябрьский переворот и национальный вопрос» товарищ Сталин, останавливаясь на контрреволюционной роли «национальных советов» и областных «правительств» на Дону, Кубани и в Сибири, указывает:

«Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир,—наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом,—наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки «чужих» национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что «национальные правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре. Объявив же войну, они, естественно, стали очагами реакции, стягивавшими вокруг себя все контрреволюционное в России. Ни для кого не тайна, что туда, в эти очаги, устремились все вышибленные

Вид пристани в г. Благовещенске.

Период гражданской войны.

из России контрреволюционеры, что там, вокруг этих очагов, формировались они в белогвардейские «национальные» полки»¹.

Эта характеристика может быть целиком отнесена и к амурским белогвардейским организациям, начавшим мятеж против советской власти.

Через две недели после установления советской власти (17 февраля нового стиля)² благовещенским советом была раскрыта офицерская организация—«Союз борьбы с анархией». Было арестовано 22 офицера и захвачено немалое количество оружия. Интересно отметить, что делегация проживавших в Благовещенске японцев (так называемых резидентов) настаивала перед местным советом на освобождении арестованных³.

Японские резиденты, проживавшие в Благовещенске под видом фотографов, прачек и др., посылались обычно на русский Дальний Восток для шпионских и разведывательных целей специальным японским обществом «Черный дракон» («Кокурюкай»). Указанное общество было организовано неким Уцида Риохей в 1901 году. Оно финансировалось и действовало по неофициальным директивам японского военного министерства. Общество вело пропаганду о необходимости войны с

Россией. Задачи его формулировались следующим образом: «шире развернуть национальную политику японской империи с тем, чтобы пробудить народы Азии»; «стремиться к расширению за море»; «японцы—руководители развития азиатских народов» и т. д.⁴.

После подавления иркутского юнкерского восстания, в декабре 1917 года, большое количество белогвардейских офицеров эвакуировалось в Благовещенск, рассчитывая найти здесь поддержку со стороны местных золотопромышленников и купечества. Последние жертвовали большие средства на формирование белогвардейских отрядов, во главе которых стоял штабс-капитан Языков. Штаб этих отрядов помещался, между прочим, в японской коммерческой конторе «Томоэ».

Для подавления деятельности контрреволюционных организаций Благовещенский совет не принял, однако, достаточно энергичных мер. Воспользовавшись этим, земство и городское самоуправление еще с начала января 1918 года спокойно создавали под

⁴ Подробнее см. в кн. О. Танина и Е. Иогана «Военно-фашистское движение в Японии». М. Партиздат. 1933.

Как указывают авторы книги, это общество ведет в настоящее время активную политику по подготовке войны против СССР. Оно имеет связь с атаманом Семеновым, с белогвардейской группой «сибирских автономистов», с белоэмигрантскими мусульманскими кругами, с бурятскими и якутскими белоэмигрантами.

¹ И. Сталин «Об Октябрьской революции», стр. 6.

² В дальнейшем все числа указываются по новому стилю.

³ См. «Дальневосточные известия» № 25 за 1918 год.

видом милиции белую гвардию. На V объединенном съезде крестьянства и казачества (в начале апреля 1918 года) об этом докладывал Мухин: «Мы указывали Думе, что эта затея буржуазии приведет к тому, что было в Иркутске, Харбине и других городах, но Дума нас не хотела слушать, и за спиной у нее буржуазия ковала для нас надежные цепи. Городская дума категорически отрицала существование белой гвардии и заявила, что лишь только организована «мирная» гражданская милиция для охраны города; но вот однажды мы вздумали проверить эту гражданскую милицию и нагрянули в дом Белокопытовой, по Большой улице. И что же? Там оказались вооруженные с ног до головы 22 офицера, нашли ружья, револьверы и склад бомб. Так вот какова эта гражданская милиция! Вот чем она занималась... Затем численность этой гражданской милиции постепенно увеличивалась и скоро дала почувствовать себя очень сильно»¹.

В свою очередь местный совет очень мало сделал для создания собственных вооруженных сил, не использовав резервы рабочих, местного революционно настроенного гарнизона и матросов Амурской речной флотилии.

В таких условиях 25 февраля 1918 года был созван IV амурский областной крестьянский съезд. Съезд этот происходил исключительно под руководством большевиков, хотя из числа 600 делегатов с решающим голосом и 200 с совещательным было только 15 большевиков. Съезд послал приветствие В. И. Ленину. В приветствии говорилось: «Шлем крепкое рукопожатие мужика-переселенца далекой окраины вождю всемирного пролетариата Владимиру Ильичу Ленину»².

Затем съезд вынес постановление: «1) единственной властью как в центре, так и на местах признать совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов; 2) роспуск Уч-

редительного собрания, как шедшего вразрез с интересами трудового народа, признать правильным; 3) вести всеми средствами борьбу с буржуазией как русской, так и иностранной, причем для борьбы с германской буржуазией и ее жандармами считать нужным заставить русскую буржуазию рыть окопы и отдать свои капиталы для Рабоче-крестьянской Красной армии»³.

В своих резолюциях съезд признал необходимость безотлагательной организации Красной гвардии, причем «милиция должна быть распущена немедленно по созданию советов и все ее функции должны перейти к советам совместно с Красной гвардией»⁴. Съезд предложил также областному совету немедленно приступить к организации Красной армии. Однако доверчивое отношение первых советских органов к довольно откровенно проводимой мобилизации сил контрреволюции привело к тому, что вскоре после закрытия IV амурского областного крестьянского съезда (5 марта 1918 года) белогвардейцы сделали первую попытку захватить деньги на почте, а два вооруженных отряда контрреволюционной милиции и проживавших в породе японцев пытались увезти винтовки и патроны из склада Амурского общества. По распоряжению исполкома, на почту были посланы два взвода солдат, а захваченное оружие было доставлено в исполком вместе с арестованным штабс-капитаном Языковым.

К вечеру 6 марта на улицах Благовещенска появились вооруженные отряды белогвардейцев, которые были организованы атаманом Гамовым. Исполком совета хотя и послал в гарнизон и заводы своих представителей, для того чтобы подготовить их к возможному выступлению, однако перевес сил был на стороне белых. По свидетельству бывшего в то время комиссаром здравоохранения тов. Вшивкова, белогвардейцам удалось вооружить трехлинейками до пяти тысяч человек

¹ Газета «Голос труда» № 266 от 6 апреля 1918 года.

² Цит. по хронике С. Цыпкина, А. Шурьгина и С. Булыгина «Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке», стр. 46. Дальгиз. 1933.

³ «Известия областного совета рабочих и солдатских депутатов» № 8 от 17 марта 1918 года. Благовещенск.

⁴ Там же, № 10 от 7 (20) марта 1918 года.

(по другим данным, они располагали также 4 орудиями и 3 пулеметами¹). Гарнизон же насчитывал всего до 500 человек, а рабочие дружины были вооружены 200—300 берданками. Оружие имели даже далеко не все члены совета.

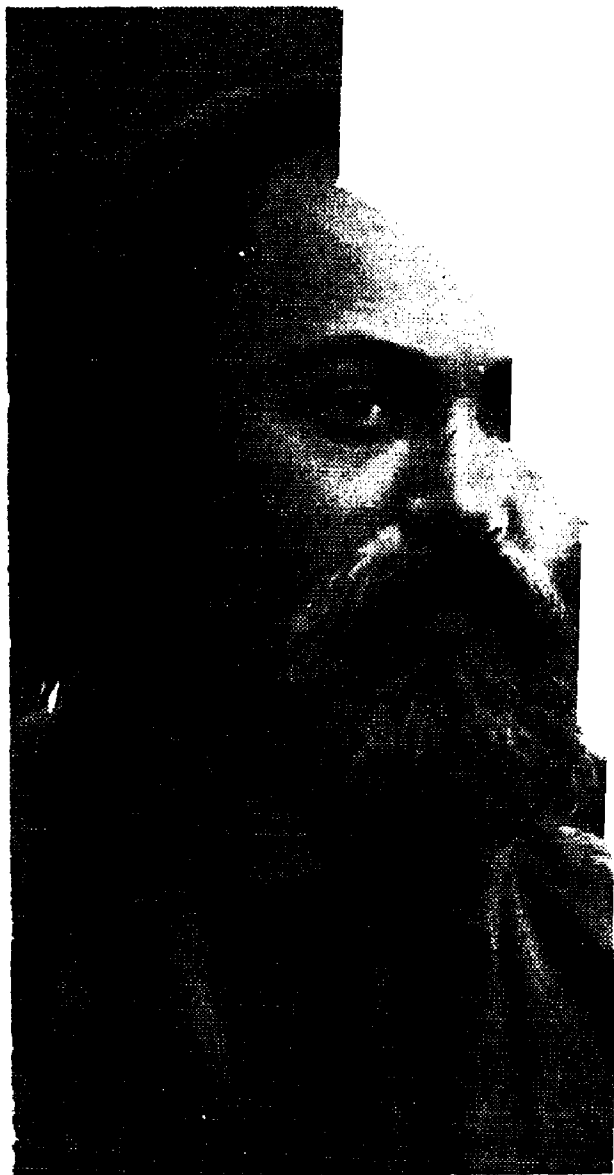
Около 9 часов вечера белогвардейцы начали окружать здание совета, где в это время происходило заседание исполкома. Предварительно были перерезаны все телефонные провода. В цитированном выше докладе Мухина следующим образом описывается этот момент: «К вечеру, когда заседал исполнительный комитет, приходит отряд вооруженных японцев во главе с Ландышевым (начальник штаба у белых. — Г. Р.) и требует освобождения своего начальника Языкова. Мы завели с ним переговоры, у нас появилось сомнение, не окружает ли нас белая гвардия и не вызывается ли гражданская война, чего мы всеми силами старались избежать. Так и случилось. Эта «мирная» гражданская милиция стала со всех сторон стекаться к совету. Нами же была сразу установлена связь с батареями. Когда проезжали 8 наших товарищей батарейцев по Большой улице, то со стороны казачьего правления был сделан залп, которым ранили одного из них. Вот с этого-то времени и началась стрельба по всем направлениям.

Потом пришли казачьи делегаты от войскового правления и пред'явили нам ультимативное требование, чтобы к 2 часам разоружить весь гарнизон и приготовить сдачу оружия. Теперь для нас стало ясно, что это просто авантюра со стороны казачьего правления, и, дабы выяснить дело, мы отправили своих делегатов к молодым товарищам солдатам в сотни. Но и здесь наших делегатов не допустили к самим казакам, а направили в правление»².

Белогвардейцы потребовали от делегации разоружения Красной гвардии и гарнизона. В ответ на обещание разоружить белую гвардию делегация

¹ См. доклад инспектора мест заключения в Приамурском крае от 23 марта 1919 года. АОР, ф. 135, д. 666, л. 8.

² Газета «Голос труда» № 266.

Ген. М. И. Г.

дала телефонограмму о разоружении гарнизона и сдаче оружия. Естественно, белая гвардия не была гижена.

Излишне доверчивых делегатов арестовали и препроводили в тюрьму.

В течение ночи белогвардейцы изводили аресты среди советских партийных работников, заключенных в тюрьму и реальное училище.

Для характеристики настроений казаков, охранявших важные объекты, приводим воспоминание одного из арестованных товарищей: «Я посадил одного в комнату, где из наших я не встретил. В конвоя со мной остался в охране казак, который мне с

— Мужайтесь, товарищ к нам чешут белых.

— Где?

— Около затона идет бой Горбылевке. Казаки отказываются идти на фронт. Вокзал захватили, а красные матросы укреп-

Партизанский отряд перед выступлением.

Дальний Восток.

в Астрахановке. Я недавно был на вокзале.

— Но почему ты не ушел к красным?

— Потому, что нужно вас охранять, а то офицеры может вас расстрелять.

— Вот так ловко, мы в плену, а охраняемся своими!

— Ничего не попишешь, — сказал казак и отошел к двери»¹.

Утром 7 марта были обезоружены и арестованы солдаты гарнизона. Аресты продолжались затем в течение всего времени пребывания белых в Благовещенске. Сопротивление оказали только матросы Амурской флотилии и часть рабочих-красногвардейцев Чепуриинского завода. «Нападение белых на казармы флотского экипажа — пишет тов. Безродных, — произошло запоздало (всего лишь на несколько минут), и стрельба, начавшаяся в затоне, в устье Зеи, где была боючая дружина, послужила сигналом тревоги, приведшей в боевую готовность матросов.

В боевые позиции, матросы в течение десяти минут отбили атаку белых, которые отступили в город. К засевшим в

— мемуары К. Иванова, рукопись фонда «Истории пражданской

казармах матросам стали стекаться остатки красных дружин, и таким образом вокруг матросов постепенно сгруппировались оставшиеся в городе дружинники»². Однако, видя невозможность дальнейшего сопротивления, матросы и рабочие в количестве 300 человек начали отступление к деревне Астрахановке, расположенной на реке Зее, в 7 километрах севернее Благовещенска, где находилась, между прочим, на зимовке часть речной амурской флотилии. В Астрахановке был создан военно-оперативный штаб. Было отдано распоряжение «разобрать железнодорожный путь на десять стьков против Астрахановки, порвать все телеграфные провода, выставить четыре пулемета в сторону Благовещенска и немедленно занять окопы, которые заменила старая канава, которая идет возле винокуренного завода, от реки Зеи на запад. Окопное дежурство чередовалось сменами»³.

¹ И. Безродных «Амур в огне», стр. 12. Дальгиз. 1935.

² Голик «Гамовское выступление в Благовещенске». Сборник «В огне революции», стр. 60. Хабаровск. 1927. Следует отметить, что в воспоминаниях тов. Голика, как и значительного большинства других участников, существует разногласие в датах происходивших событий.

Танки амурских партизан, отбитые у белых.

1920 год.

3

Быстро развернулась работа по мобилизации сил для отпора контрреволюции. Были посланы обращения в Читу и Хабаровск о высылке подкреплений. В ответ на эти обращения из разных пунктов поступали телеграммы следующего содержания: Владивосток: «Сегодня высылаем 500 человек красной гвардии при 12 пулеметах и 4 орудиях»; Чита: «Сегодня высылаем 15 платформ, груженных орудиями и снарядами»; Хабаровск: «Рабочие арсенала и затона в 12 дня выехали на Благовещенский фронт»¹. На призыв горячо откликнулись близлежащие села и деревни. Зазейские крестьяне охотно везли продукты красным бойцам. «Все деревни, — пишет тов. Вшивков, — напоминали собой в эти дни боевой тревоги военный лагерь. Всюду пекли хлеб, били скотину, резали птицу, везли овес и сено для лошадей. Никто ничего не жалел для общего дела»².

Руководитель борьбы с тамовским мятежом тов. Губельман рассказывает в своих воспоминаниях: «Я никогда не забуду той картины, кото-

рую мне пришлось видеть дорогой. На железнодорожных станциях эшелон красных войск встречали толпы крестьян, сбежавшихся из соседних сел и деревень. Тут были и бородачи-крестьяне, и молодые парни, и подростки, и даже женщины с детьми. Многие собрались по-походному: прихватили с собой котомки с хлебом и одеждой; кое-кто имел шомпольные ружья и кремневые самопалы. Они обступили со всех сторон вагоны и умоляли красногвардейцев взять их с собой на фронт, так как все они как один решили сражаться за советскую власть»³.

Другой товарищ вспоминает: «Тем временем со всех концов необъятной Амурской области съезжались в Астрахановку отряды крестьян и везли с собой мясо и хлеб.

— Куда народ, туда и мы, — говорили крестьяне, — хоша советскую власть отстаять бы нам»⁴.

Дальнейшую попытку взять инициативу в свои руки белые сделали 7 марта. Устроив импровизированный бронепоезд из платформы, обложенной

¹ Вшивков «Боевые дни Амура», стр. 43. Дальгиз. 1932.

² Там же, стр. 41.

³ Сборник «Таяжные походы», стр. 27.

⁴ К. Беклемишев «У порога Октября». Сборник «В огне революции», стр. 58.

кирпичом, белые повели атаку на Астрахановку. Однако, встреченные сильным огнем и понеся значительные потери, они вынуждены были отойти обратно. Предпринявший новое наступление японский добровольческий отряд был перебит фланговым огнем обошедших его матросов и рабочих. В результате в общей сложности белые потеряли около 500 человек одними убитыми.

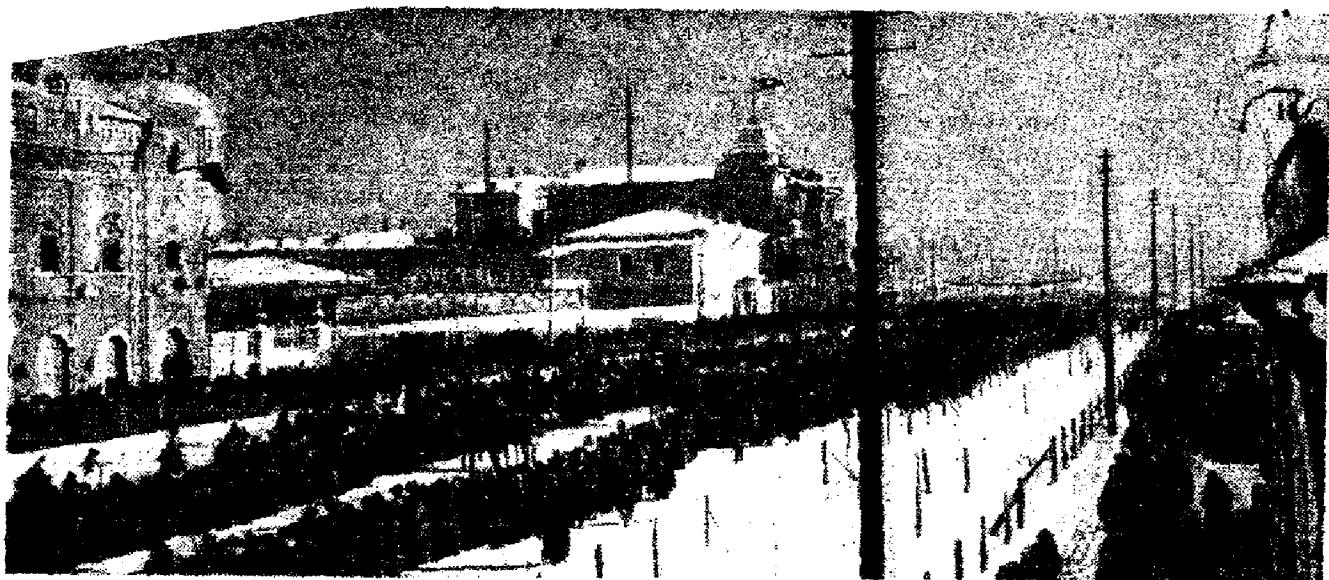
9 марта белые начали оружейный обстрел находившейся в Астрахановке красной флотилии, которая отвечала им огнем с канонерок. В этот же день белые предложили красным сдаться; последние в свою очередь потребовали разоружения белой гвардии. Гамов на это хвастливо ответил: «Мной ни одно из ваших предложений не принимается, так как я ваших призрачных сил не боюсь. Я постараюсь разогнать их и тем са-

мым доказать, что я есть сила, я есть власть в Амурской области»¹. Затем белые предложили заключить на двое суток перемирие, якобы для уборки трупов и раненых. Перемирие было установлено с 8 часов вечера 9 марта. Белые, видимо, твердо надеялись на прибытие казачьих подкреплений из Забайкалья и Приморья. Однако подкрепления действительно прибывали, но... к красным.

10 марта вместе с отрядом в 700 человек прибыл из Хабаровска назначенный главнокомандующим член краевого комитета советов тов. М. Губельман. Благодаря энтузиазму трудящихся масс, активно выступавших против белогвардейцев, удалось создать в течение нескольких дней двенадцатитысячную армию. Призыв

¹ Цит. по хронике «Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке», стр. 50.

Вступление красных партизан в Благовещенск в 1920 г.

большевистской партии и совета нашел горячий и немедленный отклик по всему краю.

Не получая подкреплений, Гамов объявил мобилизацию всего населения, начиная с 18-летнего возраста¹. Лицам, отказавшимся от явки, грозил немедленный арест, а бросавшим оружие и покидавшим строй—военно-полевой суд. Численность белых войск к этому времени достигала приблизительно 7 тысяч человек.

В течение 10 и 11 марта красная и белая стороны накапливали, таким образом, силы.

Так как мирные переговоры ни к чему не привели, военные действия возобновились. Рано утром 12 марта 1918 года артиллерия канонерок начала обстрел вокзала и города².

Предприняв наступление, красные взяли инициативу в свои руки. Силы их были разбиты примерно на три части: две трети находились в Астрахановке, а одна треть—на противоположном берегу реки Зеи, в деревне Владимировке. При поддержке судовой артиллерии и пулеметов началось одновременное наступление с двух фронтов: правого—от Астрахановки в направлении на вокзал, находившийся в южной части города, и левого—с южной стороны противоположного берега

Зеи, на затон (при впадении Зеи в Амур) и восточную часть города³.

«Роты левого фланга,—пишет тов. Безродных,—были развернуты в 4 цепи, шедшие одна за другой на расстоянии 200 метров. Под огнем белых, засевших на мельницах Алексева и Матвеевко и за насыпью железнодорожной ветки, наши цепи, подходя к городу, делали перебежки по льду Зеи, без стрельбы. Когда последняя цепь опустилась на лед, первая открыла огонь и начала быстро двигаться по направлению к городу⁴.

Главные, наиболее боеспособные части белых (офицерские отряды) были расположены в районе вокзала, где и завязался ожесточенный бой. Наступавшие красные части были встречены артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем. По свидетельству белого офицера, принимавшего участие в гамовском мятеже, «офицерская организация с двумя орудиями и пулеметами занимала район вокзала как

¹ м. благовещенские «Известия» № 7 марта 1918 года.

² одновременно выступили оставшиеся в городе отдельные рабочие. Была объявлена также забастовка рабочих электрической станции.

³ Согласно данным тов. Вшивкова, план наступления был разработан следующим: «На рассвете от Зеи вдоль каждой улицы должны были наступать по одной роте, всего, кажется, 16 рот, одна часть кавалерии в обход вокзала к тюрьме, другая—от вокзала к городу, стараясь во время отступления белых от вокзала отрезать им путь. Главные же силы должны были быть брошены в несколько цепей в наступление на вокзал. Наступление должно было вестись под непрерывным прикрытием орудийного и пулеметного огня» (Вшивков. Цит. соч., стр. 43).

⁴ И. Безродных. Цит. соч., стр. 17.

самый важный передовой пункт в сторону деревни Астрахановки и реки Зеи, откуда только и могло быть наступление. Два других орудия под командой нескольких офицеров были поставлены возле тюрьмы под прикрытием отрядов добровольной милиции и казаков из тюремного караула... Красноармейцы, наступавшие густыми цепями со стороны реки Зеи и деревни Астрахановки, залегли под действием нашего орудийного огня и пулеметов в складках местности, на расстоянии от полуверсты до одной версты от вокзала, открыв стрельбу из орудий, пулеметов и частую ружейную. Бесперывно рвались гранаты вокруг вокзала, и при ударах в самое здание стекла двойных рам непрерывно пробивались пулями»¹.

Большую роль во взятии вокзала сыграла артиллерия канонерок².

Одновременно с наступлением на вокзал продолжалось наступление красных на восточную часть города. Первые цепи, не неся сначала почти никаких потерь, добрались до противоположного берега Зеи и, укрывшись за корпусами оставшихся здесь барж, пароходов и катеров, продолжали обстрел. Началось отступление белых. «От железнодорожного полотна, — пишет тов. Безродных, — они стали перебегать к мельнице Матвеевко без особых трудностей; пользуясь начавшимся бегством белых с левого фланга, красные части достигли мельницы Тетюкова. Но здесь белыми было оказано значительное сопротивление, в результате которого мы понесли

¹ Доклад инспектора мест заключения в Приамурском крае. АОР, ф. 135, д. 666, л. 9.

² В статье «Борьба на Амуре», помещенной в № 49—50 журнала «На вахте», отмечалось, что «неизвестно еще, чем бы кончилось наступление на Благовещенск, если бы кто-то из моряков не догадался пустить в ход... стоявшие на зимовке около Астрахановки башенные лодки «Якут» и «Бурят». Здесь имел место первый в истории случай, когда речная военная флотилия сыграла решающую роль во время боя. Дело в том, что когда ставили на зимовку военные суда, с них по обыкновению не сняли артиллерию, а в боевых рубках остались запасы снарядов. Матросы живо оценили такое приобретение, и в самый разгар боя загрохотала артиллерия канонерок».

первые потери: было убито два человека и ранено три.

Тем временем наша рота, двигавшаяся по Корсаковской улице, отрезала белогвардейцев, защищавших берег Зеи от остальных «защитников города». Окруженные с трех сторон, белые бросились бежать через Сад туристов, на китайскую сторону Амура, но поставленный на берегу Амура против Корсаковской улицы пулемет быстро покончил с ними. На льду осталось около 200 убитых белогвардейцев»³. Затем красные части двинулись дальше, в город. Упомянутый выше белогвардейский офицер свидетельствовал: «Продержаться удалось до 6 часов вечера, к каковому времени около половины защитников вокзала выбыло из строя убитыми и ранеными. Вооруженные защитники города, оттесняемые превосходными силами наступающего противника, отстреливаясь, отступали из одной улицы в другую по направлению к Амуру, и уже с часу дня Амур был покрыт толпами вооруженных и безоружных жителей, спасавшихся на китайскую сторону»⁴.

В ряде городских домов белыми были устроены засады. Одна из самых больших засад находилась в каменном доме золотопромышленника Иванова, на Амурской улице. Подошедшие к этому дому красногвардейцы были обстреляны, в результате чего 4 человека было убито и 4 ранено. Осада дома длилась с 4 часов дня до 12 часов ночи и кончилась тем, что дом пришлось зажечь.

Утром 13 марта главный штаб красных перебравшись из Астрахановки в Благовещенск, где происходила ликвидация последних остатков белогвардейцев. В связи с начавшимися в Благовещенске самочинными обысками и мародерством президиумом штаба революционных войск было издано следующее постановление: «Вызванные сторонниками старого строя на бой народные советские войска раздавили белую гвардию. Штаб революционной армии ставит своей задачей борьбу со

³ И. Безродных. Цит. соч., стр. 18.

⁴ Доклад инспектора мест заключения в Приамурском крае. АОР, ф. 135, д. 666, л. 9.

всеми темными силами, действующими под видом революционных войск, производящими самочинные обыски у граждан города Благовещенска и оскорбляющими честь советского войска.

Штаб армии заявляет, что никто не имеет права делать обыски и аресты без разрешения исполнительного комитета совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Все нарушившие настоящее постановление будут арестовываться и предаваться суду»¹.

Одно из первых белогвардейских эсеров-меньшевистских выступлений (и стоявших за их спиной интервентов) было ликвидировано под руководством коммунистической партии объединенными усилиями рабочих, матросов и крестьян. Советы получили, наконец, возможность осуществлять свою деятельность.

Характерна выдержка из письма одного белогвардейца, показывающая, на какие силы рассчитывали разгромленные белые:

«Мы живем в Китае. В Благовещенске у нас произошла гражданская война, в которой принимал участие и я. Был один раз в бою, но остался жив. Теперь благодаря измене казаков мы должны были покинуть Благовещенск и переселиться в Сахалин (Китай). Так сказать, мы беженцы. Все вещи остались в Благовещенске, и мы, очевидно, попадем туда только с переходом всего края к японцам, которые сражались вместе с нами против большевиков и теперь решили оккупировать край. Говорят, что Владивосток и Хабаровск уже оккупированы. И знаете, как ни странно, но мы на них смотрели как

¹ Постановление № 2. Архивный фонд «Истории гражданской войны».

на единственных спасителей, ибо сами не в состоянии совершенно установить порядок. А. Степанов»².

После подавления мятежа отряды были демобилизованы. С 15 марта было открыто пассажирское движение по ветке Благовещенск — Бочкарево.

После восстановления советов в Благовещенске началась подготовка к созыву очередного, V съезда трудящихся области, который открылся 1 апреля 1918 года. Съезд постановил произвести национализацию фабрик, заводов, банков, приисков и земли. Особое внимание было обращено на вопросы, связанные с организацией и усилением Красной армии и Красной гвардии. Происходивший одновременно казачий съезд, стоявший целиком на платформе советской власти, слился с крестьянским съездом и вынес постановление об упразднении казачьего сословия. 10 апреля объединенный съезд трудящихся объявил Амурскую область Автономной Амурской социалистической республикой, входящей в состав РСФСР. Был избран Совнарком во главе с тов. Ф. Мухиным.

После ликвидации гамовского мятежа советская власть просуществовала в Амурской области около полугода. Объединенные силы интервенции и контрреволюции в лице японцев и местных белогвардейцев заняли 18 сентября 1918 года последний оплот советской власти на Дальнем Востоке — Благовещенск. Эта оккупация продолжалась до начала февраля 1920 года, когда Амурская область была окончательно освобождена местными партизанами, руководимыми коммунистической партией, от белогвардейцев и интервентов.

² Цит. по статье Губельмана о гамовском восстании. «Дальневосточные известия» № 40 за 1918 год. (Подчеркнуто нами. — Г. Р.).

НИКОЛАЕВСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ в 1918 г. (Воспоминания)

Короткий рассказ тов. Шорохова представляет большой интерес целым рядом описываемых им деталей. Он напоминает читателю о том, какую мощную борьбу вели николаевские рабочие под руководством большевистской партии против германской оккупации. Реакционное правительство Клемансо и его штабы не без успеха распространяли среди французских оккупационных войск и широких слоев населения Франции гнусную клевету, будто германские империалисты оккупировали Украину по призыву большевиков. Когда французские солдаты и моряки увидели, как в Николаеве французское командование братается с германским, как в Херсоне в мартовские дни 1919 года французский и германский штабы объединяли свое вооружение и свои силы для борьбы против партизанских отрядов и рабочих, тогда они поняли все. Это объединение штабов победившей и побежденной армий для борьбы против рабочих, против народов России и Украины является точным воспроизведением гениально разоблаченного Марксом объединения, которое имело место между войсками Бисмарка и Тьера в целях подавления Парижской коммуны; оно в то же время было одним из элементов, наиболее мощно воздействующих на французских солдат и моряков и окончательно раскрывших перед ними ту роль, которую правительство Клемансо хотело их заставить играть на Украине и в Крыму.

У тов. Шорохова также очень хо-

рошо показано большое значение николаевской рабочей делегации к французскому командованию. Французские солдаты и моряки хотели знать, для чего они воюют. Поэтому они с исключительным вниманием следили за инцидентами, имевшими место во время посещения этой рабочей делегацией военного штаба.

Рассказ об этом свидании облетел все корабли и уже был несколько искажен, как это всегда бывает в тех случаях, когда какая-либо весть передается из уст в уста. Вот почему воспоминания тов. Шорохова являются весьма полезным вкладом в историю Октябрьской революции. Они будут использованы при переиздании нашего коллективного труда «Восстание на Черном море», в котором компартия Франции воскрешает в памяти славную историю грандиозных революционных событий, происходивших в 1919 году во французском флоте в защиту бессмертной Октябрьской революции.

Андре Марти.

1

В своей книге «Красный флаг над французским флотом» тов. Андре Марти писал¹:

«14 марта на борту крейсера «Ле Брюи» делегат Николаевского совета, представитель советского представительства Украины, имел продолжительную беседу с контрадмиралом Эксельманом.

Адмирал чрезвычайно интересовался общим настроением в России, советским строем и в особенности учением коммунизма.

Он несколько раз повторял, что коммунистами руководят немцы. Делегату, разумеется, ничего не стоило доказать своему собеседнику, что у германского империализма нет злейшего врага чем российская коммунистическая партия и что спартаков-

¹ А. Марти «Красный флаг над французским флотом», стр. 95—96. 1928. В 1932 году вышел под редакцией Андре Марти коллективный труд о восстании во французском флоте на Черном море, представляющий собой наиболее полную и проверенную работу по этому вопросу из всех существующих на французском языке.

ская революция в Берлине в ноябре 1918 года была вызвана распространением большевизма.

Не подлежит сомнению, что это свидание, о котором было сообщено правительству, а также мятеж в 176-м полку и брожение среди команды «Ле Брюи» существенно способствовали изменению планов адмирала. Вот почему военные силы, вышедшие уже из Одессы в Очаков с заданием отбить Херсон и Николаев, повернули обратно. Красное кольцо сжималось вокруг Одессы».

В настоящей статье я как председатель этой делегации постараюсь обрисовать, в какой обстановке происходили эти переговоры, а также воспроизвести самый ход их. Это поможет уяснить замыслы империалистов, их тактику, а также покажет нам инициативу, отвагу и изобретательность пролетариата нашей советской родины в борьбе с оккупантами.

Как немецкие, так и французские войска в 1918—1919 годах пришли на Украину под видом «водворителей порядка», настоящей же целью их прихода было подавить революционное движение на Украине, руководимое партией большевиков, и прибрать к своим рукам богатый, хлебный край.

Казалось бы, такая большая, до зубов вооруженная сила, как армия оккупантов, могла добиться своей цели без особенных трудностей. Но действительность показала, что это не так. Занимая вначале город за городом, оккупанты приходили к ложному выводу, что с большевиками будет легко справиться. Они не замечали того, что чем глубже они проникали на Украину, тем больше их войска теряли свою боеспособность. Революционное настроение в рядах солдат-оккупантов нарастало. Партия большевиков несмотря на невероятно тяжелые условия развернула широкую разъяснительную работу среди них, раскрывая им глаза на действительные цели их правительств.

Бешеным белым террором отвечало оккупантское командование на эту деятельность партии, но безуспешно. Изолировать свои войска от «большевистской заразы» оказалось невозможным, и перед лицом назревавшей

опасности восстания и революции в собственной стране оккупанты вынуждены были поторопиться покинуть советскую территорию.

2

С первых дней своего появления в Николаеве, в начале марта 1918 года, немецкие оккупанты начали свою кровавую расправу с николаевским пролетариатом.

За оказанное николаевскими рабочими сопротивление немецким войскам при входе в город последние, заняв Николаев, разрушили водонапорную башню, выжгли целые рабочие кварталы, базары и учреждения, причем главный удар направлялся всегда против большевиков.

Но рабочие не смирились и на террор оккупантов ответили восстанием, временно выбившим немцев из города. Ворвавшись снова в город, оккупанты со всей силой обрушились на здание партийного комитета, штурмуя его артиллерией, пулеметами и даже огнеметами. В течение очень короткого времени помещение комитета (угол Херсонской и Глазнаповской улиц) было об'ято пламенем; лишь очень немногие находившиеся там товарищи остались в живых. Всех подозреваемых в участии в восстании расстреливали на месте; убивали и тех, кто не успел убрать около своих домов пустые ружейные гильзы. К расстрелянным по подозрению в большевизме прикалывали записки: «Расстреляны как большевики, задержанные с оружием в руках». В целях устрашения населения эти трупы по нескольку дней не разрешалось убирать.

Но эти меры не помогали: оккупантам не удалось сломить сопротивление большевиков. Влияние и авторитет последних среди рабочих все возрастали, и идеи большевизма все глубже и глубже проникали в оккупационные войска.

На оккупационные войска действовали не только пропаганда и агитация большевиков, но и то сверхчеловеческое мужество и героизм, с какими шли в бой против оккупантов большевики и руководимые ими трудящиеся массы Украины, включая

женщин и детей. Против иностранных империалистов выступило несколько поколений: дети, отцы и деды, — и эту силу не могли сломить оккупанты.

Чем дальше, тем больше рядовой состав немецких оккупантов проникся идеями большевизма, а часть солдат открыто переходила на сторону большевиков.

Революция в Германии еще больше усилила эти настроения. Немецкие солдаты промко заявляли: «Мы, спартаковцы, воевать не хотим и завтра уезжаем в Германию». Многие из них сдавали нам свое оружие.

Воспользовавшись создавшейся обстановкой, николаевская парторганизация в начале марта 1919 года стала стягивать партизанские силы к Николаеву; к этому же времени к Николаеву подошел со своими партизанскими частями и атаман Григорьев.

Николаевская парторганизация прекрасно знала о его бандитских похождениях в националистическом духе и относилась к нему с настороженностью, но, поскольку он боролся с оккупантами и представлял собой довольно крупную военную силу, Совету рабочих депутатов была дана директива поддержать Григорьева.

К этому времени процесс разложения германских войск уже зашел далеко и немцы не были в состоянии оказать серьезное сопротивление Григорьеву: его партизаны почти беспрепятственно вошли в город.

Совет рабочих депутатов выпустил воззвание, провозглашавшее переход власти к совету и призывавшее к борьбе против оккупантов. Но все же фактически власть советов еще не существовала, так как в целом город оставался еще в руках немцев.

В то время как на окраине города шли бои с оккупантами, на рейде показались французские оккупационные суда.

Первоначально французы, как видно, пытались поддержать немцев, так как открыли оружейную стрельбу по вокзалу и кладбищу, где были сосредоточены партизанские части, и высадили небольшой десант. Но, обстрелянные партизанами, они немедленно убрались на суда.

Когда разыгрывались все эти собы-

Андре Марти в 1908 г.

тия, я был в Николаеве членом Военного штаба Совета рабочих депутатов и председателем Союза фронтовиков и военнопленных. По заданию парторганизации, на Союз фронтовиков возлагалась задача подготовки и организации военнопленных сил для борьбы с контрреволюцией.

Союз сыграл большую роль в формировании военных сил в Николаеве. У меня сохранился, например, документ, выданный мне николаевской парторганизацией, предписывавший мне как председателю Союза фронтовиков:

«Приготовить на завтра 75 человек к 1 часу дня. Предварительно накормить их».

И это не единственный случай, когда парторганизация Николаева, нуждающаяся для очередных оперативных действий в военной силе, обращалась к нам с предписанием выделить эту силу.

В дни решающих боев с оккупантами Союз фронтовиков сформировал несколько отрядов красногвардейцев, в которые вошли лучшие бойцы, знающие пулеметное и артиллерийское дело. Эти отряды героически дрались против оккупантов под Очаковом, на

подступах к Николаеву и в самом городе.

Руководство Союзом фронтовиков в своем большинстве состояло из большевиков, а поэтому всецело подчинялось парторганизации и выполняло ряд довольно сложных боевых поручений, данных ею.

Устав Союза фронтовиков формально не преследовал никаких политических целей, наоборот, в одном из пунктов устава прямо говорилось: «Союз фронтовиков является аполитичной организацией, т. е. не преследующей никакой политической цели».

Но эта аполитичная форма была нам чрезвычайно на руку: она была ширмой, дававшей возможность большевикам организовать боевые отряды для борьбы с оккупантами Украины и против националистов-украинцев.

В то время когда Григорьев со своими партизанами занимал окраину города, я как председатель Союза фронтовиков и военнопленных был вызван в николаевский профессиональный союз металлистов.

Придя в Союз, я встретил там 3—4 членов николаевской парторганизации.

Тов. Бабанин, один из находившихся там товарищей, заявил мне: «По заданию парторганизации, на тебя возлагается задача — проникнуть на судно французских оккупационных войск, чтобы узнать об их настроениях, насколько крепкими чувствуют себя оккупанты. У нас есть предположение, что в их войсках не все благополучно...»

Затем тов. Бабанин прибавил: «Если тебе удастся проникнуть к командующему французской оккупации и тебе спросят о состоянии вооруженности большевиков, расскажи о величайшей мощи и организованности большевиков».

При этом он несколько раз подчеркнул, чтобы я был все время начеку и держался стойко.

Проникновение на судно оккупантов и самые переговоры были глубоко конспиративным поручением.

Партийная часть правления Союза фронтовиков решила послать вместе со мной еще одного члена правления, тов. Троянского, а в целях лучшей конспирации мне предложено было

связаться с местным Союзом георгиевских кавалеров и взять с собой одного из их представителей.

На судно было решено пробраться под видом переговоров о предоставлении охраны города Союзу фронтовиков.

Положение в Николаеве было действительно критическим: в городе фактически было три власти: немецкие оккупанты, французские оккупанты и Совет рабочих депутатов, находящийся на полулегальном положении.

Председателем делегации по переговорам с оккупантами был я, а членами — Троянский и представитель от Союза георгиевских кавалеров; в состав делегации входил и переводчик.

Заручившись от Союза фронтовиков соответствующим мандатом и уставом Союза, мы всей делегацией направились в гавань, где в это время в Николаевском коммерческом порту стояли три или четыре военных французских судна.

3

В городе шла беспорядочная стрельба. Мы с трудом добрались до гавани. Был уже вечер. Почти весь берег был опутан проволочными заграждениями, вокруг были укрепления из мешков с песком, здесь же стояло несколько пулеметов и два бронированных автомобиля.

Перед проволочным заграждением царило сильное оживление: суетились офицеры, ходили толпами солдаты. Впечатление было такое, как будто они собирались идти в наступление на город.

Среди офицерства чувствовалась какая-то нервозность и даже паническое настроение: они перебегали от одной группы солдат к другой и на ходу делали какие-то распоряжения, тут же их отменяя. Солдаты, наоборот, двигались как-то неповоротливо, как бы не желая выполнять того, что от них требовалось.

В ответ на обращение нашего переводчика группа французских солдат в 8—10 человек и один офицер, охранявшие проволочные заграждения, вышли нам навстречу.

Через переводчика я заявил, что мы

Немецкие войска на Украине. 1918 г.

являемся представителями от нейтральной организации Союза фронтовиков и желаем переговорить с командующим французской оккупации по вопросу о взятии на себя охраны города.

В первый момент к нам отнеслись с большим недоверием. По приказу одного из офицеров, нас окружили несколько французских солдат и стали обыскивать.

Наше прибытие, как видно, было для них неожиданным. Сперва было сказано, чтобы мы после обыска следовали за проволочное заграждение, в хлебный элеватор, а когда мы попытались с несколькими солдатами направиться туда, последовало второе распоряжение — оставаться здесь до тех пор, пока не будет получено извещение от командующего французской эскадрой.

Я заметил, что один из французских солдат, разговаривая с другим солдатом, улыбаясь, указывал на нас; я решил через переводчика спросить, что вызвало его интерес к нам. Но когда наш переводчик обратился к солдату, один из офицеров быстро подошел и сказал: «Разговаривать с солдатами не разрешается. Если вы желаете вести разговор, то должны его вести через представителей командного состава». Солдат, с которым был прерван наш разговор, отошел в сторону.

* Через некоторое время, снесясь, ви-

димо, посредством сигналов с судном, нам сообщили, что командующий дал согласие принять нас, и предложили нам самообыскаться, т. е. вывернуть карманы и показать, что мы с собой не везем ни оружия, ни прокламаций.

Скоро с военного судна пришел катер с двумя французскими матросами и одним офицером. Прибывший офицер, переговорив с офицерами, которые были на берегу, и проверив наши документы, снова предложил нам повторить процедуру самообыска. При этом он предупредил нас, что если окажется оружие или какие-либо большевистские документы, то разговор будет коротким.

Когда он, наконец, убедился, что с нами нет никаких компрометирующих материалов, нам предложили сесть в катер, который должен был нас переправить на судно, к командующему эскадрой.

По пути к военному судну сопровождающий нас французский офицер сказал нам, чтобы мы при разговоре с командующим были кратки и точны, в противном случае командующий прекратит с нами всякие переговоры.

Надо признаться, в тот момент я не надеялся, что мы вернемся обратно на берег. Судя по крайне подозрительному отношению французских офицеров, не верилось, что они отпустят нас живыми. Мысль напряженно работала над тем, как лучше выпол-

Тов. С. Шорохов. 1918 г.

нить сложное поручение парторганизации, чтобы не зря была отдана жизнь. Я заранее обдумывал, какие приблизительно вопросы мог задать мне командующий, и готовил на них ответы.

Крейсер, к которому мы под'ехали, назывался «Ле Брюи».

Когда мы поднялись по трапу на борт крейсера, нас встретили офицер и 6 вооруженных моряков.

Мы было подумали, что это почетный караул для нашей встречи, но через переводчика вскоре узнали, что это охрана, которую к нам приставили, чтобы мы не вели никаких разговоров с командой крейсера, — другими словами, это был наш конвой. В таком положении мы долго находились по прибытии на крейсер, ожидая приема контрадмирала.

Мы попытались спросить у одного проходившего матроса, скоро ли нас примет контрадмирал. Матрос, как видно, принял нас за арестованных и, посмотрев на нас с сожалением, сказал: «Контрадмирал не со всеми разговаривает, а вы ждите своего часа. У нас, как правило, с арестованными говорят перед рассветом и говорят в последний раз». Мы начали объяснять, что мы не арестованные, но охрана отогнала от нас ма-

троса, и мы остались в большом недоумении.

Долгое ожидание адмирала и сообщение моряка озадачили нас: неужели с нами могут расправиться, даже не расспросив ни о чем?

Вероятно, у французских оккупантов план был такой: увлечь нас на судно и пытками выведать от нас сведения о положении большевиков, а потом и прикончить.

Дело принимало тяжелый оборот. Я с величайшим напряжением стал обдумывать, какие меры предпринять, чтобы добиться переговоров с контр-адмиралом. У меня родилась мысль, опираясь на численность Союза фронтовиков, поставить им ультиматум. Не имея возможности обменяться по этому вопросу мнениями со своей делегацией, я решил действовать самостоятельно.

Я обратился через переводчика к проходившему офицеру:

«Скажите контрадмиралу, что мы являемся представителями десятилетия Союза фронтовиков, которые, направляя нас для переговоров, заявили, что если нас арестуют или надолго задержат, то они возьмутся за оружие, перейдут на сторону большевиков и поведут наступление на французских оккупантов».

Этот, на первый взгляд как будто не имеющий значения ультиматум сильно подействовал на контрадмирала, которому он был передан сейчас же. Через очень небольшой промежуток времени нас всех попросили в каюту контрадмирала.

4

Когда мы вошли в каюту, нам предложили сесть и ожидать прихода командующего.

Минут через 5 появился адмирал — суровый, седоватый старик, выше среднего роста. Вслед за ним вошел еще один офицер, который, как впоследствии оказалось, был переводчиком.

Адмирал первым делом спросил нас, что это за делегация и о чем мы хотим вести переговоры.

Я как председатель делегации сообщил, что мы являемся представителями Союза фронтовиков, насчитыва-

... в своей организации более 10 тысяч членов, что Союз не преследует никаких политических целей и лишь хочет вследствие создавшегося в городе положения взять на себя охрану города.

Я старался казаться в глазах адмирала человеком, совершенно политически несведущим, полагая, что таким путем мне скорее удастся достигнуть своей цели, так как адмирал, считая нас «российскими» простачками, более откровенно выявит свои контрреволюционные замыслы.

Первый вопрос адмирала был: «Почему в городе идет бой, и кто с кем ведет борьбу?»

Я ответил: «Вам как командующему оккупационными войсками это должно быть лучше известно. Я лично предполагаю, что восставшие рабочие ведут бой с немецкими и французскими оккупантами».

В дальнейшем я ввел в разговор такую фразу: «Если бы не было оккупантов, то не было бы и кровопролития».

На это контрадмирал возразил: «Неверно, оккупанты как раз и прибыли для установления порядка, глав-

ные виновники беспорядков — это анархо-большевистские элементы».

Отстаивая свое мнение, я заявил: «До прибытия оккупантов в городе был порядок, и существовавшую советскую власть николаевские рабочие любили и уважали больше всех властей».

Контрадмирал заметил: «Вы не умеете глубоко разбираться в вопросах, поэтому вам и кажется, что советская власть самая лучшая власть».

Касаясь нашего конкретного предложения об охране города, я поставил вопрос нарочито наивно, заявив, что наш Союз фронтовиков как аполитичная организация желает предотвратить ненужное кровопролитие и хочет взять охрану города в свои руки, после чего оккупанты смогут договориться с большевиками мирным путем. Если нам не передадут охраны города, говорил я, то в городе может пострадать много невинного народа.

Скрывая таким образом политическое значение создавшегося положения, я изображал дело так, что мы стоим на страже интересов всего населения города и за порядок вообще.

Для того чтобы адмирал отнесся с доверием к моим словам, я вынул

Кадры с картины «Правка красноармейцев на борьбу с интервентами»

1918 г.
П. Васильев

Правка красноармейцев на борьбу с интервентами.
1918 г.

Рис. П. Васильева.

устав Союза фронтовиков и стал доказывать, что наш Союз является нейтральным, его цель — экономическая помощь своим членам и подыскание им организованным порядком работы.

Контрадмирал, прочитав ряд пунктов из устава, где говорилось о защите экономических интересов членов Союза, решил, повидимому, играя на этих интересах, подкупить Союз и использовать его для борьбы с революционным движением. Прежде суровый и холодный, он несколько оживился и проявил вдруг большой интерес к экономическому положению Союза. Так например он задавал вопросы следующего характера: «Помогает ли вашей организации Совет рабочих депутатов?», «На какие средства существует Союз?» и ряд других, аналогичных вопросов.

На первый вопрос я заявил, что Совет рабочих депутатов нам не в силах помогать, потому что он сам беден, оккупационные войска часть продовольствия и разного имущества забрали себе, а часть уничтожили.

Адмирал стал даже улыбаться, заявляя, что командование французской оккупации всецело будет поддерживать городское самоуправление и заботиться о том, чтобы Союз был поставлен в лучшие материальные условия.

Судя по тому, как адмирал вел себя, видно было, что он прикидывал, какую сумму надо будет затратить на подкуп нашего Союза.

«Вы у себя в правлении не обсуждали, — спросил он, — сколько в среднем придется платить отдельному рядовому охраннику и руководителям охраны города?»

Я ответил, что мы обменивались мнениями по этому вопросу и сошлись на том, что рядовому бойцу будет достаточно 100—120 рублей в месяц, а руководителям — 250—300 рублей.

Адмирал остался, видимо, доволен дешевой ценой и, улыбаясь, сказал: «Это очень небольшой оклад».

Вслед за тем адмирал стал расспрашивать меня о структуре советской власти и принципах коммунизма.

Эти вопросы, как видно, были заданы с тем, чтобы дополнительно про-

верить, не являемся ли мы коммунистами.

Желая довести до конца роль наивного простака, я сказал: «Советская власть — это власть очень простая, она опирается на взаимное доверие всех классов, представляя преимущество беднейшему населению».

Далее, контрадмирал поинтересовался, есть ли в Совете представители от нашей организации. Я заявил, что от нашего Союза фронтовиков в Совете рабочих депутатов имеется около 5—6 представителей как от руководящего состава, так и от рядовых членов. Это соответствовало действительности.

Тогда адмирал задал такой вопрос: «Все ли руководители большевиков — немцы или имеются русские коммунисты, которые сами руководят?»

На это я ему ответил: «Среди коммунистов нет ни одного немецкого руководителя, а почти все руководители коммунистов — николаевские рабочие. Коммунисты — злейший враг немецкого командования. Своей пропагандой они разложили немецкие оккупационные войска на Украине».

Я особенно напирал на вопрос о пропаганде, зная, что адмирал слушает это без особого удовольствия. Я рассказал ему о том, как немецкие солдаты, узнав, что большевики не имеют к ним никакой вражды и злобы, очень быстро начали становиться такими же большевиками, как и николаевские рабочие.

Я даже несколько преувеличил действительное положение вещей с переходом немецких солдат на сторону большевиков, желая показать, что большевистские идеи очень заразительны и никакая сила неспособна уберечь от них оккупационные войска.

Контрадмирал продолжал спрашивать: «Велики ли силы большевиков, имеется ли у них в достаточном количестве оружие, боеприпасы и есть ли орудия?»

Сославшись на то, что мы близко с большевиками не соприкасаемся, а потому всех подробностей не знаем и можем рассказать только о том, что видели, мол, со стороны, мы описали боевые силы большевиков, не пожалев красок для характеристики их

мощи. «Если сравнить,— говорил я,— тех большевиков, которые дрались с немецкими оккупантами в 1918 году, с теми, которые сейчас занимают окраины города Николаева, то между ними существенная разница. Те большевики были раздеты, почти не имели оружия, боеприпасов и продовольствия, а эти почти все в военном обмундировании, хорошо вооружены, имеют обученных командиров и даже располагают орудиями».

Адмирал удивился и переспросил: «Неужели у большевиков есть орудия?»

Я подтвердил сказанное. «Я слышал об этом от других членов нашего Союза, которые видели за городом установленные большевиками пушки,— сказал я.— Кроме того и мне самому приходилось видеть несколько орудий, очень много винтовок и пулеметов, как видно, отобранных у немцев».

Прекрасно зная о недоверии николаевских парторганизаций и николаевского пролетариата к атаману Григорьеву как к авантюристу, я счел уместным сообщить адмиралу, что это большая боевая партизанская сила и что Григорьева и его партизан, борющихся с немецкими оккупантами, население города Николаева встретило с радостью.

Характер задаваемых адмиралом вопросов и заметная нервозность говорили о том, что несмотря на огромную военную силу оккупантов адмирал побаивался большевиков. Желая убедиться в этом, я задал ему вопрос: «Почему французская эскадра стоит далеко от берега и не подходит ближе? Если бы военные корабли подошли к берегу, то большевики, пожалуй, побоялись бы войти в город».

Контрадмирал побагровел и сказал: «Да, эта красная орда ничего не боится. А если мы подойдем близко к берегу, то они могут нам сильно повредить. Мы же своей артиллерией сможем их достать отсюда». Этот ответ убедил меня в правоте моих предположений.

Пытаясь спровоцировать нас, адмирал спросил меня: «Вы не скажете, сколько членов вашего Союза фронтовиков участвует сейчас в перестрелке против оккупантов?»

Зверства оккупантов на Украине. 1918 г.

Я на это ответил лаконически: «Союз фронтовиков не давал своим членам санкции для вступления в бой, так как мы хотим путем переговоров добиться охраны города, с тем чтобы не допускать кровопролития».

Адмирал смерил меня взглядом с головы до ног и, заметив, что у меня брюки в запекшейся крови, спросил: «А вот вы не участвовали сами в перестрелке?»

Правда, за 2 дня до переговоров я действительно участвовал в бою и мне пришлось нести одного нашего раненого красноармейца, но, желая это скрыть от адмирала, я заявил: «За несколько часов до переговоров я проходил по одной из улиц, где было много раненых, и меня заставили помогать при переноске раненых».

Как видно, адмирал мне не совсем поверил, так как стал задавать ряд вопросов мне и другим членам нашей делегации о том, какую роль несет:

Союз фронтовиков в происходящей перестрелке, и т. д.

После этого адмирал перешел к вопросу о том, как мы практически полагаем осуществить охрану города. Он заявил, что, собственно говоря, ничего не имеет против того, чтобы немецкое командование разрешило нам взять на себя охрану города, но с тем, чтобы мы всецело подчинялись установленному городскому самоуправлению.

Получив принципиальное согласие на охрану города, я стал требовать, чтобы в распоряжение Союза фронтовиков было выделено не менее 500 или 1000 винтовок и к ним патроны, а также несколько пулеметов.

Адмирал заявил, что оружия выдать он не может и переговорит об этом с командованием немцев; с ним же он разрешит вопрос, каким оружием нас снабдить: русского образца или немецкого.

Я стал настаивать, что действовать надо как можно скорее, в противном случае разыграется сильное сражение между большевиками и немецкими оккупантами, а поскольку члены Союза фронтовиков оказывают симпатии большевикам, то они могут перейти на сторону большевиков, выйдут из города немцев и возьмутся за французов. При этом я отметил, что французы — это не немцы: они имеют мощную военную силу в лице военной эскадры и большевикам не сдадутся. Сражаясь же с большевиками, французы погубят в городе многих невинных людей и разрушат совершенно город.

В конце я подчеркнул, что разрешить вопрос можно двумя путями: «Или французские оккупационные войска должны оставить пределы города Николаева или поручить охрану города нашему Союзу как «нейтральной» организации».

Контрадмирал, подумав некоторое время, сказал: «Я большевиков знаю еще по Одессе. Это народ суровый и твердый: у них на голове можно колья тесать, но пощады они не просят».

Я внутренне засмеялся, услышав от адмирала такой лестный отзыв о большевиках.

Контрадмирал, несомненно, думал, что мы не разбираемся во всех тонкостях политики и что он легко сможет нас использовать в своей борьбе против большевиков. Он рассчитывал применить к нам излюбленную тактику буржуазии: путем подкупа и ряда других поблажек натравить нас как «несознательную часть» против революционной части пролетариата и его партии, а потом пожать плоды. Происходило как бы состязание в дипломатической ловкости между представителем труда и представителем капитала, состязание выхолненного, получившего отличное образование представителя империализма, с одной стороны, и рабочего-слесаря, работавшего более десятка лет на заводах, — с другой. И в этом состязании победителем оказался рабочий, которого партия большевиков вооружила большевистской закалкой и целеустремленностью.

Я в то время не думал, что эти переговоры сыграют такую значительную роль в дальнейших планах оккупантов, как это произошло в действительности.

Но мне было ясно, что задание партии я выполнил и, проникнув в лагерь до зубов вооруженного врага, выведаль его настроение.

Удар по оккупантам был нанесен с двух сторон: с одной стороны, украинские парторганизации организовывали партизанские восстания и проводили агитацию и пропаганду среди оккупационных войск, а с другой — французские коммунисты под руководством тов. Андре Марти проводили очень трудную работу по агитации и пропаганде внутри самих оккупационных войск, подготавливая и организуя восстание во французском флоте, которое сыграло исключительную роль в деле борьбы советской республики с интервентами: без восстания французских войск нам бы пришлось поплатиться не одной сотней и тысячей наших лучших, самоотверженных борцов.

В. Сергеев

ЭПОХА ВОЕННЫХ ДИКТАТУР КОНЦА РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В результате длительных завоевательных войн Рим из небольшой городской республики, расположенной в низовьях реки Тибра, постепенно превращался в могущественное государство.

К I веку до н. э. римляне подчинили себе почти весь известный тогда мир. Римские владения охватывали Пиренейский, Апеннинский и Балканский полуострова, южную часть современной Франции, богатейшие области Северной Африки, Сирии и Малой Азии. Средиземное море—колыбель европейской цивилизации—стало внутренним морем Римской державы, и древние писатели могли с полным правом называть Рим «владыкой мира».

Однако непрерывные победоносные войны Рима сопровождалась разорением, а кое-где и полным исчезновением свободных римских и италийских земледельцев, огромным притоком в Италию захваченных рабов, ростом крупного землевладения с применением рабского труда и жесточайшей эксплуатацией захваченных стран небольшой кучкой римской знати, торговцев, спекулянтов и откупщиков.

Все это вызывало острое недовольство как в самом Риме, так и во вновь завоеванных странах, в которых оно нередко выливалось в открытые восстания против Рима под лозунгами освободительной войны.

Начиная со второй половины II ве-

ка до н. э., с эпохи Гракхов, Римская рабовладельческая республика вступает в полосу жесточайшего внутреннего и внешнего кризиса, длительных гражданских войн и непрерывных восстаний в провинциях и среди рабов.

Этот кризис особенно обострился в период так называемых военных диктатур, когда ко всем указанным выше противоречиям присоединилась еще резкая борьба внутри правящих классов Рима.

В этой крайне напряженной обстановке возникли два, тесно друг с другом связанных события, которые потрясли до основания уже обветшалое здание Республиканского Рима. Мы имеем в виду так называемую Союзническую войну (90—88 годы до н. э.) и войну с Митридатом (89—85 годы).

1

Союзническая война вспыхнула из-за отказа Римского сената предоставить права полного римского гражданства всем италийским союзникам, т. е. тем племенам, населяющим территорию Апеннинского полуострова, которые давно были покорены Римом, вошли с ним в союз и вместе с ним, в его же интересах, вели завоевательные войны. Союзники, лишённые прав римского гражданства, подвергались жесточайшей эксплуатации и разорению со стороны римской администрации и торговцев. В 90 году до н. э. города средней и южной части Апеннинского полуострова заключили между собой союз для борьбы с Римом, и в том же году так называемое «Союзное государство Италия» начало ожесточенную войну с Римом.

Восстание союзников застало римские правящие классы врасплох. По вопросу о предоставлении союзникам прав гражданства разгорелась ожесточенная партийная борьба. Тем временем восстание распространилось по всей Италии. Римскому сенату пришлось сосредоточить все свое внимание и силы на этой борьбе, при этом он окончательно упустил

из виду восточные провинции Рима. А в это время там, на Востоке, назрела новая гроза. В разгар внутренней союзнической войны из Азии стала надвигаться опасность большой внешней войны. Эта опасность исходила от незначительного, не зависящего от Рима понтийского царя Митридата VI (120—63 годы), воспользовавшегося критическим для Рима моментом.

Митридат — молодой, образованный и в высшей степени честолюбивый царь, — пользуясь ослаблением внешней политики Рима, подчинил своему влиянию соседние страны и в конце II столетия создал огромное государство на Востоке. Царство Митридата охватывало весь северо- и юговосточный берег Черного моря, включая Понт, Пафлагонию, Каппадокию, Малую Армению, Колхиду и Босфорские владения с северогреческими колониями на Крымском полуострове. Со своих владений Митридат собирал ежегодно дань в 300 талантов¹ деньгами и 180 тысяч четвертей пшеницы.

Влияние Митридата распространялось далеко за пределы его владений. Он поддерживал связь со скифами, сарматами, дунайскими галлами, фракийцами и иллирийцами.

В отношении Рима Митридат первое время держался осторожной, выжидательной политики. Мирные отношения между обоими государствами были нарушены лишь после того, как Митридат в 91 году, воспользовавшись осложнениями в Риме, изгнал из своих владений Никомсуа III, царя Вифании, союзника Рима, а его зять, армянский царь Тигран, с согласия Митридата изгнал из Каппадокии царя Ариобарзана, тоже союзника Рима. На выручку своих вассалов римляне отправили войско под командой Аквилы. Аквиллий заставил Митридата восстановить изгнанных им царей в их прежних владениях и потребовал возмещения убытков. На первое требование понтийский царь

согласился, а во втором отказал. Это и послужило поводом к первой войне с Митридатом (89—85 годы).

В распоряжении Митридата был флот в 400 кораблей и сухопутная армия в 300 тысяч человек, составленная из самых различных народностей: греков, скифов, сарматов, пафлагонцев, фракийцев, бастарнов и пр. Своему выступлению Митридат придавал характер борьбы против чужеземного засилья. Население азиатских провинций, страдавшее от конкуренции и хищничества римских, еврейских, египетских и других ростовщиков и торговцев, готово было поддержать Митридата в его начинаниях. В своих тайных приказах начальникам городов Митридат писал, чтобы они по истечении 30 дней начали погром находившихся в их пределах чужеземцев и вообще всех людей, говоривших на латинском языке, т. е. италиков. Рабам была обещана свобода при условии, если они перебьют своих господ и примкнут к восставшим. Кроме того все, принявшие сторону Митридата, освобождались от долгов.

Призыв Митридата к погрому чужеземцев нашел горячий отклик во всех городах азиатского материка и островов. По преданию, в одной провинции Вифании было перебито более 80 тысяч италиков; несколько десятков тысяч римских граждан погибло на острове Делосе. В Эфесе, Пергаме, Милете и других местах римляне и италики избивались сотнями и тысячами невзирая ни на пол, ни на возраст. Иноземцев убивали на улицах, в домах, в храмах и у алтарей богов.

«Было очевидно, что жители Азии действовали так против римлян не столько из страха перед Митридатом, сколько из ненависти к ним»².

Вместе с тем Митридат освободил Азию от уплаты дани в течение 5 ближайших лет, декретировал уменьшение долгов наполовину, произвел новое перераспределение территории в подвластных ему областях, посадил своих управителей, ввел новую, более полноценную монету — золотую драх-

¹ Талант — древнегреческая весовая и денежная единица, имевшая в различных государствах Греции различное значение. Наиболее известен был аттический (афинский) талант, равный 26,2 килограмма серебра.

² Аппиан «Война с Митридатом». Т. I, стр. 60.

му с собственным изображением — и вступил в связь с италийскими повстанцами. Столицей своего государства Митридат объявил город Пергам.

В Риме перспектива войны на Востоке отодвинула все другие вопросы на второй план. Речь шла не только о сохранении самых богатых римских провинций в Азии и о захвате добычи и рабов, в которых после Союзнической войны ощущался недостаток, но и о самом сохранении колониальной державы Рима. В этом причина той исключительной страстности, с которой велась между партиями борьба за выбор главнокомандующего восточной армией. На роль верховного командира претендовали два кандидата: Луций Корнелий Сулла и Гай Марий. Первый был вождем оптиматов — консервативной аристократической партии, выступавшей против демократических реформ; второй — популяров, которые боролись за демократические реформы, за наделение римских граждан землей и инвентарем и видели в этом средство от неминуемой гибели Римской республики. Формально больше прав на верховное командование имел Сулла, консул 88 года, прославившийся в Союзнической войне, награжденный высшей военной наградой — «травяным венком» (венком из травы и полевых цветов) и хорошо изучивший азиатские провинции во время своего пропреторства в Киликии (92 год). Однако Марий и его приверженцы ни за что не хотели уступать руководство военной кампанией Сулле.

Несмотря на почтенный возраст Марий сохранил еще достаточно энергии, укрепляя свой организм физическими упражнениями. «Мучимый страшным честолюбием, Марий боролся со старостью и слабостью чисто по-детски. Он ежедневно ходил на Марсово поле и принимал участие в гимнастических упражнениях молодежи, старался показать, что его тело было еще способно легко владеть оружием, что он крепко сидит на коне, хотя в старости был неповоротлив, очень толст и жирен»¹.

Для достижения своих целей Марий вступил в соглашение с народным три-

Митридат VI эвпатор. Изображение на современной монете. Берлинский монц-кабинет.

буном 88 года Публием Сульпицием Руфом, человеком даровитым, красноречивым и совершенно разорившимся (он рассчитывал в случае счастливого исхода военной кампании поправить свое состояние). На кандидатуре Мария Руф объединил интересы самых различных групп: марианских ветеранов, всадников², вольноотпущенников и италиков. С вопроса уравнивания италиков в правах с остальными римскими гражданами Руф, собственно, и начал. Не открывая своих истинных намерений, Сульпиций Руф выступил в комициях³ с предложением распределить вольноотпущенников и италиков по всем 35 трибам⁴, что дало бы союзникам перевес в Народном собрании.

С целью задержать законопроект Руфа, Сулла на основе консульских

² Всадниками называли богатых римских купцов, ростовщиков, спекулянтов и откупщиков.

³ Комиции — народное собрание полноправных граждан Римской республики, пользовавшееся законодательной инициативой и правом выбора высших должностных лиц Римской республики.

⁴ Трибами первоначально назывались родоплеменные единицы Римской общины.

В последние века республики трибы превратились в административно-политические округа, по которым производился набор ополчения, сбор налогов и обсуждались хозяйственно-политические вопросы. Трибунные комиции (собрания) оказывали решающее влияние на ход римской политики как главные органы демократии.

¹ Плутарх, «Марий». Гл. XXXIV.

Предполагаемое изображение Суллы. Мраморный бюст в музее Кьяра-Монта.

полномочий назначил праздничные торжества, во время которых нельзя было ни созывать комиции, ни вносить какие-либо законодательные предложения. Но это несколько не смутило Сульпиция Руфа, опротестовавшего распоряжение консула и организовавшего из приверженцев Мариа в противовес всемогущему сенату антисенат из 600 человек. Все эти мероприятия подкреплялись созданием вооруженного отряда из 3 тысяч наемных вольноотпущенников и рабов. В сопровождении этого отряда Руф явился в комиции и потребовал отмены распоряжений консула. Те, кто пытался протестовать против этого требования, были избиты сторонниками Сульпиция. Консулам удалось вовремя оставить комиции и покинуть Рим. Сулла отправился в Кампанию, где в то время стояла армия, готовая к отплытию на восточный театр военных действий.

В Риме после отъезда консулов было принято предложение Руфа о перераспределении всех союзников по 35 трибам, а вслед за этим было постановлено отобрать военное коман-

дование у Суллы и во главе кампанской армии поставить Мариа.

Избранный главнокомандующим, Марий стал готовиться к походу, предварительно отправив двух легатов в лагерь Суллы с требованием сложения командования и передачи ему войска. Сулла в ответ на это созвал военный митинг и нарисовал перед собравшимся войском блестящую перспективу богатой и легкой войны на Востоке. В заключение своей речи он указал, что единственным препятствием к осуществлению столь блестящей перспективы являются Марий и его войско. Армия заволновалась. В то время как командный состав колебался, солдаты потребовали немедленной войны с Марием и забросали делегатов Мариа камнями. Используя настроение войска, Сулла с 6 легионами двинулся на Рим для «освобождения города от тирании». Под стенами города и в самом городе произошел ожесточенный бой между сулланскими когортами и находившимся в городе гарнизоном, которым командовали Марий и Сульпиций.

«И вот тогда-то на улицах Рима разыгралось настоящее сражение, как между истинными врагами, первое в своем роде, уже не в виде простого восстания, а по-настоящему, под трубные звуки и с развевающимися знаменами, по военному обычаю. До столь великого бедствия довела внутренняя рознь, на которую вовремя не обратили достаточно внимания»¹.

В момент, когда казалось, что легионы Суллы дрогнули и сражение проиграно, в ряды сражающихся бросился сам Сулла со знаменем в руке и восстановил порядок.

Пытаясь спасти положение, марианцы провозгласили свободу рабов, вступивших в их ряды, но было уже поздно: в этом их предупредил Сулла. По преданию, всего 3 раба откликнулись на призыв Мариа. Победа осталась за Суллой, ставшим неограниченным повелителем Рима.

Разбитые марианцы разбежались или попали в плен. Бежал и сам глава марианской партии и его прием-

¹ Аппиан. Цит. соч. Т. I, стр. 58.

ный сын Гай Марий, выехавший из города на телеге с бобами. Марий-отец после долгих приключений на море и на суше, прожив некоторое время в хижине рыбака, скрываясь в болотных зарослях, в конце концов высадился в Африке, где встретился со своим приемным сыном и некоторыми видными марианцами. Несмотря на 70-летний возраст выдающийся римский полководец с напряженным вниманием следил за разворачивавшимися событиями в Риме, ожидая благоприятного момента для нового вступления в политическую борьбу.

2

Хозяином положения в Риме сделался Сулла. В спешном порядке была провозглашена новая конституция. Высшая власть в государстве вверялась сенату, в состав которого были введены приверженцы Суллы. Согласно новой конституции, урезывались права центуриатных комиций¹ и власть народных трибунов², отменялось также распределение италиков и вольноотпущенников по всем трибам. Консулами на 87 год были выбраны Гней Октавий и Луций Корнелий Цинна, принесшие клятву на верность новой (сулланской) конституции, непопулярной среди широких слоев населения. Однако вскоре консул Цинна открыто порвал с сулланским сенатом, стал во главе недовольных и перешел на сторону марианцев. Против Цинны выступил другой консул, Гней Октавий. Цинна был лишен консульского звания и объявлен вне закона. В результате ему пришлось бежать в Кампанию, где он стал во главе мятежных легионов самнитов и луканов³, еще не сложивших оружия. К Цинне примкнули многие вольноотпущенники, рабы и всадники, а также личные враги Суллы: Квинт Серторий, Милон и др. Находившийся в то время в

¹ Центуриатные комиции — собрания римских граждан, полноправных по имущественному цензу.

² Трибунами назывались лица, избиравшиеся плебейми в целях защиты их интересов от нарушения теми или иными мероприятиями высших должностных лиц Римской республики.

³ Италийские племена, жившие в Средней и Южной Италии.

Марий. Мраморный бюст в Ватикане.

Африке Марий, узнав о действиях Цинны, тоже поспешил в Италию. Высадившись в Этрурии, на мысе Теламон, с наемным 2-тысячным отрядом этрусских крестьян, Марий поспешил на помощь Цинне, стоявшему под стенами Рима. Таким образом, 4 армии осаждали Рим: армия Цинны, армия Сертория, войска Мариа и его сторонника Папирия Карбона; Марию удалось захватить порт Рима—Остию.

В осажденном городе свирепствовали голод и эпидемия. Наконец, в июне 87 года Рим сдался на милость победителя. Захватившие власть марианцы начали с расправы над римлянами. Особенно свирепствовал сам Марий — обезумевший старик, стоявший во главе иллирийского корпуса. Резня продолжалась целых 5 дней. В течение этих дней погибла масса людей; сгорело много домов, в том числе и дом Суллы.

«Частью по его устному приказанию, частью по движению его руки, иллирийцы убивали граждан целыми массами. В домах они убивали хозяев, насиловали их жен и бесчестили детей»⁴.

⁴ Аппиан. Цит. соч. Т. I, стр. 58.

Убийства, конфискации имущества и изгнания продолжались в течение всего периода господства марианцев.

Консул Октавий был убит, а находившийся тогда на театре военных действий Сулла объявлен вне закона. Все законы и распоряжения Суллы были аннулированы, а законы Сульпиция Руфа восстановлены. Одновременно с этим было принято несколько демократических законов: проведена частичная кассация долгов, монетная реформа и др.

Свирепость Мария в конце концов вызвала протест даже среди самих марианцев. Возмущенные бесчинствами иллирийцев, Цинна и Квинт Серторий напали ночью на их лагерь и всех их (числом до 40 тысяч) перебили.

Консулами на 86 год были избраны Цинна и Марий, получивший консульство в седьмой раз.

Через несколько дней, 17 января, Марий скончался от лихорадки.

Положение марианцев не отличалось прочностью: Италия находилась в состоянии гражданской войны и экономического кризиса. Консулы 85 года¹ Цинна и Папирий Карбон не пользовались авторитетом ни среди сенаторов, ни среди городского населения. В сенате имелась группа сенаторов, готовых пойти на компромисс и вступить в переговоры с Суллой. К этой группе принадлежали Валерий Флакк, Муций Сцевола и др. Они уже начали было переговоры с Суллой, но Цинна и Карбон еще до конца переговоров стали готовиться к походу для отнятия у Суллы командования и передачи его своему стороннику.

Во время приготовлений к отплытию Цинна был убит взбунтовавшимися солдатами в Анконе.

3

В 87 году Сулла высадился со своими войсками в северозападной части Греции, в Эпире.

Общая ситуация складывалась к тому времени неблагоприятно для Рима: Греция находилась в состоянии брожения, в Афинах произошел государственный переворот: олигархическое правительство рабовладельцев,

купцов и арендаторов государственных рудников было сброшено восставшими рабами и бедняками, призванными к свободе Митридатом. Во главе Афин был поставлен философ Афенион, «друг» понтийского царя Митридата. Брожения имели место также и в других городах. Союзный с Римом остров Делос очутился в руках Архелая, главнокомандующего понтийским флотом. После капитуляции Делоса, главной морской базы Рима в Эгейском море, положение Суллы казалось совершенно безвыходным.

Однако ближайшие события показали, что сила понтийского царя не так уж велика. Вся его организация держалась на шаткой основе. Внутренняя неустойчивость областей, входивших в состав царства Митридата, и его многочисленная, но плохо снабженная и неприспособленная к длительному ведению войны армия делали его победу сомнительной. Первые порывы энтузиазма, вызванные лозунгами Митридата об изгнании чужеземцев и кассации долгов, ослабли. Население подвластных Митридату областей начинало роптать на жесткие налоги и поборы, между тем как состоятельные слои населения, боявшиеся демагогической политики понтийского царя, выражали готовность перейти на сторону Суллы. Некоторые города Азии, как Стратоникея, Таба (Магнезия) и др., всегда держали сторону Рима, остров Родос также склонялся к Риму.

Римская армия из Эпира и Фессалии направилась в Беотию. В марте 86 года римские войска уже осаждали Афины. По просьбе афинских олигархов, сочувствовавших Сулле, жителям Афин из уважения к их прежним заслугам была дарована жизнь. Пирей (гавань Афин) был взят и разграблен. Тем временем с севера на юг через Фракию и Македонию двинулась главная армия Митридата, шедшая на соединение с Архелаем. При Херонее в Беотии произошла битва, в которой 15 тысяч римлян разбили 60-тысячное войско Митридата. Другая армия Митридата под командованием Дорилая, высадившаяся в городе Халкиде на Эвбее, была также разбита римлянами при Орхомене осенью 86 года.

¹ Консулы в Риме переизбирались ежегодно.

В том же, 86 году на Балканском полуострове появилась марианская армия под командой консула Валерия Флакка и его легата Фимбрии. Хотя непосредственной задачей армии Флакка являлась борьба с Суллой, тем не менее вождь марианской армии решил свой первый удар направить против общего врага Рима — Митридата. Валерий Флакк взял направление на Византию, но по дороге был убит взбунтовавшимися солдатами, и поход продолжал его заместитель Фимбрия, переправившийся через Босфор и осадивший Никомедию и Nikeю. При появлении римской армии в Азии города Эфес, Смирна и Колофоя отложились от Митридата. В ответ на это Митридат с целью привлечь на свою сторону низшие классы населения вторично провозгласил свободу рабов и касацию долгов.

Положение Митридата стало критическим. Летом 85 года Митридат был вынужден начать мирные переговоры с римлянами.

К этому времени командующий марианской армией Фимбрия был убит своими солдатами, и его армия почти целиком перешла на сторону Суллы.

4

Весной 83 года Сулла, заключив мирный договор с Митридатом, высадился с 40-тысячной армией в Брундизии (на юге Италии). Марианцы готовились к отчаянной обороне. Консулами 83 года были Корнелий Сципион и Норбан, имевшие в своем распоряжении армию в 100 тысяч человек. Однако все преимущества в начавшейся гражданской войне были на стороне Суллы: он имел закаленную в боях армию, хорошо налаженное снабжение, хорошее вооружение и располагал большими средствами. Напротив, марианские армии страдали от плохого снабжения и управления, тыл их был расстроен, правительство не пользовалось авторитетом, в городе царил полная анархия. К тому же наиболее талантливого из марианских вождей Корнелия Цинны уже не было в живых. Военные действия начались с того, что консул Норбан отступил в Кампанию с целью прегра-

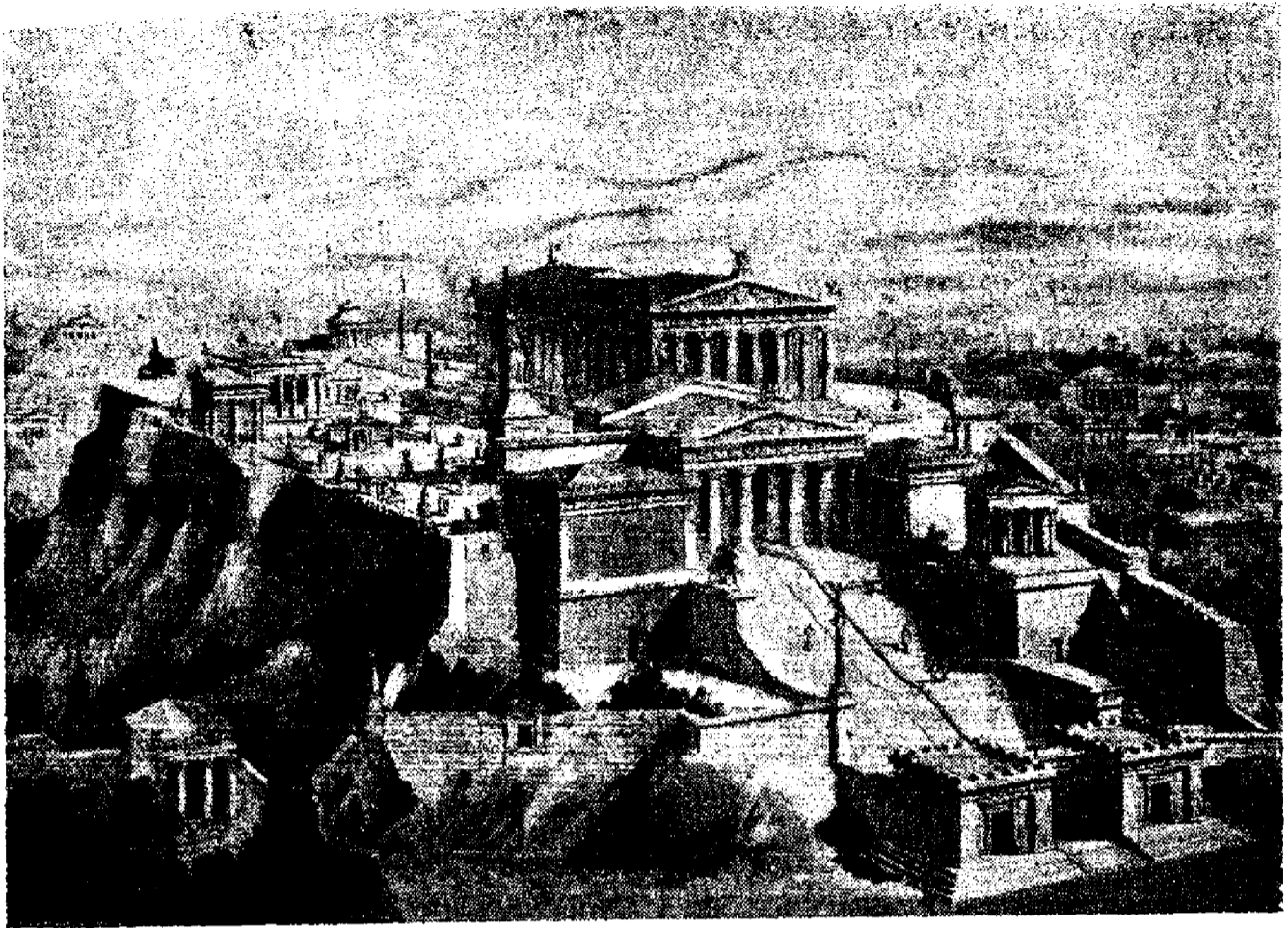
Римский легионер. Римско-германский музей.

дить Сулле Аппиеву дорогу, ведущую из Кампании в Рим. Коллега Норбана, Сципион, при первой же неудаче перешел на сторону Суллы, быстрым маршем двигавшегося на Рим. В Риме против марианцев поднялось восстание, во время которого произошел пожар, разрушивший Капитолий. Сулла тем не менее не рискнул штурмовать Рим и вернулся в Кампанию.

В следующем, 82 году два сулланских корпуса под начальством самого Суллы и Метелла снова двинулись в наступление. Сулла взял направление на Рим и Этрурию, а Метелл отправился в Цизальпинскую Галлию, наименее опустошенную область Италии, для пополнения войска.

Вскоре Сулла подошел к Риму. «...самый Рим при его приближении открыл перед ним ворота. Жителей его угнетал голод...»¹. Оставив в Риме гарнизон, Сулла направился на север, в Этрурию, где разбил войска ма-

¹ Аппиан «Гражданские войны», стр. 63. Огиз—Соцэкгиз. 1935.

Афины. По реставрации Г. Рендлера.

рианца Папирия Карбона. Единственной опорой марианцев оставалась неприступная крепость Пренэста в Самниуме. Самниты выступили против Суллы и решили идти на Рим, занятый сулланскими войсками.

1 ноября 82 года под стенами Рима, у Коллинских ворот, произошла ожесточенная битва между сулланской армией и 40-тысячной армией самнитов под командой Понция Телезина.

«Теперь, — говорил в своей речи на солдатской сходке вождь самнитов Телезин, — настал последний день Рима, который должен быть стерт с лица земли как гнездо волков и расхитителей свободы»¹.

Бой продолжался до глубокой ночи. Армия Суллы дрогнула и уже начала отступление, когда командовавший ее правым крылом легат Марк Красс оттеснил самнитов и тем обеспечил победу сулланцев.

Эта битва решила исход борьбы. Через несколько дней, вслед за сдачей Рима, последовала капитуляция всех остальных городов Италии, все еще державшихся и надеявшихся на победу.

За победой последовали месть и расправа. Свирепее всего Сулла расправился с пленными самнитами. Шесть тысяч самнитов были убиты на Марсовом поле.

Последние остатки марианцев собрались в Сицилии, куда Суллой был послан Помпей, без труда рассеявший дезорганизованную армию Папирия Карбона.

При известии о победах Суллы и гибели обоих консулов сенат объявил государство в опасности и назначил нового консула Валерия Флакка временным царем-«интеррексом».

Интеррекс Валерий Флакк внес на утверждение комиций предложение облечь проконсула Луция Корнелия Суллу чрезвычайными полномочиями. Идея диктатуры исходила от самого Суллы, давшего понять Флакку, что он считает целесообразным при настоящем состоянии государства выбрать диктатора на неопределенное время для восстановления общественного порядка. «Диктатура, — писал Сулла, — продолжится до тех пор, пока город, Италия и все государство, расшатанные войной и анархией, не войдут в нормальное состояние». В конце послания Сулла указывал,

¹ Аппиан. Цит. соч. Т. I, стр. 60.

что наиболее подходящим кандидатом он считает самого себя.

Пожелание Суллы было исполнено, и он официально, с согласия Римского сената, был провозглашен диктатором.

От старинной диктатуры сулланская диктатура отличалась неограниченностью времени. По римской конституции, срок диктатуры строго ограничивался 6 месяцами. Сулланская же диктатура была «вечной».

«Тот, кто будет избран, должен править неопределенный срок, до тех пор, пока Рим, Италия и вся Римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепятся»¹.

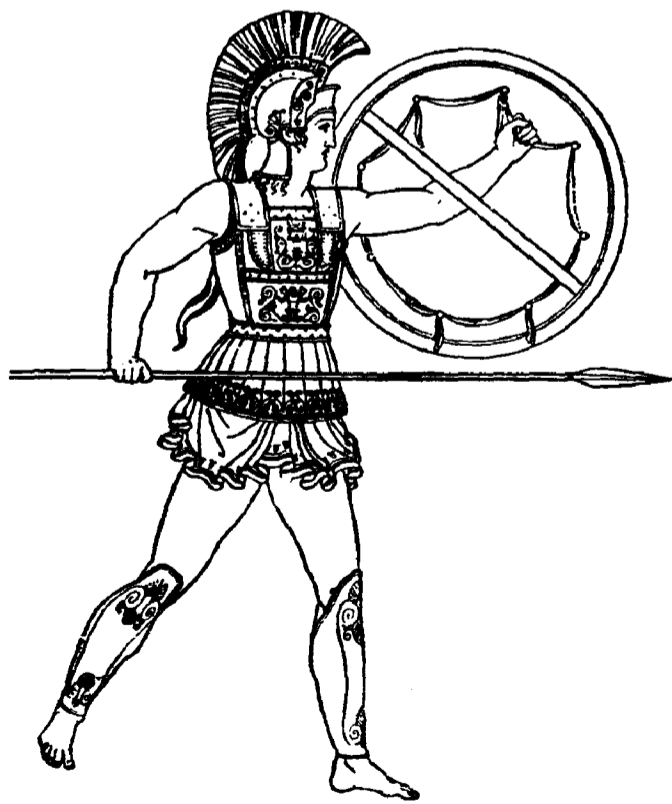
Сулле вручалась неограниченная власть во всех делах внутренней и внешней политики. Во власти диктатора находились государственное имущество и собственность частных лиц, издание новых и аннулирование старых законов, дарование гражданских прав провинциалам, вольноотпущенникам и рабам, введение чрезвычайных судов, замещение магистратур, изменение границ, заключение мирных договоров, объявление войны, наказание граждан и т. д. После объявления Суллы диктатором, чтобы сгладить мрачное впечатление предшествующих дней, был устроен торжественный въезд его в столицу, отмеченный «всенародным» праздником.

5

Принимая на себя диктаторские полномочия, Сулла обещал не повторять памятного всем террора, учиненного Марием, оговариваясь, что накажет лишь тех, кто не признал его соглашения с Сципионом. Во избежание произвола списки осужденных, так называемые проскрипции, вывешивались на форуме ко всеобщему сведению. В первый раз было проскрибировано 80 человек, в следующий раз—220, затем еще столько же. Преследования продолжались около года. За это время погибли 100 сенаторов, 2600 всадников и более 5 тысяч рядовых граждан. Проскрип-

ции преследовали двойную цель: уничтожение политических врагов и обогащение за счет приговоренных граждан. Донос, клевета и тому подобные средства — все пускалось в ход и получало санкцию диктатора. На площадях, около проскрипционных списков, разыгрывались душераздирающие сцены. При виде собственных имен или имен своих близких люди лишались сознания, сходили с ума, пытались скрыться, меняя свои имена и выдавая себя за других, и т. д. Отрезанные головы казненных выставлялись на площади и на ораторской трибуне.

«Столь великое несчастье постигло Рим. Никто не в состоянии переказать все насилия, произведенные над живыми, — возмущался Кассий Дион, один из античных писателей. — Не говоря уже о мужчинах, с женщинами и детьми, даже из самых древних и почтенных фамилий, обращались так, как если бы они были военнопленными. Несмотря, однако, на весь ужас все это могло казаться, в особенности тем, кто стоял в стороне и сам не пострадал, еще терпимым. Нечто подобное имело место и в другие времена. Но ужас состоял в том, что Сулла не удовлетворился всем вышеописанным и пошел дальше. На него нашло какое-то безумие: никому не уступать в жестокости. Чтобы и в этом быть новым, он выставил

Греческий воин в полном вооружении.
С рисунка на вазе.

¹ Аппиан. Цит. соч. Т. I, стр. 96.

белую доску, на которой заносились имена приговоренных».

Проскрипции имели место как в самом Риме, так и в италийских муниципиях (городских самоуправляющихся общинах) и провинциях. В проскрипции попадали отдельные граждане, семьи, роды и даже целые города. Из италийских областей более других пострадали Самний и Этрурия, оказавшие наибольшее сопротивление диктатору. Жители многих италийских городов (Фезулы, Пренэста, Помпея и др.) переселялись в другие места, а на их землях водворялись сулланские ветераны. Многие из друзей и приверженцев Суллы использовали благоприятный момент для собственного обогащения.

Сулланская конституция 82 года целиком отображала интересы оптиматов, вождем которых был Сулла.

Высшим государственным органом становился сенат, в котором сходились все нити управления. Наличный состав сената был удвоен, при этом в сенат было введено 300 лиц всаднического ценза. За сенатом сохранилась инициатива издания законов, назначение судей, управление Италией и провинциями. Кроме того сенату принадлежало право бесконтрольного распоряжения государственными доходами, сдачи аренд, откупов, сборов таможенных пошлин и введения новых налогов. Расширились также и судебные функции сената. Суды присяжных находились под контролем сената.

Далее, за сенатом удерживалась прерогатива в исключительных случаях объявлять государство на военном и осадном положении. От сената зависела магистратура: консулы, преторы, эдилы¹ и т. д., число которых значительно возросло. По конституции, срок пребывания магистратов у власти ограничивался одним годом, но на практике часто допускались исключения. Первый год все высшие магистраты, числом 10, оставались в Риме и распределяли свои обязанности по жребию, на следующий же год они

¹ Консулы, преторы, эдилы — высшие должностные лица Римской республики; по истечении срока их полномочий в Риме назначались на административные должности в провинции со званиями проконсулов, пропреторов и т. д.

в качестве сверхординарных магистратов получали назначения в провинции. В отличие от прежнего обычая, когда магистраты в своем лице совмещали самые различные функции, по сулланской конституции, сфера деятельности каждого магистрата была ограничена определенным кругом дел и военная власть отделялась от гражданской. Направляемые в провинции промагистры, проконсулы и пропреторы гражданской власти не имели, будучи ограничены в своей деятельности только военными полномочиями.

Передача высшего руководства сенату уже сама по себе ограничивала права магистратов, цензоров², а также народных трибунов. Цензура была совсем отменена, тем более, что при вольной вербовке солдат, налоговой привилегии Италии и увеличении числа магистратов, ежегодно вступающих в сенат, исчезал самый смысл цензуры.

Сулла старался ослабить сепаратизм и самостоятельность италийских городов и общин, щедрой рукой наделяя италиков, провинциалов, вольноотпущенников и рабов правами римского гражданства. Основной административной единицей Италии признавался муниципий; число муниципий увеличивалось, а их правовое положение унифицировалось. В этом отношении Сулла шел навстречу естественному развитию вещей, росту денежного хозяйства, латинизации и централизации государственного аппарата.

Под влиянием торговли на рабовладельческой основе стирались племенные различия, локальная замкнутость, исчезали и утрачивали свое значение так называемые трибы, а вместе с ними отпадал и их политический орган — трибутные комиции. По конституции Суллы, трибутные комиции отодвигались на второй план реорганизованными центуриатными комициями, в основу которых был положен не тер-

² Цензоры — в древнем Риме наименование двух облеченных широкими полномочиями должностных лиц, руководивших оценкой имущества граждан (цензом), следивших за правильным поступлением податей и устанавливавших надзор за нравами всех римских граждан.

Триумфальное шествие победителя.

Рим. I век до н. э.

риториальный, а имущественный принцип. Вместе со снижением роли трибутовых комиций, естественно, уменьшалось значение и народных трибунов, полномочия которых низводились до их первоначального права помощи и ходатайства за отдельных лиц. Для всех законопроектов, вносимых в центуриатные комиции, требовалась предварительная санкция сената, и тем самым комиции низводились на степень совещательного органа.

«Таким путем надеялись, что никакой закон не поступит на рассмотрение народа, прежде чем он не будет обсужден сенатом. Если же при решении государственных вопросов будут преобладать голоса не беднейшей и безрассудной части государства, а голоса состоятельных и просвещенных классов, то тем самым будет устранена опасность переворотов и революций»¹.

Известное значение за комициями все же сохранилось. Своим постановлениям и учреждениям Сулла старался придать демократическую форму. Все магистраты, в том числе и сам «постоянный диктатор», считались народными избранниками. Сулла ежегодно выставлял свою кандидатуру на консульство и избирался наравне с другим консулом.

Непосредственной опорой сулланского режима была профессиональная,

направляемая единой волей армия. В ее интересах Сулла произвел грандиозные конфискации земель у 47 италийских городов, державших сторону Мария. На территории этих городов было поселено 120 тысяч сулланских ветеранов. Посаженные на землю, ветераны образовали постоянную армию, готовую по первому требованию диктаторов выступить на защиту существующего строя. Кроме того ветеранские поселения преследовали и другую цель: укрепление мелкого и среднего землевладения, к чему стремились все римские правители, начиная с Гракхов.

Сулланские ветераны (посессоры) жили обособленно, не сливаясь с населением города, на территории которого они селились. Большая часть сулланских колоний находилась в Этрурии и Кампанье, на территории городов Нолы, Капуи, Нуцерии и Помпеи.

Вторую организованную опору новой конституции составляли возведенные Суллой в гражданство 10 тысяч рабов, называвшихся по его родовому имени «корнелиями».

Одним из самых трудных и сложных вопросов нового режима был финансовый вопрос. На устройство колоний, содержание войска, постройки, подарки, раздачи, праздники и прочие расходы требовались большие средства. Государственное хозяйство становилось обширнее и сложнее, соот-

¹ Алп и а н. Цит. соч. Т. I, стр. 59.

Римский воин. Надгробный памятник.
Музей Сен-Жермен.

ветственно этому увеличивалось число поступлений, изменялся аппарат сбора и распределения налогов и увеличивалась сумма податного обложения.

Необходимые государству средства добывались путем контрибуций, налогов, пошлин, аренд и конфискаций муниципальных, частных и храмовых богатств. Немало доходов приносили также и проскрипции, использованные диктатором в интересах пополнения государственного казначейства и личного обогащения своих друзей. Особенно сильно финансовое давление Рима почувствовали азиатские города, обложенные за их сочувствие Митридату контрибуцией в пятикратном размере по сравнению с тем, что они платили обычно. Существенные изменения произошли и в самой системе сбора налогов. Так например Азия была разделена на 40 податных округов, в которых римляне произвели перепись и установили нормы обложения. Обложенные налогом, города кредитовались у римских откупщиков, которым Сулла открыл новое поле деятельности.

Из финансово-политических соображений были уничтожены бесплатные государственные раздачи неимущему населению Рима, установленные Гаем Гракхом.

У власти Сулла оставался около 5 лет. После того как основы нового конституционного здания были заложены, он сложил с себя диктаторские полномочия и удалился, считая свою политическую миссию выполненной. Он отправился в свою родовую кампанскую виллу и предался своим любимым занятиям: охоте и рыбной ловле. Одновременно Сулла занимался составлением автобиографии. Такой образ жизни он вел до самой смерти, последовавшей в 71 году. После смерти Сулле были устроены торжественные похороны. Перенесение тела умершего диктатора из Кум, места его смерти, в Рим сопровождалось невиданным почетом. Навстречу похоронной процессии выходили делегации городов и союзных государств, масса народа и ветеранов, служивших под знаменем Суллы. Впереди везли 2 тысячи золотых венков, подарки городов, военные трофеи и знамена. В Риме, на Марсовом поле, тело Суллы было сожжено при опромном стечении народа. На форуме была воздвигнута конная статуя Суллы в честь его побед с надписью: «Корнелий Сулла — счастливый император».

* * *

Историческая оценка сулланского режима представляет немало трудностей. Большая часть античных и новых историков выдвигает на передний план личный момент, произвол и злую волю диктатора.

В действительности историческое значение сулланского режима шире. Субъективно преследуя реставраторские цели, объективно Сулла заложил основу новой политической организации. По характеру своей диктатуры и по методам управления Сулла был предшественником Цезаря и Октавиана-Августа и продолжателем дела Циципиона Африканского.

В истории возникновения Римской империи выступают три момента: эпохи Суллы, Цезаря и Августа. Каждый из названных моментов представляет самостоятельное целое в социально-экономическом, политическом и культурном отношении, знаменуя лишь отдельные этапы в истории образования величайшей империи древности.

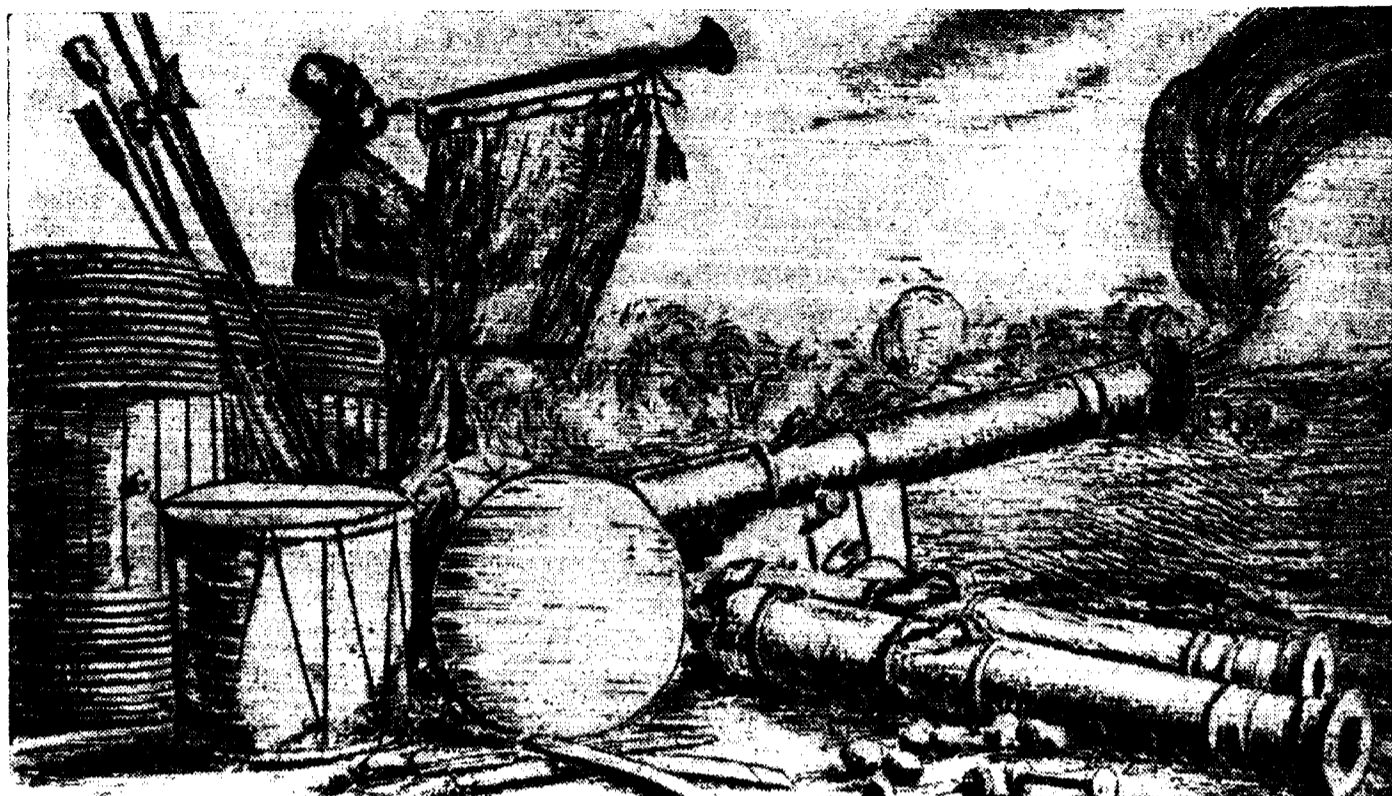
Сулланский режим знаменовал новый этап в развитии италийского рабовладельческого полиса, новое соотношение классовых сил и новое отношение центра и провинций. Республиканский строй предшествующих столетий, в значительной степени покоившийся еще на патриархальных формах рабовладения и на средних и мелких свободных производителях, племенных различиях, локальных особенностях, сменился режимом, покоившимся на развитом рабовладении и выросшем на его основе торгово-ростовщическом капитале. Социальной опорой сулланского строя являлись уже не прежние римские граждане, в узком смысле, а италийские рабовладельцы и ветераны (сулланские поессоры).

С социальной точки зрения, вырождение республиканских учреждений в Риме объясняется постепенным разо-

рением и исчезновением свободных средних и мелких производителей, в особенности сельского плебса. Одновременно с вырождением демократической Италии и развитием торгово-ростовщического капитала на рабовладельческой основе увеличивалась зависимость Рима от провинций, обострялась классовая борьба и усложнялся аппарат управления. Все это вместе вело к упадку республиканских учреждений и замене их имперско-бюрократическим аппаратом. Сулланские учреждения: сенат, центуриатные комиции и магистраты—только по форме и по названию республиканские учреждения, по сути же дела — это уже имперские административно-бюрократические органы.

Правление Суллы знаменовало собой первый этап в истории разложения римской рабовладельческой республики и образования Римской империи.

В. Васютинский

„СЛАВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ В АНГЛИИ (1688 — 1689 гг.)

«Glorius Revolution» (славная революция) вместе с Вильгельмом III Оранским поставила у власти наживал из землевладельцев и капиталистов (К. Маркс «Капитал», Т. I, стр. 580).

I

Переход от абсолютной монархии к конституционной в Англии, как и повсюду, был результатом длительной и жестокой борьбы. Первый этап этой борьбы привел в 40-х годах XVII столетия к установлению республики под протекторатом Кромвеля. В 1660 году реакция восторжествовала — династия Стюартов была реставрирована. Представители ее — Карл II и его преемник Иаков II — открыто восстанавливали абсолютизм и власть католической церкви. Лишь в результате переворота 1688 года, получившего в истории название «славной английской революции», реставрированная монархия Стюартов пала и на ее месте утвердилась кон-

ституционная монархия Вильгельма III Оранского¹.

Именно этот последний этап буржуазной революции в Англии вызывал самые горячие восторги английских буржуазных историков. Они считали его началом истинного благоденствия и могущества Англии, открывающим «новую и славную эру» в ее развитии. В 1849 году виднейший представитель английской либеральной буржуазии Маколей посвятил перевороту 1688 года монументальное сочинение «История Англии с восшествия Вильгельма III», в котором противопоставлял переворот 1688 года ре-

¹ Более подробно о предыдущих этапах английской революции смотри мою статью в № 4 «Борьбы классов» за 1936 год.

волюции 40-х годов XVII столетия. Последняя обрисована им в весьма мрачных тонах. Он особенно подчеркивает то обстоятельство, что в отличие от революции 40-х годов «славная революция» якобы чужда была эксцессам и крайностям, протекала в рамках строгой законности и порядка и, наконец, без какого бы то ни было участия широких масс.

Последствия этой революции несколько раньше Маколей изобразил в своей речи в парламенте по поводу реформы 1832 года. «Наши поля, — говорил он, — возделаны с искусством, не известным еще где-либо, с искусством, которое доставляет обильные урожаи даже с бесплодных болот и топей. Наши дома наполнены удобствами, которым могли бы позавидовать короли былых времен. Наши мосты, каналы, дороги, наши средства сообщения наполняют иностранца чувством восхищения. Нигде промышленность не достигла такого совершенства; нигде человек не достиг в такой степени господства над вещами»¹. Этот гимн буржуазному строю Англии и его исходной точке — событиям 1688 года — в большей или меньшей степени повторяют представители всех направлений буржуазной исторической науки, и автор солидной «Истории Англии 1660—1702 годов», умеренный либерал профессор Лодж, и близкий к лейбористским кругам профессор Кларк в своей работе «Последние Стюарты»; все они с одинаковым восторгом подчеркивают «мирный» и законный характер революции 1688 года, положившей начало дальнейшему «идиллическому» развитию Англии.

Только основоположники научного социализма Маркс и Энгельс в своих работах об Англии вскрыли глубокое социальное содержание переворота 1688 года и показали, что это был далеко не мирный процесс. Маркс высмеял филистерское изображение истории Англии этих лет у Маколей и подверг блестящей критике его точку зрения, доказав, что за 1688—1689 и последующие годы пало много

жертв. Победа буржуазии была куплена дорогой ценой тысяч убитых или умерших от голода и нищеты английских крестьян и ремесленников.

Предпосылки «славной революции» нужно искать на всем протяжении реставрации Стюартов. Почти с первых лет царствования Карла II, т. е. с 1660 года, росло недовольство широких кругов английского народа, которое позже вылилось в ряд серьезных конфликтов с правительством. В этой борьбе король временно одержал победу, и реакции удалось восторжествовать.

В 1685 году Карл II умер, и вступивший на престол его брат Иаков II продолжал с еще большей активностью ту же политику. Ограниченный деспот, ханжа, жестокий и развратный лицемер, Иаков II восстановил против себя почти все слои английского народа и довел страну до взрыва, который лишил его власти и заставил уйти в изгнание. «У него не было правильного суждения, — рассказывал современник, — его скоро молли настроить на свой лад те, кому он доверял, но зато он упорно противостоял всем другим советам. Он был воспитан в правилах самого высокого представления о королевской власти и считал непреложной исти-

Иаков II. Гравюра Смита по портрету Кноллера.

¹ «Parliamentary Debates». Vol. X, p. 211.

Граф Арчибальд Аргайль.
О картины Флатмана.

ной, что все, кто противоречит ему, мысленно являются мятежниками»¹.

Не мудрено, что при таких взглядах Иаков II прежде всего сблизился с самыми реакционными элементами общества: вокруг него образовался узкий круг лиц из придворных льстецов, карьеристов и интриганов, всячески потакавших его абсолютистским и католическим стремлениям. Особенно большое влияние приобрел главный судья королевской скамьи лорд Джеффриз, человек, запятнавший себя всеми пороками и в жестокости доходивший до садизма.

Новым королем были быстро забыты обещания, данные им в день смерти Карла II: править совместно с парламентом и сохранять господство англиканской церкви. Слепо преданный католицизму, он стремился вернуть ему могущество и установить абсолютную монархию. Чтобы получить для этого необходимые средства, Иаков II отдал приказание о сборе налогов до созыва парламента. Он открыто покровительствовал своим единоверцам — католикам; больше того, во дворце теперь публично отправлялась католическая месса. Последний факт возмутил даже наиболее лояльных представителей дворянства. «К

моему горю, — писал один из них, — в палистской капелле Уайтхолла во время поста служили открыто мессу, и католики, не скрываясь, толпились во дворце, чего не видели со времен реформации»².

В своих католических симпатиях король пошел еще дальше: по его приказу, начались преследования диссентеров-пуритан и их наиболее популярных проповедников. На них обрушились конфискации, штрафы и тюремные заключения. С еще большей силой ударило правительство по шотландским пуританам, религии которых являлась господствующей в Шотландии. Специально изданный закон гласил, что всякий, кто будет проповедывать на пуританском собрании под крышей либо присутствовать в качестве проповедника или слушателя на собрании под открытым небом, должен быть караем смертью и конфискацией имущества³. Напротив, многие католики освобождались из тюрем и могли открыто высказываться и говорить в защиту своей религии.

В такой обстановке происходили выборы в парламент. Правительство сделало все возможное, чтобы обеспечить себе большинство: в ход были пущены угрозы, подкуп, подтасовка голосов и изъятие нежелательных лиц. В результате таких выборов парламент был подобран на редкость верноподданный: он вотировал все требуемые королем налоги и утвердил для него большие субсидии. Все же, как ни реакционны были депутаты, они отказались исполнить желание правительства — отменить «Акт о присяге», отнимавший права у католиков, и «Хабес корпус», что дало бы королю полную свободу действий. Вместо этого они, вынося почтительный и приветственный адрес королю, приняли резолюцию, в которой «выражали горячую преданность англиканской церкви и требовали суровых мер против всех ее противников»⁴. Этим самым парламент дал в руки королю большой козырь в борьбе с

² Evelyn «Diary», 5/III 1685.

³ «Acts of the Parliament of Scotland», IX, 8/V 1685.

⁴ Reresby «Memoirs», p. 328.

¹ Burnet «History of my own time». Vol. I, p. 296.

пуританской и вигской оппозициями, но, с другой стороны, отказался предоставить полную свободу католикам. Реакционные общины очень тонко намекнули Иакову II, что они готовы поддерживать его борьбу с нарастающей революцией, но отнюдь не хотят поступаться принадлежавшими прежде католической церкви землями.

Правительство проглотило эту пилюлю и решило временно выждать. Но вскоре внимание правительства было отвлечено в другую сторону: угроза восстания, которого оно так опасалось, приняла реальную форму. На западе Англии поднял восстание герцог Монмаут, а в Шотландии — граф Аргайль.

2

Не следует думать, что репрессии Карла II и Иакова II убили всякую оппозицию. Силы ее были сломлены, но не уничтожены. Действительно, вскоре оппозиция не замедлила проявить себя. В собравшемся парламенте с резкой речью против королев-

ской политики выступил депутат Сеймур, и «многие, — говорит современник, — хотя и молчаливо, а одобрили его упреки»¹. Диссентеры-пуритане не имели теперь возможности выступить публично, но тайные их собрания не прекращались; наконец, за границей эмигранты — виги и левеллеры — развивали активную деятельность: собирали денежные средства, рассылали письма и готовили оружие для будущего восстания.

Оппозиция имела известные шансы на успех. Новый налог около 2 миллионов фунтов стерлингов, введенный правительством на сахар и табак, больно ударил по карману торговцев и промышленников и вызвал с их стороны жалобы и энергичные протесты. Недовольство охватывало не только имущие классы, но и массы трудящихся. В 1685 году шерстяное производство переживало депрессию; столь же тяжелое положение наблюдалось и в горной промышленности. Нищета и безработица душили ремесленника и

¹ Evelyn «Diary», 22/V 1685.

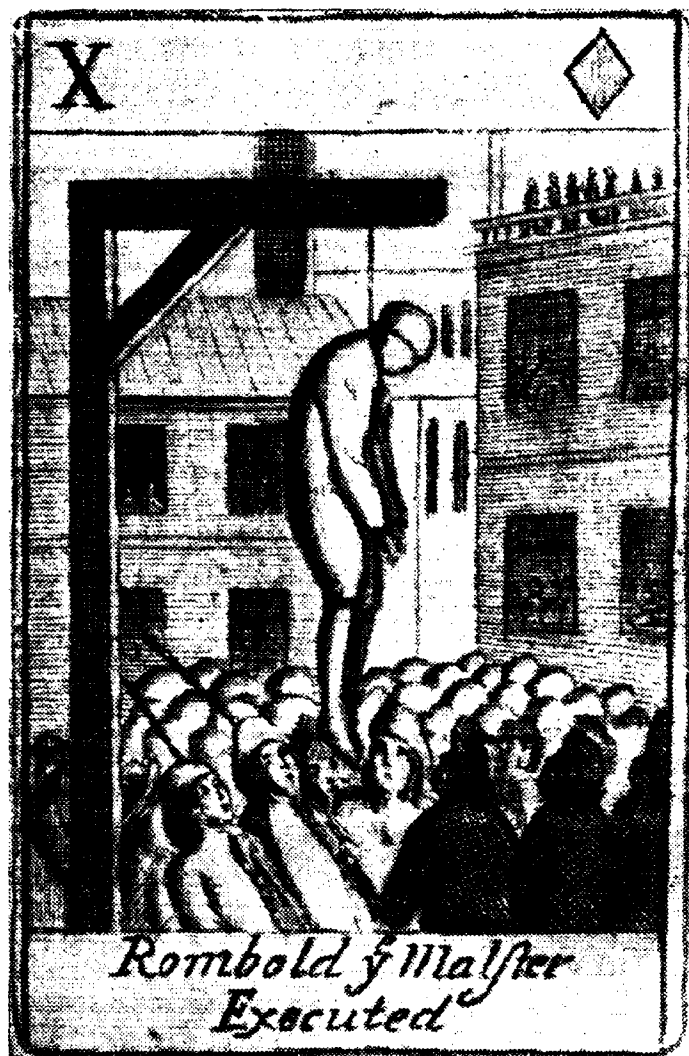

Взятие в плен Аргайля после разгрома возглавленного им восстания в 1685 году.
Со старинной голландской гравюры.

рабочего: в среднем заработная плата последнего равнялась в 1684 году 15 фунтам стерлингов 13 шиллингам; минимальная же стоимость питания простиралась до 14 фунтов стерлингов 11 шиллингов. Естественно, что в таких условиях подавляющее большинство трудящихся Англии жило впроголодь. Особенно сильно давала себя знать эта депрессия в западных районах Англии: в Мендипском горном округе и сукнодельческих графствах: Дорсете, Уильтшире, Соммерсете и Девоншире. Тяжелое положение суконной промышленности коснулось и крестьянства, и без того страдавшего от огораживаний и неурожаев в эти годы. «Никогда я не припомню такой дороговизны, вызванной отсутствием дождей»¹,—писал сельский хозяин и любитель агрономии того времени.

Вводимые правительством высокие налоги усугубляли дороговизну и необеспеченность жизни ремесленника

¹ J. W. Gough «The Mines of Mendip», pp. 164, 168, 215.

Казнь Ричарда Рембольда в 1685 году. С рисунка на старинных игральных картах.

и крестьянина. К экономическим бедствиям прибавились религиозные и политические репрессии, доводившие до крайности ненависть буржуазии и трудящихся масс Англии к королю-паписту.

В этих условиях все оппозиционные элементы Англии особенные надежды возлагали на герцога Монмаута, побочного сына Карла II и вождя английских пуритан. Буржуазия и часть аристократии видели в нем будущего короля, а неимущие классы надеялись найти в нем избавителя от социальных бедствий и религиозных преследований. В годы реакции Карл II заставил Монмаута покинуть Англию, и с тех пор он жил изгнанником в Голландии. Иаков II, вместо которого он намечался в короли Англии, ненавидел его, и Монмаут, оставаясь в опале, был лишен возможности вернуться на родину.

Не меньшая вражда к правительству нарастала и в Шотландии. Здесь королевская власть действовала, как в завоеванной стране, нарушая все социальные и политические традиции населения. В стране господствовал неудержимый террор. Жертвой его несмотря на свое высокое положение сделался и граф Аргайль, глава шотландских пуритан и один из могущественнейших вождей горных кланов. Он был несправедливо обвинен в государственной измене, приговорен к смертной казни и спасся, бежав в Голландию. Здесь вокруг него группировались представители шотландской оппозиционной эмиграции.

По мнению политических эмигрантов, получавших сведения о положении в Англии, почва для восстания была подготовлена и можно было действовать. Сторонники Аргайля и Монмаута заключили соглашение о совместной борьбе против Иакова II и решили выступить в разных местах Великобритании с тем, чтобы зажать правительство в тиски. Монмаут должен был выступить на западе Англии, где он был больше всего популярен, и двигаться дальше на север для соединения с графом Аргайлем, который в свою очередь должен был поднять восстание в горных районах Шотландии.

Едва было заключено соглашение между Монмаутом и Аргайлем, как последний отплыл из Голландии и в мае 1685 года высадился на севере Шотландии. «До нас дошли вести, — писал один из сторонников правительства, — что Аргайль вступил на принадлежащие ему территории на севере Шотландии с 3000 человек и там начал возводить укрепления»¹.

Но восстание Аргайля заранее было обречено на неудачу: среди его сторонников постоянно происходили мелочные раздоры; избранный для руководства политическими делами, «военный» совет присвоил себе военные функции и не ладил на этой почве с Аргайлем, вмешиваясь в дела его компетенции. Это отражалось на всем ходе военных действий. «Во всем деле, — писал участник восстания, — одни действовали, совершенно не советуясь с другими, что заставляло этих последних постоянно менять свои планы»². Восставшие упустили инициативу из своих рук, медлили, а между тем их сторонники, жаждавшие решительного наступления, роптали и в конце концов разбежались по домам. «Народ был недоволен, — рассказывал уже упомянутый нами участник восстания, — и мы не только не приобрели новых сторонников, но потеряли старых и могли потерять очень многих в Лоулэнде»³.

Действительно, буржуазия и дворянство Лоулэнда⁴, вначале очень сочувствовавшие восстанию, вскоре отошли от него: «В Лоулэнде горцы Аргайля занимались грабежами и тем самым оттолкнули от всего дела даже тех, кто ему сочувствовал»⁵.

А правительство Иакова II не теряло времени даром: в областях, где население было предано Аргайлю, оно разместило войска, арестовало одних и принудило смириться других под угрозой конфискации имущества и смерти. Таким образом, момент был

Герцог Монмаут. С картины Биль.

упущен, и хотя в дальнейшем Аргайлю и удалось добиться некоторых успехов, участь его была решена.

При попытке Аргайля захватить важную крепость — Стерлинг — произошло столкновение с правительственными войсками, в результате которого повстанцы обратились в бегство. Сам Аргайль был взят в плен и казнен в Эдинбурге. Его сторонники рассеялись. Вместе с Аргайлем был захвачен один из энергичнейших его сподвижников, бывший кромвелевский офицер левеллер Рембольд⁶. Перед казнью Рембольд произнес речь, которая показала, что идеи революционной демократии и политического равенства 40-х годов не умерли. «Я никогда не поверю, — говорил он, — что провидение создало нескольких человек, обутих в сапоги со шпорами, а миллионы оседланными и взнузданными, чтобы эти немногие могли на них ездить»⁷.

Оторванное от широких масс, без

¹ Reresby «Memoirs», p. 329.

² «Erskine-Journal», p. 115.

³ Там же, стр. 120.

⁴ Лоулэнд — низменная часть Шотландии, наиболее богатая и развитая в экономическом отношении; здесь находились крупные торговые и промышленные города.

⁵ «Erskine-Journal», p. 129.

⁶ Ричард Рембольд, в 1647 году левеллер, был приговорен Кромвелем к смертной казни, но помилован. Он дослужился до чина капитана. Впоследствии активно участвовал в райгаузском заговоре, после его ликвидации бежал в Голландию.

⁷ Burnet «History of my own time». Vol. I, p. 634.

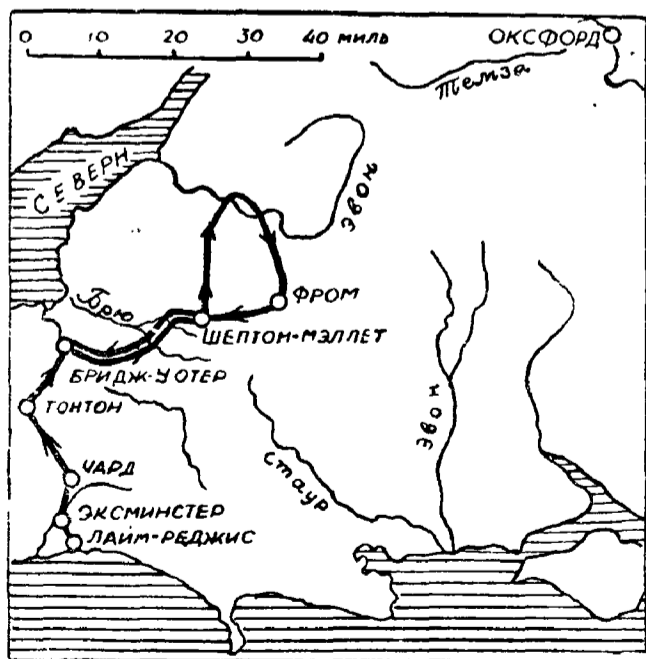
четкой политической программы (свержение Иакова II, борьба с папизмом и восстановление протестантизма были слишком общими лозунгами), вдобавок лишенное твердого руководства, восстание Аргайля неминуемо должно было потерпеть крах.

3

Совсем иной характер носило восстание Монмаута. Оно охватило западные графства Англии, где буржуазия была особенно привязана к протестантской религии и политической свободе, а трудящиеся массы настроены особенно революционно ввиду жестокой безработицы и нищеты. Когда констебль таунтонской сотни в июне 1685 года подсчитал тех жителей, которые покинули свой дом и ушли с Монмаутом, то оказалось, что «из 213 ушедших по крайней мере 120 были текстильные рабочие»¹. Широкой волной влились также в восстание крестьяне и рабочие-горняки Мендипского района.

Восстание под руководством Монмаута отличалось от восстания Аргайля не только по своему социальному составу, но и по своей политической окраске. В правительственном отчете, выпущенном уже после ликвидации восстания Монмаута, говорилось, что в переговорах между сторонниками Монмаута и Аргайлем первые «решительно стояли за республику и

¹ «Proceedings of the «Somerset Archaeological Society», p. 152. 1892.

Путь восстания Монмаута. Стрелки на плане показывают движение войск Монмаута. Схема из книги G. N. Clark «The later Stuarts».

полное уничтожение всякой монархии»². Слабой стороной движения являлось отсутствие единого руководства: наряду со старыми революционерами-левеллерами вроде Уайльдмена, большую роль играли юрист Уэйд, умеренный виг — лорд Грей и Фергюсон — фигура более чем подозрительная (существовало предположение, что он являлся агентом-provokатором Иакова II).

11 июня 1685 года Монмаут и его друзья высадились на западном берегу Англии, в Лайме. Огромная толпа народа встретила их с восторгом. Городок наполнился шумом. Люди бежали взад и вперед и кричали: «Монмаут, Монмаут! Да здравствует протестантская вера!»³. С этого момента началось победное шествие Монмаута. Он разослал повсюду свою декларацию, в которой перечислялись все преступления узурпатора, Иакова II. Последний объявлялся низложенным. Парламент и все жители приглашались примкнуть к герцогу, чтобы восстановить протестантскую религию и свободу. Далее, Монмаут обещал созывать ежегодно парламент, вместо постоянного войска собирать милицию, во главе которой будут стоять избираемые фригольдерами шерифы. Наконец, он объявлял, что брак Карла II с его матерью был законным и он, Монмаут, имеет все права на английский престол. Вопрос о форме государственного правления Монмаут еще определенно не ставил.

Со всех сторон к Монмауту стекались приверженцы: прибыв только с 200 человек, он через несколько дней имел армию в 4 тысячи, а через две недели — в 12 тысяч пехоты и 1500 человек кавалерии.

Правительство было застигнуто врасплох и напугано. Парламент спешно вынес закон, требовавший для Монмаута смертной казни за государственную измену и суровых репрессий против его сообщников. Притязания Монмаута на трон были отвергнуты как незаконные, за его поимку была предложена награда.

² Sprat «True account and declaration of the horrid conspiracy», p. 66. 1685.

³ «Commons Journal», 13/VI 1685.

Высадка принца Оранского на южном берегу Англии 5 ноября 1688 года.

С картины Шнеллинка.

Не обращая внимания на решение парламента, Монмаут шел вперед. Он разбил дорсетширскую милицию, занял промышленные города Акминстер, Таунтон, Бриджпорт, Фром и Шептом-Маллет. Ему оставалось захватить Бристоль, этот второй после Лондона по своему значению город, а затем двинуться к Лондону.

Но здесь начались неудачи Монмаута. Войска его были плохо вооружены и обучены; крестьяне и рабочие, составлявшие их основное ядро, стали настаивать на удовлетворении своих требований, что не понравилось ни Монмауту, ни его аристократическим друзьям. Возникли трения между демократической группой восставших и умеренной. Вражда, сперва незаметная, приняла открытую форму, особенно когда окрыленный успехом Монмаут, по совету Фергюсона, принял королевский титул. В среде восставших начались разногласия. В этих условиях слабохарактерный Монмаут растерялся и переходил от одного плана к другому. Взять Бристоль он не решился и двинулся к Бриджуотеру, уже раньше занятому им.

Тем временем правительство оправилось от паники. Были стянуты какие только возможно войска, кроме того Вильгельм Оранский, наместник Нидерландов, по просьбе Иакова II, прислал ему на помощь три полка. Правительственные войска начали теснить восставших. Недалеко от Бриджуотера, на Седжмурской равнине, повстанцы встретились с правительственными войсками. Задуманное Монмаутом ночное нападение не удалось, и войска его несмотря на самое героическое сопротивление должны

были отступить под напором регулярных правительственных войск. Загнанные в болото, плохо вооруженные, крестьяне и рабочие сражались, как львы, но не могли маневрировать и сделались мишенью королевских пушек и мушкетов. Разгром был полный. Монмаут, поняв, что все проиграно, оставил своих отчаянно защищавшихся сторонников и еще до конца битвы бежал с друзьями.

Иаков II остался победителем. Однако правительство не успокоилось на этом и решило с корнем вырвать последние остатки оппозиции. Бежавший Монмаут вскоре был схвачен, привезен в Лондон и казнен. Вслед затем в западные графства выехала чрезвычайная судебная комиссия под председательством лорда Джеффриза для расправы с восставшими. В судопроизводстве Джеффриз проявил такую жестокость, что комиссию его с тех пор стали называть «кровавыми ассизами»¹, а его самого «мясником». Действительно, попавших в плен повстанцев Джеффриз отправлял на виселицы десятками. Этот озверевший сатрап отправлял в ссылку и приговаривал к смертной казни всех, кто имел хотя бы малейшую связь с восставшими. Не пощадили даже детей: маленькие девочки, преподнесшие Монмауту цветы при его в'езде в Таунтон, были сосланы. Других детей обвиняемых дарили королевским приближенным, а те за деньги продавали их в рабство на американские плантации. Смертные приговоры Джеффриз иной раз выносил для того, чтобы получить взятку с родственников,

¹ Ассизы — суд присяжных.

Вильгельм III Оранский. Современная гравюра.

и, лишь только получал деньги, смягчал свой приговор. Так была отменена казнь лорду Грею и Гемдену, заплатившим огромные суммы судьям.

И все же список казненных был очень велик: во время «кровавых ассиз» было казнено около 350 человек, в их числе были лица, не имевшие никакого отношения к восстанию.

Такой же террор обрушился и на Лондон. Там с целью получения денег и конфискации имущества отправили на эшафот ряд богатых купцов-диссентеров; немало их было сослано.

Причинами поражения восстания Монмаута следует считать: военные ошибки самого герцога, крах его плана о совместном наступлении с Аргайлем, разногласия среди вождей этого движения и, наконец, самое важное — страх буржуазии, сочувствовавшей первоначально восстанию, перед возможностью мощного выступления трудящихся масс. Перед нею и дворянством встали призраки левеллеров и диггеров 40-х годов; этого было достаточно, чтобы имущие классы забили отбой. Вот почему Монмаут не встретил отклика в других местах Англии и восстание его, носив-

шее местный характер, было легко подавлено правительством.

Тем не менее события 1685 года имели очень большое значение. «Это было, — говорит английский буржуазный историк Кларк, — последнее народное восстание в Англии XVII века»¹, — и, добавим мы от себя, оно в значительной мере определило поведение имущих классов в «славной революции».

4

С разгромом Аргайля и Монмаута в Англии воцарилось спокойствие могилы, и Иаков II считал, что теперь может привести в исполнение свои заветные планы: восстановление абсолютизма и католической религии. С этой целью он, подобно тому, как это делал его брат в вопросах внешней политики, поддерживал самые тесные отношения с Францией. Его министры состояли почти все на жалованье у французского правительства, и сам король Англии получал субсидии от Людовика XIV. Желая набить цену и добиться более эффективной поддержки своих планов от «короля-солнца», Иаков заигрывал то с Испанией, то с Австрией, но это приводило лишь к обратному результату — раздраженный король платил очень скудно².

Рассчитывая на помощь Франции или другой какой-нибудь католической державы, Иаков II осуществлял самый реакционный режим у себя в стране. Прежде всего в королевской прокламации было объявлено, что с актом о присяге больше не станут считаться и король надеется убедить парламент в необходимости его отмены. Сделав этот вызов стране, Иаков не стал медлить и принял меры к реализации своих желаний: он довел до 20 тысяч численность постоянной армии, сместил многих офицеров-протестантов и назначил на их место католиков.

Все это не могло не волновать ан-

¹ Clark «The later Stuarts», p. 114.

² Всего за 1686—1688 годы Иаков II получил от Франции 125 тысяч фунтов стерлингов. «Journal of Modern History», Vol. III, p. 413.

глийское общество. Прежде всего политика Иакова II встретила отпор в парламенте: как ни велика была лояльность палат общин и лордов, они голосовали и против отмены акта о присяге и против увеличения постоянного войска; требуемые королем субсидии парламент утвердил, но с оговоркой, что эти деньги не пойдут на армию. Разгневанный Иаков распустил 10 февраля 1686 года парламент и с тех пор его больше не созывал.

Началась эра подлинного абсолютизма. Возобновились преследования протестантов; им было запрещено занимать судебные должности и быть адвокатами; количество католических офицеров в армии еще больше увеличилось, а протестантов увольняли без всякого предупреждения. Умеренные тори теперь потеряли свои места в правительстве, а вакантные должности министров были переданы или придворным льстецам или католикам. Ко всеобщему возмущению один из иезуитов вошел в Тайный совет, а папский нунций был официально аккредитован при английском дворе и пользовался большим вниманием.

Недовольство этой политикой Иакова II ярко выразилось в следующем эпизоде: Иаков приказал герцогу Сомерсету ввести нунция в залу аудиенций. «Мне сказали, — отвечал тот, — что я, не нарушая закона, не могу исполнить приказания вашего величества». «Разве вы не знаете, что я выше закона?» — гневно спросил Иаков. «Ваше величество может быть и выше, но не я»¹, — возразил герцог. После этого он был сейчас же отставлен от своей должности.

Иаков II восстановил ненавистную всем Верховную комиссию по церковным делам, которая имела неограниченную власть и право контроля не только за епархиями, но и за всеми учебными заведениями, хотя бы основанными частными лицами. В то время как против протестантов применялись репрессии, католики подняли голову: монашеские ордена вновь водворились в Лондоне; католические священники в рясах ходили по улицам и милостиво принимались при дворе. Все это вызвало такое возму-

щение лондонского населения, что в ряде мест произошли волнения. Состоялась демонстрация протеста, разогнанная войсками, после чего остались убитые и раненые, ибо демонстранты в первый раз за долгое время активно защищались. В стране распространялись памфлеты, не только нападавшие на католицизм, но и задевавшие короля. Резкий выпад в этом роде представляло сочинение Сэмюэля Джонсона «Юлиан Отступник». Репрессии правительства не могли прекратить недовольства, вызов же войск в Лондон заставил оппозицию стать только осторожнее.

Иаков, казалось, не понимал, что творится в стране, и продолжал действовать в том же направлении. В строго пуританской стране, какой являлась Шотландия, правительство даровало свободу католикам и сместило с высших должностей протестантов. Шотландский парламент отказался утвердить эти законы, хотя Иаков предлагал взамен этого разрешить Шотландии свободную торговлю с Англией, дотоле стесняемую пошлинами. Возмущение в Шотландии нарастало; в Эдинбурге даже произошло восстание, жестоко усмиренное правительством. Иаков II пошел еще дальше: он отказался собрать парламент в Англии и распустил его в Шотландии.

10 апреля 1687 года король обнародовал декларацию о веротерпимости, предоставлявшую свободу культа и все права католикам и диссентерам. Последних хотели таким образом подкупить, чтобы они не протестовали против привилегий, получаемых католиками. Но диссентеры не пошли на эту приманку и отказались разделить подобную милость вместе с папистами. Декларация была встречена недовольством самых широких кругов английского общества; даже многие торги разделяли это чувство. «Один всемогущий бог знает, чем это кончится, все положение дел говорит о развале, и я молю бога предотвратить его!»² — восклицал один из них.

Иаков II, однако, оставался глух и слеп ко всему. Чтобы обеспечить еще большую свободу католикам, он не-

¹ Regesby «Memoirs», p. 344.

² Evelyn «Diary», 10/IV 1687.

смотря на протесты передал им руководящие посты в ряде университетских колледжей, а в 1688 году выпустил новую декларацию о веротерпимости. Тогда даже лояльное до сих пор английское духовенство возмутилось: семь епископов подали королю протест и указали ему на незаконность его действий. В ответ на это Иаков приказал посадить их в Тауэр¹ и предать суду по обвинению в пасквиле. Тюремное заключение и дальнейший судебный процесс семи епископов превратились для них в торжество. В Тауэр их провожали громадные толпы народа с выражениями сочувствия, и даже тюремная стража пила за их здоровье несмотря на все запрещения начальства. Суд над епископами представлял новое поражение для правительства: епископы были оправданы. По этому случаю, рассказывает современник, в стране царило ликование: «Лондон был иллюминирован, то же самое происходило во многих городах»².

Тревожное настроение между тем все больше и больше нарастало в стране: произошли волнения ремесленных подмастерьев в Йорке, Лондоне и других городах. Народ с криком: «Да погибнут паписты!» — бросал камнями в войска и выкрикивал оскорбительные замечания об особе короля. Гроза нарастала и в Шотландии, где участились враждебные выступления против правительства. Революция приближалась.

Все современники отмечали напряженность тогдашнего положения Англии, широкое брожение, сопровождаемое депрессией в промышленности, застоєм торговли и неурожаем. Естественно, имущие классы стали нервничать, предчувствуя неизбежность взрыва. В страхе перед революцией масс обе партии имущих классов — тори и виги — решили объединиться и устранить причину всех волнений, Иакова II, которого они ненавидели за франкофильскую политику и католицизм. На трон Англии решено было пригласить наместника Нидерландов Вильгельма Оранского. В Гаа-

гу к Вильгельму отправился уволенный из флота Иаковым II адмирал Герберт и просил нидерландского наместника прибыть в Англию с достаточным войском, чтобы установить порядок.

«5 ноября 1688 г. Вильгельм высадился в Торбэй и двинулся к Экзетеру в сопровождении большой сухопутной армии»³. Его прибытие подавало знак к восстанию. Началось движение в Шотландии; в Йорке поднялся против правительства граф Дэнби, вождь партии тори; в восточных и центральных графствах представители вигов граф Девоншир и герцог Норфольк собрали войска и призывали к свержению Иакова II. Вильгельм Оранский беспрепятственно двигался к Лондону. В армии Иакова начались разложение и дезертирство, приближенные постепенно покидали его и переходили на сторону принца Оранского. Иаков II отправил во Францию свою жену и детей, а затем решил бежать и сам. «Он покинул Лондон, — рассказывает биограф короля, — и направился к морю, но яхта, на которой он должен был отплыть, задержалась из-за погрузки: король был узан и препровожден в Рочестер. Оттуда ему удалось ускользнуть ночью и беспрепятственно на этот раз уехать во Францию»⁴.

5

Вильгельм Оранский вступил в Лондон и был провозглашен сначала временным хранителем английского престола. Но вскоре он и его жена Мария были признаны королем и королевой вместо низложенного Иакова II.

13 февраля 1689 года парламент представил декларацию, в которой указывал на злоупотребления Иакова, говорил об его отречении и требовал от нового короля гарантии свободы политической и религиозной. Эта декларация приняла окончательную форму в так называемом «Билле о правах». Основной его момент: королевское повеление не может приостанавливать законы или исполнение законов без согласия парламента. Билль

¹ Тауэр — государственная тюрьма в Лондоне.

² Reresby «Memoirs», pp. 396, 397.

³ Reresby «Memoirs», p. 410.

⁴ «Histoire abrégée de Jacques II», p. 17, ed. 1701.

определял также все гражданские свободы в дальнейшем, как например свободу слова, несменяемость судей, право петиций и т. п. «Билль о правах» подтверждал права и привилегии имущих классов но ни одним словом не упоминал о правах трудящихся масс. Он начал эру конституционной буржуазной монархии в Англии. Билль о терпимости дополнял этот акт, но терпимость в нем понималась условно: попрежнему англиканская церковь являлась господствующей, католики лишены были всех прав, а диссентеры-протестанты также целиком этих прав не получили.

Так закончился этот переворот, который английская буржуазия назвала «славной революцией», а Маркс — компромиссом между наживалами из дворянства и буржуазией.

Переворот 1688 года совершился потому, что имущие классы учли урок восстания Монмаута и решились скорее сбросить власть Стюартов, чем иметь дело с настоящей революцией трудящихся масс.

«Страх созданных реформацией новых крупных землевладельцев перед восстановлением католицизма, при котором они, разумеется, должны были бы вернуть все свои награбленные, принадлежащие прежде церкви земли, ...опасения, вызывавшиеся у торговой и промышленной буржуазии католицизмом, который совершенно не годился для их дел; ...беззаботность,

с которой Стюарты продавали, ради своей собственной выгоды и выгоды придворной знати, всю английскую промышленность вместе с торговлей французскому правительству, т. е. правительству единственной страны, которая противопоставляла тогда англичанам опасную и во многих отношениях победоносную конкуренцию, и т. д.»¹ — вот в чем заключались истинные причины и обстоятельства, уничтожившие попытки Стюартов восстановить абсолютизм и породившие «славную революцию» 1688 года.

Капиталистические отношения переросли обветшалые феодальные рамки английского общества и государства, взорвали его и положили начало широкой дороге, по которой буржуазия могла идти к своему развитию и благосостоянию. Но этот путь отнюдь не был идиллическим и мирным. «С консолидацией конституционной монархии (т. е. монархии Вильгельма III. — В. В.), — говорит Маркс, — начинается в Англии грандиозное развитие и переворот в буржуазном обществе»². «Славная революция» открыла новую главу в истории опрабления буржуазией трудящихся масс Англии, о чем наглядно свидетельствуют все мероприятия Вильгельма III и последующих правительств Англии.

¹ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. VIII, стр. 278.

² Там же, стр. 279.

П. Перепеченова

КРЕЩЕНИЕ БУРЯТ

**(Церковь на службе
самодержавия)**

«История бурят-монгольского народа полна кошмарных страниц, писанных кровью»¹.

Немало кровавых страниц вписала в эту историю православная церковь.

90-е годы прошлого столетия были годами усиленной «деятельности» православного духовенства — этой агентуры царизма в Бурятии. От проповеди христианской добродетели русские попы перешли к насильственному крещению бурят.

Это был один из способов экспроприации бурятских земель, так как крещеные буряты должны были перейти к оседлому образу жизни, а стало быть, нуждались в меньшем количестве земли чем буряты-кочевники.

Обследовавший в 1909 г. Иркутскую губернию и Забайкальскую область чиновник особых поручений капитан Термен писал в своем отчете: «Девизом иркутского архиепископа Вениамина было... какими бы то ни было средствами крестить как можно больше народа... Поэтому пускались в ход побои, насилия [буряты] загонялись в юрты или сараи в ожидании приезда миссионера, содержались без питья и пищи. Сопротивлявшимся сокрушали ребра, и с окровавлен-

¹ Из речи тов. Ербанова на приеме в Кремле 27 января 1936 года. «Правда» от 30 января 1936 года.

ными лицами приступали они к крещению»².

В 1891 г. в Балаганском округе, Иркутской губернии, насильственное крещение приняло огромные размеры. Местная администрация и миссионерство, пользуясь поощрением высшей власти, обнаглели до того, что стали издавать циркулярные предписания об обязательном крещении бурят по заранее заготовленным спискам: «изъявивших желание креститься» и «подлежащих» крещению. Списки бурят, подлежащих крещению, пересылались ежегодно исправнику для заверки и направления родоначальникам, которые должны были «представить означенных лиц к приезду пресвященного». Один из миссионеров Бильчуринского стана, Алексей Суханов, препровождая список бурят, подлежащих крещению, просил балаганского исправника «обратить особое внимание на упорствующих уже несколько лет, подчеркнутых в списках надлежащею отметкой»³. Как пополнялся список так называемых «лиц, изъявивших желание принять святое крещение», и как принималось это крещение, видно из материалов дознания, производившегося графом Стенбок. В показаниях старосты 4-го Хонходоровского рода Семена Антонова читаем: «Антон вызывал Урбанова, по приказанию головы Этогорова, в Нигдинскую управу. Голова настаивал на том, чтобы Урбанов крестился, а последний валялся в ногах его, упрашивая не вносить его в список желающих принять святое крещение; но голова собственноручно записал его в список»⁴.

Родовые старосты также принимали ревностное участие в христианизации бурят. Кроме медалей и поощрений это приносило им еще и материальные блага, так как за «труды»

² Архив внутренней политики, культуры и быта (Ленинград). Фонд канцелярии Синода. 1909 г., 6 отд., д. № 9-а, лл. 34—35.

³ Департамент духовных дел и иностранных исповеданий. Секретное дело № 2, л. 67.

⁴ Там же, л. 59.

по розыску скрывавшихся от крещения бурят они получали денежные вознаграждения.

Часть бурят, пытаясь искать защиты от насилий местной администрации и духовенства у иркутского генерал-губернатора, подала ему прошение, послав при этом копии министру внутренних дел. Последний запросил от генерал-губернатора объяснений. Для негласного расследования этих дел был командирован чиновник особых поручений граф Стенбок. При расследовании все факты, указанные бурятами в прошениях, подтвердились. Генерал-губернатор в письме министру внутренних дел писал: «Я полагал бы крайне необходимым отказать им в их домогательстве, тем более, что удовлетворение подобных просьб, хотя бы самого ограниченного числа считающихся крещеными, повлекло бы, несомненно, массовые протесты бурят, искусственно и настойчиво возбуждаемых, и на долгое время отодвинуло бы слияние инородцев с русским населением не только в Иркутской губернии, но и в смежных областях»¹.

Прошения бурят были оставлены без последствий, исправник Поздняков, наводивший ужас на бурят своими побоями, был оставлен на свободе и перемещен с одной должности на другую.

Однако противодействие бурят насильственному крещению проявлялось не только в пассивной форме подачи прошений: в дни революции 1905 года буряты массами «отпадали» от христианства и отказывались платить

¹ Департамент духовных дел и иностранных исповеданий. Секретное дело № 2, л. 53.

поборы на содержание церквей и духовенства. Иркутский архиепископ Тихон в рапорте Синоду от 30 августа 1907 г. писал: «Крещеные инородцы публично стали заявлять, что они не могут оставаться в православии» и что ими «были составлены общественные приговоры о желании крещеных возвратиться в ламаизм». Всего приговор подписало «более 3000 человек». Вместе с тем «буряты отказались от всякого участия в содержании миссионерских православных станов. Миссионерам начали возвращать святые иконы». Буряты же, живущие вдали от миссионерских станов, «выносили святые иконы из своих юрт на чистое место и там оставляли». Массовое «отпадение» бурят от христианства архиепископ Тихон расценивал как «явление исключительно политическое и как бы пробный камень затее возродителей бурятской народности». Потому он предлагал, «по пасторскому долгу», не «решаться на отлучение», так как это значило бы «предать их ради несбыточных мечтаний агитирующих, власти сатаны»².

Буряты подвергались жесточайшей эксплуатации и издевательствам со стороны местного духовенства и властей вплоть до 1917 года. Только Великая социалистическая революция предоставила им возможность жить по-настоящему и быть действительными строителями своей социалистической родины. Ниже мы печатаем несколько документов, иллюстрирующих формы и методы колонизаторской политики русского самодержавия и его агентуры — духовенства в Бурят-Монголии.

² Фонд канцелярии Синода. 1907 г., д. № 7837, л. 3.

*
*

Прошение бурята Батая Батыкова иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину о защите его от насильственного привлечения к крещению (первая половина октября 1891 года)¹.

«4 сего октября 1891 г. исправник Балаганского округа г. Поздняков, прибыв с миссионером Бажаевского стана в Куйтинскую инородную Управу, потребовал, чтобы я, вероятно, между прочими лицами, явился в Управу. Родовой староста, об'явивший мне это распоряжение, сказал, что меня требуют для того, чтобы я крестился. Предполагая, что никто насильно не может меня к тому принудить в силу известных всем нам законов о веротерпимости, подтвержденных особою высочайшею грамотою, имеющеюся при делах нашего ведомства, я отправился по требованию в Управу с целью заявить, что изменять религию отцов я не желаю, и думал, что этого будет вполне достаточно для ограждения моей совести от возможных насильственных действий. Но когда вечером 4 октября явился в Управу, я на спрос г. исправника и миссионера Бажаевского стана решительно заявил, что не желаю принять крещения, г. исправник приказал казакам взять меня за руки и скрутить их назад, а сам начал наносить мне вместе с миссионером бажаевским жестокие побои по лицу и голове, требуя согласия креститься, так что я избит был до потери сознания в кровь, и правый глаз, как изволите лично убедиться, ваше высокопревосходительство, до сих пор еще остается налитым кровью. Затем я помню, что меня куда-то вынесли на руках и обливали водой. Очнувшись, я страшно испугался, вообразив, что надо иной совершают обряд крещения. Потом меня отправили в находящуюся при Управе тюрьму с предупреждением, что на завтра буду подвергнут телесному наказанию, чему я должен был дать полное вероятие, так как этот порядок при обращении многих из нас в христианство уже практиковался, как я слышал не раз, над другими, насильно окрещенными, как например, над инородцем Нигдинского ведомства 4-го Хонходоровского рода. Истязания надо мною производились в помещении Управы при голове и всех служащих Управы. При этом находились, кроме того, посторонние инородцы, но я теперь не припомню поименно, помню только, что вблизи меня стояли десятники Санду Сахиров и Бояндой Барчуев. Во всяком случае, я твердо уверен, что изложенные обстоятельства вполне подтвердят и голова, и служащие Управы, и другие свидетели.

¹ Архив внутренней политики, культуры и быта. Фонд департамента духовных дел и иностранных исповеданий. Секретное дело № 2, 1891 г. Лл. 2—3, 4—5, 6—7, 10—11. Документы печатаются по копиям. Датировка на основании сообщения генерал-губернатора о получении прошений.

В ночь того же числа мне удалось бежать из тюрьмы, и я, скрываясь по улусам и в лесу, отправился прямо в Иркутск искать защиты у вашего высокопревосходительства.

Изложив обстоятельства этого дела и представляя в подтверждение моих слов частную копию с циркулярного распоряжения г. исправника от 31 июля с. г. за № 521, из которого, ваше высокопревосходительство, изволите усмотреть руководящие мотивы таких энергических мер при обращении нас в христианство, с составленными списками лиц как подлежащих, так и из'явивших будто бы согласие крещению, но тем не менее не желающих принять, я имею честь почтительнейше просить: во-первых, оградить мою совесть от насильствования и мое законное в этом отношении право, предоставленное 92, 104 ст. XIV т. Св. закон., изд. 1857 г. устава о предупреждении и пресечении преступлений против правил веротерпимости и 1290 и 1291 ст. XI т. Св. закон., изд. 1857 г. об управлении духовных дел ламаитов, право, от которого меня, имеющего 28 лет от роду, под угрозой заставляют отказаться, во-вторых, опасаясь возвратиться домой, куда я, тем не менее, немедленно должен отправиться, так как семья моя, состоящая из престарелого отца, принужденного 2 года тому назад тем же исправником Поздняковым насильно принять крещение, и младших меня сестры и двух братьев, расстроилась, братья из страха принуждения к крещению неизвестно куда скрылись, так что хозяйство остается без присмотра, я имею честь почтительнейше просить, ваше высокопревосходительство, сделать надлежащее распоряжение об ограждении моей личности и членов моего семейства от дальнейших возможных насильственных действий со стороны местных властей и, в-третьих, так как незаконные действия г. исправника Позднякова предусмотрены 338, 345, 1542 и 1545 ст. Уложения о наказаниях, то не оставить назначить по сему делу производство формального следствия».

Прошение бурята Бубок Шерхонова иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину о защите его от насильственного крещения (первая половина октября 1891 г.).

«3-го числа сего октября месяца прибыли в Алятский улус, где я живу в доме тещи, выборный Лажинов со старостой Дархановым и помощником Монхой Сулуховым и об'явили, что я должен креститься вместе с семейством. А так как я, исповедуя ламайскую веру, не пожелал принять православия, то упомянутые родоначальники стали настаивать, говоря, что если я не пожелаю креститься, то они свяжут меня сейчас же и представят в Аларскую инородную Управу. Видя, что мне действительно не изба-

«Добровольное» крещение инородцев.

Карикатура Ю. Цешевского.

виться от них и что они угрозы свои приведут немедленно в исполнение, я должен был дать невольное согласие явиться в Аларский миссионерский стан, где его преосвященство преосвященнейший епископ киренский должен был крестить инородцев, но вместо того я бежал, чтобы избавиться от крещения, а в мое отсутствие выборный инородной Управы Лажинов и староста 2-го рода Дарханов забрали мою жену Бортавуг Бодтаеву вместе с женой инородца Самбо Сагантаева из дома инородца же Павла Васильева, куда они скрылись.

Там их разыскали, схватили, связали при свидетелях: семействе Васильева и инородце шестого рода Бардунае Хазанове, отвезли связанными насильно в стан, где мою жену вплоть до крещения держали под надзором казаков, а 4-го числа октября окрестили вместе с другими насильно. Жена моя сильно захворала и теперь только немного поправляется»¹.

¹ Дальше в своем прошении Бубок Шерхонов, по образцу всех прошений этого рода, ссылается на соответствующие статьи закона и просит об ограждении свободы совести и вероисповедания от посягательств властей и духовенства. В последующих документах мы эту часть опускаем.

Прошение бурята Самбо Салантаева иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину о защите его отца от насильственного привлечения к крещению (2 ноября 1891 г.).

«Выборный Аларской инородной Управы Андрей Лажинов, родовой староста нашего 2-го рода Даруй Дарханов и помощник его Манхай Шулунов в полночь 3-го числа сего октября месяца подехали к моему дому с требованием отворить. Услышав за дверями шум, я сразу отворить побоялся, но приехавшие, выборный и сам староста, требовали отворить, грозя выломать двери и окна. Убоясь угрозы, я отворил. В доме оставались только я да мачиха моя, уже насильно окрещенная, а отец и жена моя скрылись. Отец и по настоящее время скрывается в лесу. Произведя в доме тщательный обыск и не найдя отца и моей жены, они приказали мне одеваться; на вопрос мой: «Куда?» — отвечали: «Креститься». Когда же я сказал, что не желаю, то выборный приказал присутствующим связать меня, и инородец Булут Шерханов связал мне руки назад, после чего выборный приказал помощнику старосты Шулунову отвести меня в инородную Управу, а сами отправились разыскивать мою жену и жену моего товарища Бубок Шерхонова — Бортавуг Бодтаеву. Когда Шулунов привез меня в инородную Управу, то исправник

Поздняков спросил, желаю ли я креститься, а когда я ответил, что не желаю, он приказал отвести меня и бросить в тюрьму, как какого-нибудь важного преступника; вместе со мною посадили и жену мою Арису Васильеву, схваченную в доме Павла Васильева, вместе с женой Бубок Шерхонова и инородку Шангилову.

В полдень 4 октября нас из тюрьмы вывели и вместе с женой товарища Шерхонова отвели в церковь за конвоем, где миссионер о. Николай Затопляев окрестил нас всех насильно. Убоясь еще большего наказания, потому что многих били, пороли нагайками и розгами, даже морили голодом (именно в Ивидинском ведомстве, где тюрьма буквально вся в крови, как рассказывают), мы не смели да и не могли защищаться силой, а к преосвященному нас не допускали и зажимали рот. Не даром ведь целые десятки ламантов ввиду насилия побросали свои дома, малых детей, престарелых родителей и скрываются кто где может; так скрывается и мой товарищ Шерхонов, жену которого окрестили насильно вместе со мной и у которого голодуют два малолетних мальчика.

Изложив факты произведенного надо мной и женой моей насилия, я обращаюсь к защите вашего высокопревосходительства...»

Прошение бурята Текше Хараева иркутскому генерал-губернатору А. Д. Горемыкину о привлечении к ответственности местной власти и духовенства за насильственное крещение (2 ноября 1891 г.).

«2 октября с. г. в полночь явился в наш улус, ко мне в дом, где я живу с женой, староста нашего рода Гуляшиков с двумя инородцами, ямщиком и еще взятым на подмогу из улуса Байма Балвановым и, разыскав меня спрятавшегося, объявил, чтобы я немедленно отправился в инородную Управу вместе с женой креститься. Когда я отказался, тогда он пригрозил мне, что свяжет и отправит связанного насильно. Зная, что мне не избежать насилия, я согласился, и утром на рассвете он прислал за мною

десятника, с которым я и отправился верхом, а жена осталась дома, но дорогой я бежал в лес и скрылся. Затем в половине октября числа 13-го или 15-го, не помню, ко мне вновь явился помощник старосты Аюша Степанов и объявил, мне, что если сейчас же не отправлюсь в Управу креститься, то мне дадут 100 розог и увезут, а жена пока останется дома; когда же меня окрестят, тогда должна отправиться жена. Под такой угрозой староста взял с собой меня с товарищем Ажюдай Абашеевым, привез в Управу и посадил нас в тюрьму, а потом по просьбе нашей, так как в тюрьме был страшный холод, нас перевели в помещение Управы под конвой. Утром я бежал и вошел в дацан помолиться, где находились староста дацана Занчеев, попечитель Павлов и двое лам. Трое посланных меня забрали из дацана, отвели сначала в Управу, а потом вместе с товарищем в церковь. В церкви находились два родовых старосты, Гуляшиков и Степанов, миссионер Затопляев с дьячком, двое ямщиков, писарь Управы и его помощник. Товарища моего полураздели, и он, вырвавшись, бежал по церкви, а меня свалили на пол и начали раздевать; я кричал, барахтался, в это время вошли в церковь инородец Булат Булгатов и фельдшер Кемкевич, меня на время оставили, замкнули церковь и потом насильно крестили, три раза надевали на меня крест, я его срывал и кричал, что я некрещеный; наконец, мне привязали на шею крест так туго, что я уже не мог сорвать его, но потом все-таки сорвал, затем меня отвели в Управу и спрашивали у меня имя и лета, чтобы записать в книги метрики. Я отказался отвечать, тогда меня хотели отвести в тюрьму, но я вырвался и бежал к дацану, где встретил инженера-архитектора Пухлова, заявил ему о совершенном надо мною насилии. Затем меня требовали в Управу, но я бежал домой, в улус, куда уже были посланы крест, икона и какие-то ситцы. Жена ничего этого не приняла, и все это было оставлено у соседей, а я по приезде немедленно отправился искать защиты вашего высокопревосходительства».

И. Рейснер

ФРАНСУА БЕРНЬЕ. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. Предисловие А. Пронина. Перевод с французского Б. Жуховецкого и М. Томара. 349 стр. Соцэкгиз. 1936.

В начале XVI века Индия была завоевана тюркскими феодалами, образовавшими обширную империю Великих Моголов.

XVII век был переломным в истории Индии. Это был период наибольшего территориального могущества феодальной империи Великих Моголов и начало ее стремительно развала. Кроме Северной Индии и Афганистана империя охватывала всю Бенгалию, Декан и в последнюю четверть XVII века — пусть на короткий промежуток времени — подчинила себе буквально всю Индию, за исключением небольшой территории на крайнем юге. Могольские армии пересекали в 1647 году Гиндукуш и пытались завоевать, правда, неудачно, Афганский Туркестан. Но военные предприятия моголов все хуже удавались им. Ключ важнейшей караванной магистрали, связующий Индию с бассейном Средиземного моря, — Кандагар — оставался в руках персов. Три последовательных осады Кандагара кончились позорной неудачей, и персидские летописцы могли с полным основанием утверждать: «Правители Дели могут украсть крепость с помощью золота, но неспособны взять ее в открытом бою». Стотысячное войско моголов не в состоянии было также сломить сопротивление горстки португальских рыцарей первоначального накопления, отбивавшихся за полуразрушенными стенами своей крепостцы Диу. Громозкая машина могольского наемного войска еще кое-как справлялась с подавлением крестьянских восстаний на севере Индии, но была бессильна сломить восстания народности махратов.

Острый глаз европейских наблюдателей уже прикидывал число штыков и батальонов, которые проложат будущим колонизаторам дорогу к сказочным богатствам Индии. Придворный врач императора Аурангзеба (1658—1707), француз Бернье, пишет в своей докладной записке на имя министра Людовика XIV Кольбера: «Поэтому, созерцая эти армии,двигающиеся без надлежащего порядка, подобно стаду баранов, я часто думал, что если бы в этих странах появилось всего лишь двадцать пять тысяч человек

из старых войск Фландрии под начальством принца Конде или господина де Тюренна, они, несомненно, опрокинули бы все эти армии несмотря на всю их многочисленность» (стр. 90).

Так обстояло дело на суше, где в списках могольского войска числилось 530 тысяч кавалерии и множество пехоты (ценность последней в военном отношении была ничтожна). На морях безраздельно господствовали сначала португальцы, а потом сменившие их голландцы, французы и англичане. Если моголам здесь удавалось добиться частичных успехов, то лишь путем стравливания соперничающих европейцев и использования противоречий, конкурирующих между собой ост-индских компаний.

Военная слабость Могольского государства разжигала аппетиты европейских хищников, а богатства феодальной Индии слепили им глаза. При дворе в Дели бриллианты мерили не каратами, а сирами, как сыпучие тела. Рента — налог, — ежегодно собираемая Великим Моголом, исчислялась в 340 миллионов рублей. Один трон «Тахт-и-Таос» (что значит павлиний) обошелся в 70 миллионов рублей золотом.

С Индией Европа имела наиболее обширные торговые связи. Индия — поставщик пряностей и, в частности, перца и кардамона, крупнейший экспортер хлопчатобумажных тканей и красящих веществ на внешний рынок — занимала первенствующее место в восточной торговле; к тому же она была наиболее подробно изучена европейскими разведчиками и купцами. Именно сокровища и пряности Индии были той притягательной силой, которая гнала португальские каравеллы на Восток в поисках новых морских путей вокруг Африки.

Быстрый упадок Могольского феодального государства и сказочные сокровища Индии делали ее наиболее заманчивым объектом колониальной добычи.

Представителем интересов мусульманских феодалов в Индии являлся последний крупный могольский правитель — Аурангзеб, пытавшийся резким поворотом внутренней политики (законодательства против индусов, конфискация земель индусских храмов и т. д.) и рядом завоевательных войн спасти положение.

Гибель огромного государства моголов, имевшего свыше 100 миллионов подданных, происходила в эпоху, когда Европа уже пережила свои первые буржуазные революции и хищники первоначального накопления уже стучали в ворота Индии. Флот европейских торговцев и пиратов уже господствовал на Индийском океане. В XVII веке, после разгрома португальцев голландцами и англичанами, впервые ощутительно сказывается изменение путей внешней торговли Индии. Теперь основной поток ин-

дийского экспорта уже проходит через английские фактории в Бомбее, Шурате, Карваре и Хугли, через голландские фактории в Массулипатаме и на Цейлоне, через французские фактории в Пондшери и Чандранагоре. Артиллерия, обслуживаемая португальскими, французскими, английскими авантюристами, часто решала исход междоусобных войн индийских феодалов.

2

Такова была эпоха, в которую жил в Индии Франсуа Бернье, автор рецензируемой нами книги. Из 12 лет, проведенных им в Индии, он около 9 лет был придворным врачом Аурангзеба и секретарем губернатора Дели Данишмед-хана. Бернье находился в центре событий, он имел возможность разобраться во внутренних пружинах и раскрыть детали, знакомые человеку, бывшему в курсе политики правительства. К тому же он был на редкость внимательным и тонким наблюдателем. В письме от 2 июня 1853 года Маркс, ознакомившись с книгой Бернье, писал Энгельсу: «Об образовании городов на Востоке нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье, бывшего девять лет врачом при Аурангзебе»¹. Энгельс отвечал Марксу: «Старый Бернье на самом деле очень хорош. Всегда радуешься, когда наткнешься на такого старого, трезвого, ясного француза, всегда попадающего в самую точку»². Конечно, Бернье—это разведчик колониальной экспансии Франции, он анализирует упадок Могольской империи с конкретной целью открыть путь французской Остиндской компании. Бернье, ученик Гасенди, французский буржуа, зараженный предрассудками своего класса, не может понять причин, неминуемо ведущих к упадку Могольской Индии. Он мерит все на буржуазный аршин, ему чуждо понимание особенностей индийского феодализма. Но вместе с тем острота и меткость его наблюдений, умение везде схватывать решающее дело, делают его книгу лучшим первоисточником по Индии XVII века.

Бернье оставил нам быющее прямо в цель описание аграрного строя Индии. И здесь он опять-таки сумел выделить основное, сумел указать на то, что решающей формой собственности в доколониальной Индии была государственная собственность могольских феодалов. «Наконец, обратите внимание на то, что Великий Могол, — пишет Бернье, — является наследником всех эмиров, или вельмож и мансейдеров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жалованье, а также на то, что все земли государства — а это имеет важнейшие последствия — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов

или садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить или покупать друг у друга по их усмотрению» (стр. 184—185).

Правильно обнаруживая основную форму феодальной собственности — государственную собственность на землю, — Бернье не приводит, однако, это обстоятельство в связь со значением искусственного орошения для индийского земледелия. Крупные оросительные сооружения, принадлежавшие феодальному государству, имели огромное значение в деле осуществления его господства над крестьянством. Но государственная собственность отнюдь не исключала наличия в тогдашней Индии и крупнейшего феодального землевладения. По данным персидской хроники Абдул Гамида, весь бюджет империи в 1650 году равнялся 880 крорам. Из них в казну самого Великого Могола поступало всего 120 крор, а остальные 760 раздавались крупным феодальным кормленщикам в наделы, так называемые икта, или джагиры. Джагир Могольской Индии представлял собой пожалование кормленщику определенной территории, налоги с которой полностью или частично поступали к нему. Кормленщик в свою очередь имел определенные обязательства в отношении центральной власти. Среди них важнейшее — содержание определенного контингента войск.

Характерными чертами упадочного могольского феодализма являлись, во-первых, преобладание крупных и крупнейших феодальных наделов, во-вторых, их наследственный служебный характер, в-третьих, наличие государственной собственности на землю, преобладающей над всеми другими видами собственности. Здесь, конечно, нужна серьезнейшая поправка на огромное разнообразие аграрных отношений феодальной Индии, в известной мере сохранившихся, вернее, консервированных английским империализмом в нынешней Индии-колонии. В ряде районов, в особенности на северо-западе Индии и в Афганистане, можно говорить лишь о начале процесса феодализации. На самом юге, за рекою Кришна, Маркс указывал на существование частной земельной собственности в отличие от государственной.

Лестница военно-чиновничьей иерархии моголов совпадала с градациями феодальных наделов и на первый взгляд представляла собой весьма сложную и законченную систему. От вице-короля или командующего армией до придворного поэта или королевского конюха — все в одинаковой степени обеспечивались наделами в кормление, образуя лестницу из 14 ступеней и рангов. На все высшие посты в государстве назначались исключительно крупные феодальные кормленщики, хотя их наделы не всегда находились в пределах провинций, где они служили, и нередко были разбросаны в разных частях страны.

Простые ратники, низший командный состав войска, средние и низшие звенья

¹ К. Маркс и Фр. Энгельс. Собр. соч. Т. XXI, стр. 489.

² Там же, стр. 495.

гражданского чиновничества не имели наделов и получали содержание деньгами, подрабатывая на войнах, взятках и грабежах. Как видно, от старой, феодальной иерархии осталась одна головка. Основной фигурой выступал крупный и крупнейший феодальный кормленщик. Его надел охватывал обширные территории, он эксплуатировал миллионы, а иногда десятки миллионов крестьян. Из общего числа в 4 тысячи кормленщиков-феодалов решающее значение имели какие-нибудь 400—500 крупнейших, каждый из которых был ответственен за отряд минимум в 500, максимум в 10 тысяч наемного войска. Доход такого кормленщика составлял не меньше 300—500 тысяч рублей золотом в год. Этим крупнейшим феодалом Могольской Индии Бернье дает блестящую характеристику: «Эти эмиры — обыкновенно просто авантюристы и пришельцы всякого рода национальностей, как я говорил, которые тянут один другого ко двору; это люди, вышедшие из ничтожества, некоторые из них рабы, большая часть без образования. Могол раздает им высокие должности по своему усмотрению и по произволу смещает их» (стр. 190).

Некоторый военный опыт, личная храбрость в бою, лесть при дворе, рабская преданность своему покровителю и умение предать его при первом же удобном случае — вот качества, которые требовались для кратковременной, но блестящей карьеры при дворе Великого Могола. Отсутствие кастовой, сословной или национальной спайки, несвязанность традициями, постоянная неуверенность в завтрашнем дне придавали отпечаток беспокойства и лихорадочности этим своеобразным носителям феодальной эксплуатации. Их великолепные дворцы часто разваливались раньше, чем они были достроены. Непрерывные переброски из одного конца империи в другой, зависимость от капризов Великого Могола и влияния его жен и придворных фаворитов, невозможность передать детям свои земли и богатства, обстановка разлагающейся роскоши и боязнь неожиданного краха, феодальный грабег крестьянства, лишенный патриархальных покровов, и в то же время ограничение добычи каждого отдельного кормленщика вмешательством более крупного и сильного и прежде всего самого Великого Могола — таковы наиболее яркие черты могольского феодализма, бросившиеся в глаза Бернье.

С течением времени кормленщик становился все более безудержным, необузданным эксплуататором. Традиционная продуктовая рента была раньше ограничена определенной долей — от трети до половины физического объема крестьянского валового урожая. С конца XVI века поземельный налог — рента — вносился в деньгах; плох ли урожай, хорош ли — налог надо платить в одинаковом размере. Широкое распространение получают принудительные работы крестьян. К основному налогу феодалы от себя присоединяли многочисленные над-

бавки, так называемые «абвабы». Наконец, доходы внутренних таможен и многочисленные поборы с ремесленников и купцов дополняют формы добычи кормленщика и его чиновничьего аппарата. Кормленщик непрерывно и успешно обманывает центральную власть, широко прибегая к утайкам и незаконным обогащениям. Так например губернатор Дели Данишмед-хан, ученый покровитель Бернье, имел ранг и доходы командира 5 тысяч всадников, фактически же он содержал только тысячу, а остальное клал себе в карман. Оросительных сооружений стали строить значительно меньше чем 100 лет назад, в период расцвета, при императоре Акбаре. Зато усиленно воздвигались дворцы, мавзолеи, мечети.

3

Дав бесподобную характеристику феодальной верхушки и отношений между повелителем Дели и местными феодалами, Бернье относительно меньшее внимание уделяет положению крестьянства. Но он констатирует: «... эта тирания часто переходит всякие границы, отнимает у крестьян и ремесленников все необходимое для жизни, так что они умирают от голода и нищеты, не производя детей, или имеют таких, которые умирают в детстве, ибо плохо питаются и живут в бедности, как и их отцы и матери. Бывает, что они покидают землю, чтобы поступить в услужение... или бегут, куда только могут... наконец, земли обрабатываются почти исключительно из-под палки, а следовательно, очень плохо, многие истощаются и делаются совершенно непригодными...» и т. д. (стр. 202).

Бернье совершенно не останавливается на особенностях индийской общины как замкнутой единицы хозяйства. Гению Маркса мы обязаны глубоким анализом социально-экономического строя феодальной Индии. Маркс указал на наследственное разделение труда между земледелием и ремеслом внутри общества и в то же время на соединение ремесла и земледелия в рамках каждой общины. Маркс указал на косность и рутину полурастительного существования этих бесчисленных изолированных деревенских мирков, на их полное безразличие к переменам и бурям в феодальных верхах. Община выступает как прочнейшая опора феодальной деспотии. Тремя ее основными функциями были налоги, армия и забота о сети искусственного орошения почвы.

Зато с исключительной меткостью характеризует Бернье город и его особенности в тогдашней феодальной Индии. Город — стоянка войск, город — лагерь, обросший домами и дворцами, и его значение прежде всего как места раздела и распределения прибавочного продукта, выжатого из многих миллионов крестьян. Военное поражение или прихоть деспота меняли расположение города-лагеря, и лишь живописные развалины говорят нам

о былой славе таких городов, как Биджпур, Виджианагар или Фатехпур-Сикри.

Он пишет: «Эти три государства: Турция, Персия и Индостан,—уничтожив понятие «мое» и «твое» по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного,—поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опустошение» (стр. 206). Дело не только в отсутствии частной собственности на землю: в Индии XVII века, безусловно, еще не было широких предпосылок к переходу к капиталистическому способу производства. Достаточно указать на следующее: чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил, полупервобытные, деревянные орудия в сельском хозяйстве, простая кооперация труда при крупных общественных работах. Постройка различных дворцов и храмов велась отдельными артелями наследственных ремесленных каст. Обобществление труда не проявлялось сколько-нибудь заметным образом. Городское ремесло, правда, отделилось от сельского хозяйства, но оно обслуживало потребности армии, двора, феодальных верхов и экспортной торговли, а до мануфактуры дело не дошло. Разделение труда между земледелием и ремеслом внутри общины не связано с обменом и стоит в стороне от того разделения труда, которое складывается во всем индийском обществе. Значительная часть феодальных накоплений и даже купеческих капиталов застывала в виде денежных вкладов и сокровищ. Бернье указывает, что купцы «главным образом это можно видеть у язычников, в руках которых сосредоточены почти вся торговля и деньги, проникнуты верой в то, что золото и серебро, которые они прячут в течение жизни, будут служить им после смерти» (стр. 201).

Заботы индийских купцов о своем загробном спасении дополнялись в последние годы правления Аурангзеба более реальным страхом за свое земное существование: мы имеем в виду жестокие преследования индусов. Отсюда усиленное зарывание кладов.

Но если Индия XVII века отнюдь не являлась страной, стоявшей накануне буржуазного переворота, как это утверждал ренегат Рой, зато пышным паразитическим цветом распустился торгово-ростовщический капитал. Он опутал буквально все стороны экономической жизни. Ростовщик и купец собирали в Индии XVII века богатую дань с крестьян. В самом деле, как обойтись без него, когда поземельный налог нужно было платить деньгами? Ростовщик выступал в прибыльной роли посредника между могольским сборщиком налогов и деревенской общиной. Ростовщик и купец непосредственно брали на себя откуп налогов. При Аурангзебе откуп налогов пустил прочные корни на севере Индо-

стана. Это сыграло большую роль в деле гибели Могольской империи чем все ее военные поражения, вместе взятые, или, точнее, здесь-то в конечном счете и крылась первопричина военных неудач моголов. Дух шейлоковской жестокости и ростовщического вымогательства пронизывал военно-чиновничий аппарат феодального насилия моголов. Массовая продажа крестьян-неплательщиков в рабство, широкое применение пыток при сборе налога сделались обычным явлением в деревне.

Подвиги ростовщического капитала не ограничивались высасыванием соков из мелкокрестьянского хозяйства. Достаточно тяжелым было положение и городских ремесленников, опутанных тяжелой задолженностью и системой денежных авансов (дадан). Ростовщик также находил свою добычу среди феодальной знати. Бернье пишет, что могольская аристократия при огромных доходах не столько расходует средств на пищу и платья, сколько на дорогие подарки императору моголов. Ценность этих подарков-взятки исчислялась в миллионах рублей. При получении должности великого вазира Мир-Джумля преподнес императору Шах-Джагану полтора миллиона рупий наличными, знаменитый бриллиант «Кух-и-Нур» («Гора света»; сейчас этот бриллиант принадлежит английской казне, отсюда поговорка «Индия — лучшая жемчужина британской короны»), 20 слонов и 50 арабских лошадей. На одном из праздников, где присутствовал другой француз, Тавернье, Аурангзеб получил подарков от знати на сумму в 22 миллиона рублей золотом. Эти подношения и подарки, по сути дела, превращались в систему покупки должностей. Губернатор, купивший должность, стремился срочно вернуть затраченные деньги, которые он занял под 20—30% годовых, путем разорения крестьян и ремесленников. Усиливалась эксплуатация крестьянства, которое теперь должно было кормить не только феодальную знать, но и удовлетворять аппетиты торговца и ростовщика. Увеличение роли денег и растущее влияние торгово-ростовщического капитала внесли значительные изменения в могольскую феодальную систему: ускорилось пожирание низших и средних звеньев феодальной иерархии крупными и крупнейшими феодалами; выживают наиболее приспособленные к изменившимся условиям, а именно те, кто умело совмещал свое высокое, привилегированное положение с бесстыдной спекуляцией, торговлей и ростовщичеством. Назревал крах империи.

В ходе развала Могольского государства весьма отчетливо выступало основное классовое противоречие феодальной Индии: между крестьянством и феодалами. В XVII веке вспыхивали мощные крестьянские восстания (сикхов, джатов, сантами и др.), взрывающие тыл Могольской империи. Нарастали сепаратизм и самостоятельность местных губернаторов и могольских вице-королей. Феодальные

кормленщики выставляли в армию лишь от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{20}$ положенных войск. Великий Могол бессильно был обеспечить безопасность дорог внутри страны: всюду рыскали разбойничьи шайки. Даже императорская почта доходила с опозданием на несколько месяцев. Могольская армия также бессильна была обеспечить неприкосновенность границ. Не прошло и нескольких лет со времени отъезда из Индии Бернье, как через горные проходы северо-запада в долину Индии ворвались афганцы и персы. Надир-шах взял в Дели добычу больше чем на миллиард рублей золотом и запер эти сокровища в своей крепости Келатте. С юга подбирались другие, более опасные и лучше вооруженные хищники — англичане. Распад империи Великого Могола совпал с началом длительного процесса превращения Индии в колонию.

«Неограниченная власть Великого Могола была свергнута его наместниками, могущество наместников было сломлено махратами... пока все воевали против всех, налетел британец и оказался способным покорить их всех»¹. Так заканчивается история Индии эпохи Великих Моголов и начинается трехсотлетнее колониальное владычество Англии над богатейшей страной мира.

4

Перевод книги Ф. Бернье на русский язык в известной мере восполняет острый недостаток в литературе по истории колониальных стран и поможет читателю ознакомиться с хорошим первоисточником, освещающим один из наиболее интересных этапов в истории Индии XVII века.

Необходимо также отметить хорошее качество перевода, сделанного гг. Томара и Жуховецким; переданы очень верно как существо изложения, так и стиль Бернье.

В примечаниях есть отдельные неточности и неправильности, которые следовало бы устранить в последующих изданиях. Например примечание 14-е указывает, что Мир-Джумля был в последние годы царствования Аурангзеба губернатором Бенгалии. На самом деле Мир-Джумля до самой своей смерти сохранял должность великого вазира, или старшего министра.

В своем предисловии тов. Пронин 25 страниц из 50 посвящает описанию современной Индии, подвергающейся грабежу и насилиям со стороны английских колонизаторов. Политически заостренно и сжато автор рисует положение рабочего класса, излагает основные черты антинародной конституции, навязанной Индии в 1935 году, останавливается на сущности гандизма и тех задач, которые стоят перед индийскими коммунистами в связи с борьбой за народный антиимпериалистический фронт. Эта часть предисловия,

¹ К. Маркс и Фр. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 362.

безусловно, ценна, но непомерно велика по отношению к той части, которая посвящена непосредственно Индии эпохи Бернье. Такое размещение материала, при котором центр тяжести перенесен на вопросы индийской современности, очевидно, объясняется в значительной степени недостаточным знакомством автора с конкретной историей Индии эпохи Бернье и моголов. Отсюда и другое неизбежное следствие — упрощенчество и схематизм. Тов. Пронин правильно подчеркивает, что «...главная причина развала империи и потери Индией экономической и политической самостоятельности заключалась в экономической и политической структуре империи. Феодално-чиновничий произвол, растущая паразитическая эксплуатация торгово-ростовщического капитала вкупе разрушали производительные силы» (стр. 50). Но тов. Пронин утверждает, что решающее политическое влияние при императоре Аурангзебе уже принадлежит иностранным колонизаторам: «Подкупы феодалов-чиновников, заговоры, интриги приняли новое направление: главный водораздел шел по линии за или против торговой компании данной страны, например английской, французской» (стр. 51). Это — явное преувеличение. Дальше, тов. Пронин пишет, что «...война Аурангзеба с английской компанией 1685 года окончилась победой компании и эта победа значительно усилила рост сепаратизма внутри империи...» (стр. 49). Это утверждение просто неверно.

Война эта, начатая английской Ост-индской компанией с целью территориальных захватов, окончилась не ее победой, а поражением. Англичане должны были покинуть Бенгалию и очистить ряд своих факторий на Коромандельском побережье. Аурангзеб разрешил англичанам возобновить торговлю лишь по выплате ими крупной контрибуции и принесении унижительных извинений. В ту пору империя моголов еще была способна дать отпор. Преувеличивая степень экономического и политического влияния иностранных колонизаторов в Индии XVII века, тов. Пронин освобождает себя от необходимости раскрыть процесс превращения Индии в колонию во всей его сложности.

Могольская империя была взорвана внутренними противоречиями и добита внешними ударами (1739 г.). Англичане завоевали Индию не у моголов, а у тех государственных образований, которые возникли на развалинах Могольского государства (сикхи, махраты, вице-королевства Ауда, Бенгалии и др., объявивших себя самостоятельными княжествами). Об этом в предисловии ничего не сказано. Тов. Пронин говорит о неспособности Аурангзеба приостановить нарастание экономического и политического кризиса империи Великих Моголов. Здесь нельзя ограничиваться общими фразами. Последний из моголов пытался найти выход и в завоевательных войнах и в проведении ряда внут-

ренных реформ, направленных к расширению мусульманского феодального землевладения за счет еще остававшихся кое-где индусских феодалов, а главным образом за счет обширных индийских храмовых земель. Аурагзеб равным образом пытался в порядке особых законов ликвидировать задолженность мусульманской знати индийским ростовщикам и одновременно укрепить позиции близкого ему мусульманского торгово-ростовщического капитала за счет индусского. Все это в предисловии обходится молчанием. А между тем здесь-то и кроется объяснение, почему индусским феодалам и жрецам удалось так легко использовать ряд крестьянских восстаний против моголов под знаменем религиозной войны индусов против мусульман. Нельзя также согласиться с тов. Прониным в трактовке основной причины завоевательных войн моголов на юге Индии. «Войны великих моголов, — читаем мы, — начиная с Акбара и кончая Аурагзебом, велись главным образом с целью подчинения приморских княжеств, т. е. за контроль над возрастающей морской торговлей через порты Индийского океана» (стр. 47). Одна из персидских хроник передает разговор Аурагзеба с его великим вазиром, сразу вводящий нас в суть дела: «Число феодалов, которые ежедневно представляются вашему величеству, безгранично, между тем как пространство земли, которой вы располагаете для раздачи наделов, ограничено» (Персидская хроника Хамидуд-Дин-Акхама).

Политика экспансии была продиктована внутренним кризисом Могольской Индии, упадком доходов феодалов, их стремлением захватить новые территории. Лишь в самом выборе направления удара, безусловно, играло роль указанное тов. Прониным наличие торговых путей к южным портам Индии. Но это — не одно и то же. И здесь очень легко можно впасть в ошибки М. Н. Покровского с его универсальным объяснением исторического процесса — торговым капиталом и борьбой за торговые пути.

В заключение нельзя не отметить небрежного отношения тов. Пронина к цитатам из Маркса. Маркс писал: «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ»¹. Вторую функцию восточной деспотии и марксову характеристику военного ведомства как департамента внешнего грабежа тов. Пронин передает так: «Защита границ, т. е. ограждение собственной власти от посягательств других хищников, им же подобных» (стр. 17).

Все эти недочеты в предисловии следует устранить в последующих изданиях книги Бернье.

¹ К. Маркс и Фр. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 347.

В. Голионко

Об искажении истории партии и гражданской войны на Дальнем Востоке в Большой советской энциклопедии

1

В XI томе Большой советской энциклопедии, под словом «Владивосток», имеется очерк по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Автор этого очерка Г. Шпилев написал его на основании недостаточно полных литературных источников, без использования и тщательной проработки соответствующих архивных документов. Это обстоятельство не могло не отразиться на качестве статьи Г. Шпилева, неверно освещающей целый ряд важнейших событий из истории партии и гражданской войны на Дальнем Востоке.

В XI томе БСЭ, на стр. 560, Г. Шпилев пишет: «В 1905 году организационно оформившаяся социал-демократическая группа во Владивостоке плавной своей базой имела военный порт...» В действительности организационное оформление социал-демократических групп во Владивостоке произошло только в апреле 1906 года². Г. Шпилев, отводя описанию революционных событий 1905—1906 годов во Владивостоке около 100 строк, следующему периоду, связанному с организационным оформлением и деятельностью владивостокской социал-демократической организации, уделяет только 15 строк. При этом, описывая на стр. 562 работу социал-демократической организации во Владивостоке в 1907 году и перечисляя персонально лиц, работающих в этой организации, Шпилев ни одним словом не обмолвился о том, что они в большинстве своем были большевиками (Г. Шамизон, Е. Чаплинский, М. Губельман, В. Бородавкин, Б. Шумяцкий и др.). А между тем деятельность социал-демократической организации большевиков, являвшейся в то время центром всех приморских социал-демократических организаций, была чрезвычайно богата по содержанию в этот период (1906—1908 годы). Приморские социал-демократические организации развили к тому времени весьма интенсивную работу среди рабочих мастерских Владивостокского порта, Никольск-Уссурийских железнодорожных мастерских и воинских частей гарнизонов Приморья. В воинских частях вела работу специально выделенная большевиками военная организация (объединенная с эсерами-максималистами). В 1907 году владивостокские большевики имели уже свою подпольную типографию, выпустившую свыше 40 тысяч экземпляров листовок и издававшую газету «Примор-

² См. «Красное знамя» от 20 декабря 1925 года. Владивосток, а также С. Цыпкин «Дальневосточные большевики на путях к Октябрю», стр. 14. Дальпартиздат. 1934.

ренных реформ, направленных к расширению мусульманского феодального землевладения за счет еще остававшихся кое-где индусских феодалов, а главным образом за счет обширных индийских храмовых земель. Аураунгзеб равным образом пытался в порядке особых законов ликвидировать задолженность мусульманской знати индийским ростовщикам и одновременно укрепить позиции близкого ему мусульманского торгово-ростовщического капитала за счет индусского. Все это в предисловии обходится молчанием. А между тем здесь-то и кроется объяснение, почему индусским феодалам и жрецам удалось так легко использовать ряд крестьянских восстаний против моголов под знаменем религиозной войны индусов против мусульман. Нельзя также согласиться с тов. Прониным в трактовке основной причины завоевательных войн моголов на юге Индии. «Войны великих моголов, — читаем мы, — начиная с Акбара и кончая Аураунгзебом, велись главным образом с целью подчинения приморских княжеств, т. е. за контроль над возрастающей морской торговлей через порты Индийского океана» (стр. 47). Одна из персидских хроник передает разговор Аураунгзеба с его великим вазиром, сразу вводящий нас в суть дела: «Число феодалов, которые ежедневно представляются вашему величеству, безгранично, между тем как пространство земли, которой вы располагаете для раздачи наделов, ограничено» (Персидская хроника Хамидуд-Дин-Акхама).

Политика экспансии была продиктована внутренним кризисом Могольской Индии, упадком доходов феодалов, их стремлением захватить новые территории. Лишь в самом выборе направления удара, безусловно, играло роль указанное тов. Прониным наличие торговых путей к южным портам Индии. Но это — не одно и то же. И здесь очень легко можно впасть в ошибки М. Н. Покровского с его универсальным объяснением исторического процесса — торговым капиталом и борьбой за торговые пути.

В заключение нельзя не отметить небрежного отношения тов. Пронина к цитатам из Маркса. Маркс писал: «В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ»¹. Вторую функцию восточной деспотии и марксову характеристику военного ведомства как департамента внешнего грабежа тов. Пронин передает так: «Защита границ, т. е. ограждение собственной власти от посягательств других хищников, им же подобных» (стр. 17).

Все эти недочеты в предисловии следует устранить в последующих изданиях книги Бернье.

¹ К. Маркс и Фр. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 347.

В. Голионко

Об искажении истории партии и гражданской войны на Дальнем Востоке в Большой советской энциклопедии

1

В XI томе Большой советской энциклопедии, под словом «Владивосток», имеется очерк по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Автор этого очерка Г. Шпилев написал его на основании недостаточно полных литературных источников, без использования и тщательной проработки соответствующих архивных документов. Это обстоятельство не могло не отразиться на качестве статьи Г. Шпилева, неверно освещающей целый ряд важнейших событий из истории партии и гражданской войны на Дальнем Востоке.

В XI томе БСЭ, на стр. 560, Г. Шпилев пишет: «В 1905 году организационно оформившаяся социал-демократическая группа во Владивостоке плавной своей базой имела военный порт...» В действительности организационное оформление социал-демократических групп во Владивостоке произошло только в апреле 1906 года². Г. Шпилев, отводя описанию революционных событий 1905—1906 годов во Владивостоке около 100 строк, следующему периоду, связанному с организационным оформлением и деятельностью владивостокской социал-демократической организации, уделяет только 15 строк. При этом, описывая на стр. 562 работу социал-демократической организации во Владивостоке в 1907 году и перечисляя персонально лиц, работающих в этой организации, Шпилев ни одним словом не обмолвился о том, что они в большинстве своем были большевиками (Г. Шамизон, Е. Чаплинский, М. Губельман, В. Бородавкин, Б. Шумяцкий и др.). А между тем деятельность социал-демократической организации большевиков, являвшейся в то время центром всех приморских социал-демократических организаций, была чрезвычайно богата по содержанию в этот период (1906—1908 годы). Приморские социал-демократические организации развили к тому времени весьма интенсивную работу среди рабочих мастерских Владивостокского порта, Никольск-Уссурийских железнодорожных мастерских и воинских частей гарнизонов Приморья. В воинских частях вела работу специально выделенная большевиками военная организация (объединенная с эсерами-максималистами). В 1907 году владивостокские большевики имели уже свою подпольную типографию, выпустившую свыше 40 тысяч экземпляров листовок и издававшую газету «Примор-

² См. «Красное знамя» от 20 декабря 1925 года. Владивосток, а также С. Цыпкин «Дальневосточные большевики на путях к Октябрю», стр. 14. Дальпартиздат. 1934.

ский рабочий». Об этом в статье не упоминается вовсе.

Тов. Шпилев не только обходит молчанием работу большевистских организаций в период реакции, но на стр. 562 он прямо утверждает, что «в последние годы работа велась по преимуществу в профсоюзах». Таким образом, наличие и деятельность большевистских организаций во Владивостоке за время с 1907 по 1917 год совершенно смазаны.

Кратко упоминая о восстании на миноносцах «Скорый» и «Бравый» 17 октября 1907 года, автор ничего не говорит о восстании минеров в бухте Диомид 16 октября, которое предшествовало восстанию во флоте. Ничего не сказано также о времени и обстоятельствах ликвидации охранкой владивостокской социал-демократической организации большевиков в марте 1908 года¹.

В статье тов. Шпилева имеется несколько ошибок и фактического порядка. Так например на стр. 562 он пишет, что член владивостокской организации большевиков тов. Шамизон был расстрелян 1 сентября 1907 года, тогда как он был повешен 4 марта 1908 года². Установление советской власти во Владивостоке Шпилев относит к октябрю 1917 года (стр. 562). В действительности же оно произошло 12 декабря (29 ноября) 1917 года³.

В статье ничего нет о партизанской борьбе 1919—1920 годов в Приморье, за исключением следующего косвенного упоминания о ней: «...Зимой здесь был создан краевой Дальневосточный комитет РКП(б), который и руководил затем партизанским движением в Приморье» (стр. 562).

Дальнейшие события 1920—1922 годов Шпилевым освещаются чрезвычайно поверхностно: перечисляются смены правительств, которые происходят как по мановению волшебной палочки. Этот период описывается в статье так: «По 1922 год Владивосток, кроме названных правительств, имел еще следующие правительства: В. Г. Антонова (большевика); С. и Н. Меркуловых — белогвардейцев (26 мая 1921), 1—10 июня 1921 — власть ген. Молчанова, свергнувшего Меркуловых; затем снова правительство С. Меркулова; в это же время появился здесь «воевода земского края» генерал Дитерихс и т. д. (стр. 563). Такая энциклопедическая справка абсолютно не может удовлетворить даже самого нетребовательного читателя, а тем более исследователя, интересующегося историей гражданской войны. В этом абзаце нет указания на политическую борьбу, происходившую за кулисами белогвардейских правительств, на роль в ней японских интервентов, являвшихся непосредствен-

ной причиной затянувшейся гражданской войны и интервенции в Приморье.

В статье Шпилева не упоминается ни о наличии, ни о деятельности владивостокской организации большевиков в эти годы, тогда как, несмотря на свирепый белогвардейский террор, во Владивостоке существовал и вел работу подпольный областной комитет РКП(б). Из деятельности его можно отметить хотя бы такие факты, как создание 30 мая 1921 года временного революционного совета партизанских отрядов Приморья, проведение партактива в первых числах июня 1921 года, на котором было принято решение о подготовке ко всеобщей забастовке и организации в области вооруженных сил, проведение 27 сентября 1921 года общегородской партийной конференции, созыв 17 февраля 1922 года конференции владивостокской организации РКП(б) по вопросу о снабжении партизанских отрядов области и о переходе с 15 октября 1922 года владивостокской организации РКП(б) на военное положение и др.⁴.

Вооруженные силы Дальневосточной республики, разбившие под командой тов. Уборевича белогвардейцев и интервентов и занявшие 25 октября 1922 года Владивосток, неправильно называются Шпилевым Красной армией (стр. 563). Армия Уборевича называлась тогда Народно-революционной армией (НРА), хотя и строилась по принципу Красной армии.

Начало созданию НРА положено было 12 марта 1920 года в Верхнеудинске после занятия его партизанами. Переименование же Народно-революционной армии в Красную армию произведено было, на основании постановления Реввоенсовета республики, приказом № 1 по войскам Красной армии Дальнего Востока 16 ноября 1922 года в Чите⁵.

В абзаце, посвященном владивостокской печати (стр. 563), обойдено молчанием существование такого органа, как «Известия Владивостокского СР и СД», выходявшего в 1917 году.

Неправильное освещение тов. Шпилевым важнейших вопросов из истории партии и гражданской войны на Дальнем Востоке дает нам основание думать, что эти ошибки объясняются в известной мере и тем, что тов. Шпилев довольно длительное время находился в рядах меньшевиков и в период февральской и Октябрьской революций вел активную борьбу против большевиков в Благовещенске на Амуре.

2

Не лучше дана история партии, революционного движения и гражданской войны на Дальнем Востоке и в XX томе Большой советской энциклопедии, в ста-

¹ «Красное знамя» от 21 августа 1928 года.

² «Красное знамя» от 8 августа 1928 года.

³ «Известия Владивостокского СР и СД» № 184 за 1917 год.

⁴ Далькрайпартархив, фонд Владивостокской организации РКП(б), д. № 55 и ф. № 23, д. № 25.

⁵ Далькрайпартархив, газета «Дальневосточный путь» № 291 за 1922 год.

тье «Дальневосточный край». Так например на стр. 281 автор относит образование социал-демократических кружков во Владивостоке к 1905—1906 годам, тогда как в действительности социал-демократические кружки появились там еще в 1899—1900 годах¹.

Неверно также утверждение автора, что «крестьяне Амура и Приморья остаются пассивными» (стр. 282) во время революции 1905—1907 годов. Амурское крестьянство реагировало на события 1905 года участием в первом съезде «амурских земледельцев» и попыткой создания крестьянского союза². В Приморье в конце декабря 1905 года брожение среди крестьян Южноуссурийского края было настолько сильным, что вынудило власти послать сотню казаков для ареста участников съезда и разоружения крестьян.

В начале февраля 1906 года к военному губернатору поступило донесение от начальника Гродековского участка, что крестьяне селений Григорьевка, Вознесенка, Поповка, Хороль, Прилуки и Новожатцы «подбивают казаков не слушаться своего начальства и стараться уничтожить его»³. Вскоре после этого поступило от пристава и крестьянского начальника Ханкайского участка донесение, в котором не только подтвердились прежние сведения относительно Григорьевской волости, но и сообщалось о том, что «крестьяне вели себя крайне вызывающе и дерзко и готовы были оказать даже вооруженное сопротивление»⁴.

По получении таких донесений и на основании циркулярного распоряжения министра внутренних дел военным губернатором было предписано: «Немедленно арестовать весь состав комитета южноуссурийского крестьянского союза как распространителей постановлений крестьянского съезда с ходатайством перед приамурским генерал-губернатором о высылке всех этих лиц во внутренние губернии. Крестьян селений Хороль, Поповка и Прилуки обезоружить»⁵. Исполнение этого приказа было поручено начальнику Южноуссурийского уезда Васильеву, а для содействия ему была дана сотня Нерчинского казачьего полка. Так обстояло дело с крестьянством.

На стр. 286, в статье о дальневосточной организации ВКП(б), говорится следующее: «После разгрома революции 1905 года и наступившего террора начинается массовый отход от объединенной

социал-демократической организации интеллигенции и мелкобуржуазных элементов. Аресты, ссылки и эмиграция активных большевиков ослабляют позиции сторонников революционного марксизма в объединенной социал-демократической организации, и меньшевики господствуют в последней почти безраздельно. Поэтому дальневосточная социал-демократическая организация, за единичными исключениями, занимает во время империалистической войны 1914—1918 годов или оборонческую или центристскую позицию. Февральская революция 1917 года не внесла в ряды социал-демократической организации радикальной, идейной и организационной размежевки...»

Вся эта «историческая справка» является голословным и абсолютно неверным утверждением, смазывающим деятельность большевистских организаций и отдельных групп большевиков в указанный период времени. Создается впечатление, что в период реакции на Дальнем Востоке большевики ступеньются, сходят со сцены, а меньшевики господствуют.

В действительности же на Дальнем Востоке в период реакции революционную работу в подполье повсюду вели только большевики, а меньшевики, за единичными исключениями, или совершенно отошли от политической борьбы или перешли на легальное положение. Дальневосточные большевики несмотря на свирепствовавшие репрессии, несмотря на разгром подпольных организаций и многочисленные аресты, ослабившие их силы, вели в годы реакции упорную работу за завоевание рабочих и солдатских масс и непримиримо боролись с оппортунизмом меньшевиков.

Приведем несколько примеров: после кровавого подавления карательными экспедициями генералов Меллер-Закомельского и Ренненкампаф читинского вооруженного восстания в январе—марте 1906 года и вскоре после разгрома местной социал-демократической организации большевиков, созданной здесь еще в 1898—1902 годах под руководством Ем. Ярославского, во Владивостоке в апреле 1906 года были оформлены социал-демократические группы большевиков. С этого момента Владивосток становится центром работы социал-демократических организаций большевиков в Приморье, которые охватывают своим влиянием все крупные центры области: Никольск-Уссурийск, Спасск, Хабаровск, Николаевск на Амуре.

В январе 1907 года в Никольск-Уссурийске проведена была первая конференция РСДРП, на которой присутствовали делегаты от Владивостока, Никольск-Уссурийска и Хабаровска. Конференция вынесла большевистские решения, что подтверждается хотя бы вводной частью резолюции, принятой конференцией по вопросу о «ближайших политических задачах», в которой сказано: «Революционная борьба с само-

¹ Сборник «1905 г. на Дальнем Востоке», стр. 138—140. Владивосток. 1925.

² «Красное знамя» от 27 января 1926 года.

³ Сборник «1905 г. на Дальнем Востоке», стр. 138—140. Владивосток. 1925.

⁴ «Красное знамя» от 27 января 1926 года.

⁵ Там же.

державием может закончиться только путем вооруженного восстания»¹.

Большевистское направление приморских социал-демократических групп того периода устанавливается и официальными судебными материалами, в которых говорится, что «устав и программа деятельности (этих групп. — В. Г.) не заключают в себе каких-либо особенностей, которые бы выделяли местные организации из общей массы социал-демократов-большевиков»².

В 1907 году во Владивостоке произошло организационное размежевание большевиков и меньшевиков. Большевики обзавелись собственной подпольной типографией и развили интенсивную работу среди рабочих и солдатских масс области.

Весной 1909 года в Хабаровске существовала большевистская группа, имевшая связь с харбинской социал-демократической организацией. С конца 1908 по 1910 год включительно член читинской организации большевиков тов. Губельман устанавливал связи между Владивостоком, Никольск-Уссурийском и Хабаровском³ (в феврале 1910 года он был арестован во Владивостоке и приговорен к каторжным работам на 8 лет).

С августа 1910 по май 1911 года группа большевиков во главе с тов. В. Бородавкиным вела революционную работу в Никольск-Уссурийске и пыталась создать там свою организацию, но 16 мая 1911 года члены группы были арестованы жандармами. По делу этой группы никольск-уссурийским жандармским ротмистром Сурковым было вынесено следующее заключение: «Означенные в сей переписке лица направления социал-демократического и при благоприятных условиях могут служить основным революционным кадром для перехода к активной широкой деятельности, а посему дальнейшее пребывание их в крае является нежелательным»⁴.

С 1913 года охранкой фиксируется социал-демократическая пропаганда во Владивостоке студента Владивостокского института Л. М. Карахана и устанавливается его связь по вопросам постановки партийной работы с тов. К. Сухановым⁵, находившимся в то время в Петербурге.

В июне 1916 года приехавшим из Петрограда во Владивосток К. Сухановым были проведены собрания и массовки рабочих, на которых он выступал с ра-

зоблачением социал-шовинистических лозунгов «защиты отечества». 18 июля тов. Суханов с группой рабочих был арестован.

Так фактически обстояло дело с деятельностью социал-демократических организаций большевиков и меньшевиков в период реакции в Приморье.

Что же происходило в это же время в Забайкалье? По справкам активных членов читинской организации большевиков подпольного периода тт. М. Губельмана и Перевозчикова, уцелевшие после разгрома читинской социал-демократической организации большевиков рабочие-большевики продолжали вести революционную работу вплоть до империалистической войны. Объединенных с меньшевиками организаций в период реакции не существовало. Меньшевики имели группу теоретически хорошо подготовленных интеллигентов, но они отнюдь не «господствовали» в рабочих массах; наоборот, там преобладало влияние большевиков.

В Чите за период 1906—1915 годов революционную работу среди рабочих вели следующие большевики: М. Губельман, Кривоносенко, Чаплинский, Бабайлов, Перевозчиков, Наханович, братья Хавские, Тюнис, Ф. Кузнецов, Ф. Дриго, Ф. Мужин, В. Соколов и др.

Летом 1915 года бежавший из тюрьмы тов. Фрунзе прибыл в Читы, где он вел революционную работу и проживал под фамилией Васильченко, но вскоре тов. Фрунзе должен был скрыться из Читы.

Приведенные здесь документы и справки активных участников подпольных организаций большевиков на Дальнем Востоке того периода, бесспорно, подтверждают ошибочность утверждений автора о существовании якобы в период реакции и позднее на Дальнем Востоке «объединенных» социал-демократических организаций большевиков и меньшевиков, в которых «меньшевики господствовали почти безраздельно», и о том, что в период империалистической войны социал-демократические организации Дальнего Востока, «за единичными исключениями», занимали оборонческую или центристскую позицию.

Так же неверно утверждение автора, что «февральская революция 1917 года не внесла в ряды социал-демократической организации радикальной идейной и организационной размежевки». Что касается «организационной размежевки», то она не могла быть проведена в тот момент лишь только потому, что во многих социал-демократических организациях в первый период февральской революции большевики насчитывались единицами, но это не было мирным сожителем двух разнородных политических партий: с первых же дней февральской революции «внутри формально объединенных организаций происходила непрерывная обостренная борьба, приводящая к окончательному разрыву орга-

¹ «Красное знамя» от 20 декабря 1925 года.

² Там же.

³ «Красное знамя» от 21 августа 1928 года.

⁴ Далькрайархив. Дело никольск-уссурийского розыскного пункта о ликвидации группы социал-демократов. 1910—1911 гг.

⁵ Председатель Владивостокского совета Р и СД в 1917—1918 году, большевик. Убит интервентами во Владивостоке в июле 1918 года.

низационной связи между большевиками и меньшевиками...»¹.

То же самое подтверждает и тов. Булыгин, который писал, что «дальневосточная большевистская организация с первых же дней февральской революции вела борьбу с мелкобуржуазными партиями: эсерами и меньшевиками,—разоблачая их контрреволюционность и предательство по отношению к рабочему классу»². Вот как в действительности обстояло дело с идейной и организационной размежкой у большевиков и меньшевиков на Дальнем Востоке.

Даже владивостокская буржуазная газета «Далекая окраина», подводя итоги деятельности местных социал-демократических организаций в начальный период февральской революции, вынуждена была констатировать: «Если судить по последним резолюциям местной социал-демократической группы, то можно заметить, что большевистское интернационалистское течение преобладает над меньшевистским и оборонческим»³.

То же было и в Чите. И прав тов. Цыпкин, когда он пишет: «В действительности расхождения между большевиками и меньшевиками Читы заключались не в деталях, а в основном—в различии взглядов на характер мировой войны и способы ее прекращения»⁴.

В Хабаровске в момент февральской революции было только два большевика, причем один из них—председатель комитета общественной безопасности большевик Малышев—вынужден был некоторое время скрываться, ввиду угрожавшей ему со стороны эсеро-меньшевицки настроенной обывательщины расправы.

В начале июля 1917 года в Хабаровске проведена была первая краевая конференция объединенных организаций РСДРП. Эта «конференция выявила непримиримость большевиков к оппортунизму и соглашательству меньшевиков и неизбежность полного организационного разрыва с ними»⁵. Даже буржуазная газета «Далекая окраина» отмечала, что дальневосточные большевики благодаря свойственной им энергии руководят всеми социал-демократами данной местности и «диктаторствуют» в партии на добрых 90%»⁶.

В рецензируемой статье, на стр. 286, го-

¹ С. Цыпкин «Дальневосточные большевики на путях к Октябрю», стр. 56. Дальпартиздат. 1934.

² С. Булыгин «Октябрьская революция и советы на Дальнем Востоке», стр. 14. Дальгиз. 1932. Истпартотдел Далькрайкома ВКП(б).

³ «Далекая окраина» № 302 за 1917 год. Владивосток.

⁴ С. Цыпкин «Дальневосточные большевики на путях к Октябрю», стр. 74.

⁵ Там же, стр. 67.

⁶ Там же, стр. 67—68.

ворится: «В сентябре 1917 года на краевой конференции раскол оформляется и образуются самостоятельные краевые центры меньшевиков и большевиков, объединившихся с интернационалистами. Большевики и интернационалисты закупают партийным аппаратом, типографиями и газетами».

Все, что сказано в этом абзаце об объединении большевиков с интернационалистами и совместном с ними захвате партаппарата, типографий и газет,—сплошной вымысел и небылица. Никакого объединения большевиков с интернационалистами на этой конференции не происходило. К этому времени интернационалисты выступали против большевиков единым фронтом с меньшевиками, и различия между ними почти не было. Лидер хабаровских и дальневосточных интернационалистов Вакулин на этой конференции возглавлял борьбу против большевиков. Интернационалисты, как и меньшевики, являлись яркими противниками установления власти советов и в момент ее утверждения демонстративно ушли из советов вместе с меньшевиками и правыми эсерами⁷.

Касаясь периода, предшествовавшего падению советов в 1918 году, автор пишет: «В связи с непосредственной опасностью для революции в ряде областей, где в советах пользовались значительным влиянием левые эсеры, большевики организуют «тройки» по обороне, которым передается полнота фактической власти...» (стр. 283).

Говорить о «значительном» влиянии левых эсеров в советах «в ряде областей» рискованно, тем более, что автор даже не указывает, где именно это влияние было «значительным».

Мы имеем все основания утверждать, что левые эсеры в важнейших областях никаким «значительным» влиянием в советах не пользовались и самостоятельного значения вообще не имели. Там, где в советах и имелись левые эсеры, они по вопросам обороны от интервентов и белогвардейцев стояли на позициях большевиков.

Дальше, на стр. 286, автором допущена грубая хронологическая неточность: автор пишет, что в 1923 году белогвардейцы во главе с генералом Пепеляевым отправлялись в вооруженную экспедицию на Камчатку. В действительности же экспедиция Пепеляева была отправлена на Камчатку еще в 1922 году.

Наличие перечисленных грубейших искажений и ошибок в указанных очерках свидетельствует о том, что редакция БСЭ в отдельных случаях недостаточно внимательно и осторожно подходила к подбору авторов и некритически отнеслась к качеству помещаемых статей, всецело положившись в этом отношении на недостаточно проверенный авторский состав.

⁷ Дальистпарт. Книга 3-я, стр. 19. Владивосток. 1925.

В. Лосев

«Сормово на баррикадах 1905 года»
Горьковское издательство. 136 стр. 1 р. 65 к.

Рецензируемая книга выпущена Сормовским комитетом ВКП(б) к тридцатилетней годовщине вооруженного восстания в Сормове в декабре 1905 года.

Это восстание имело большое значение в истории русского революционного движения и в истории нашей партии.

Владимир Ильич придавал декабрьскому вооруженному восстанию 1905 года исключительное значение. «Это движение велико,—писал он,—потому, что пролетариат показал здесь на опыте возможность завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России, показал, «как это делается», показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи. Декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений»¹.

Такая оценка восстания Лениным обязывает к очень внимательному отношению при выпуске в свет работ, посвященных этому вопросу, хотя бы и в пределах какой-либо одной местности. Тем более, что теперь в нашем распоряжении имеются богатейший архивный материал и большое количество новых документов.

Составители книжки отнеслись к выполнению своей задачи крайне невнимательно. В выпущенном сборнике основной теме посвящены, собственно, только две статьи: воспоминания тов. Котова — «Боевые дни 1905 г.», — ранее напечатанные в журнале «Пролетарская революция», и статья П. Мочалова «Боевая дружина». Воспоминания тов. Котова дают некоторое представление об агитационной и пропагандистской работе сормовской и нижегородской партийных организаций весной и летом 1905 года и о столкновениях дружинников с черной сотней и полицией. Статья Мочалова, начальника Сормовской боевой дружины, дает довольно обстоятельное описание самых событий: постройку баррикад, защиты их дружинниками, боев с царскими войсками, а также ряд сведений о том, как организовывалась дружина и пр. Но ни тов. Котов, ни тов. Мочалов не показывают развернутой картины событий в целом, освещая только некоторые ее части и отдельные эпизоды.

Слабо освещена деятельность партийных организаций, нижегородской и сормовской, не только в статьях Мочалова и Котова, но и в статье тов. Лядова, являющейся как бы предисловием к книге. Нет анализа выпущенной организа-

циями за это время агитационной литературы. Мало уделено внимания роли меньшевиков, на словах принимавших восстание, а на деле саботировавших его. Так например тов. Лядов на стр. 15 пишет: «Просматривая выпущенные за это время (лето и осень 1905 года) «Объединенным комитетом» прокламации, мы видим, что они смазывают основные большевистские лозунги, не мобилизуют массы на подготовку к вооруженному восстанию».

Имея на руках такой прекрасный материал, автор статьи не дает конкретного анализа его, не показывает, как и чем в своих прокламациях и листовках «Объединенный комитет» подменяет революционные лозунги, куда он старается направить революционную энергию масс. На стр. 17 автор пишет, что «благодаря предыдущему локауту (на сормовском заводе) сормовские рабочие не примкнули к всеобщей политической забастовке, охватившей всю Россию в первой половине октября», но что после получения известия о манифесте, о свободах и Думе 18 октября «на митинге была решена всеобщая забастовка, и тут же было решено отправиться в город и там освободить из тюрем сидящих товарищей» (стр. 17—18).

Думается, что анализ литературы, выпускаемой в то время «Объединенным комитетом» и «Сормовской рабочей группой» (меньшевистской), показал бы, что революционную энергию рабочих тормозил не только локаут, но и дезорганизаторская деятельность меньшевиков. Это надо было показать еще и потому, что по этому вопросу в статьях Котова и Мочалова нет почти ничего.

Таким образом, основная тема книги разработана слабо. Создается впечатление, что составители сборника слишком поздно вспомнили о наступающем тридцатилетнем юбилее сормовского вооруженного восстания и наспех стали готовить книгу.

Остальные две статьи сборника: статья тов. Яковлева «Сормово в прошлом веке» и Заломова «О сормовском заводе и демонстрации в 1902 году» — прямого отношения к теме не имеют: они рисуют как бы предысторию сормовских событий в декабре 1905 года, и поскольку само вооруженное восстание освещено слабо, то и наличие в сборнике этих статей, занимающих почти половину книги, не оправдано.

Не совсем удовлетворительно написана и статья тов. Лядова.

В основном правильно изложив в начале статьи отношение большевиков к восстанию и крестьянству, к партийной дисциплине и пр., тов. Лядов переходит, далее (стр. 8 и сл.), к характеристике сормовской и нижегородской организаций. Здесь автор устанавливает, что обе организации с самого зарождения развивались под руководством нашего учителя В. И. Ленина, что «после II съезда они стали определенно на твердо большевистскую точку зрения», что «мень-

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 266.

швейки не имели почти никакого влияния на сормовских рабочих». Все это совершенно правильно, но дальше у тов. Лядова оказывается, что в Сормове у меньшевиков не только была своя «Сормовская рабочая группа», но, по словам самого же автора (стр. 12), она «вне всякого сомнения, немало способствовала целому ряду ошибок, проделанных в ходе революции нижегородскими и сормовскими рабочими». Оказывается, что сормовичи делегатом на III съезд послали меньшевика Редозубова, который вместо нашего съезда поехал на конференцию меньшевиков. Поскольку ни тов. Лядов, ни авторы других статей сборника не объясняют этого факта, для читателя так и остается непонятным, как это все произошло.

К книге приложен календарь революционных событий от 17 ноября по 18 декабря 1905 года в Н. Новгороде, Канавине и Сормове. Календарь составлен неудачно: наряду с важными сообщениями он дает и такие, которые совершенно не характерны. Так, на стр. 123 говорится об утверждении устава профсоюза швейников в Н. Новгороде. В отдельных местах календарь вызывает недоумение, например на стр. 129 говорится:

«26 (13) декабря. Н. Новгород. Началась всеобщая политическая забастовка.

В 2 часа остановился трамвай...».

На стр. 130 под этим же числом сообщается, что в том же Н. Новгороде «в народном доме вечером состоялось

общее собрание РСДРП. Обсуждался вопрос о прекращении забастовки». И дальше, на стр. 132, говорится, что в Н. Новгороде «забастовка продолжалась. Брошена бомба в почтово-телеграфную контору».

Таким образом, на протяжении нескольких часов происходят события, не связанные и даже противоречащие друг другу. Из 60 отдельных сообщений календаря на долю сормовских событий, которым посвящена книга, приходится только около 15 сообщений.

Составители сборника выпустили в свет слабую книжку. А между тем на том материале, который уже имеется по этому вопросу, можно было бы дать ценную сводную работу, используя такие работы, как книга Безрукова А. «Сормово», Белозерова А. А. «Записки по рабочему движению Нижегородского края», сборник, изданный Сормовским истпартом в 1926 году, четыре тома «Материалов по истории революционного движения» под редакцией В. Т. Илларионова, издания Нижегородского губернского комитета РКП(б), и т. д. Все эти книги содержат много яркого и интересного материала. Если бы Сормовский и Горьковский истпарт критически проработали все эти материалы и использовали записи вечеров воспоминаний старых рабочих—участников событий,—то получилась бы ценная работа, делающая новый вклад в литературу по истории революционного движения.

«Древнерусские летописи». Перевод и комментарии В. Панова, редакция В. Лебедева. 1936. 390 стр. 16 руб.

«Древнерусские летописи» представляют собой крупный исторический памятник и вместе с тем заключают в себе прекрасные образцы литературы — художественного творчества XI—XIV веков.

В настоящем издании из летописных сводов взято в русском переводе лишь то, что представляет собой литературный интерес, но и эта часть летописей раскрывает основные линии социальных взаимоотношений той эпохи древней Руси.

В вводной статье к переводу и в комментариях дана характеристика исторической обстановки Киевской Руси, где создавались летописи*.

Н. А. ЛЕВИЦКИЙ «Русско-японская война 1904—1905 гг.». Госвоениздат. Москва. 1935. 316 стр. 5 р. 50 к.

Настоящая книга представляет собой исследование, посвященное русско-японской войне 1904—1905 годов. Автор освещает планы сторон, театр военных действий и* дает развернутое описание важнейших боевых операций с соответствующей оценкой методов управления и работы штабов и командования. Труд предназначен для слушателей военных академий, командного и начальствующего состава РККА*.

«Партизанское движение в Западной Сибири в 1918—1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова». Сборник документов подготовил к печати К. Селезнев. Западносибирское краевое издательство. Новосибирск. 1936. 371 стр. 7 руб.

Сборник документов «Партизанское движение в Западной Сибири», изданный Истпартоотделом Западносибирского крайкома ВКП(б) и Краевой Комиссией по истории гражданской войны, включает в себя главным образом официальные документы: документы Главного штаба и главнокомандующего партизанской армии, документы корпуса Громова и отдельных отрядов. Подавляющее большинство документов публикуется впервые. В сборнике имеется несколько отрывков из воспоминаний участников партизанского движения, помогающих более полному освещению ряда важных моментов партизанского движения в Западной Сибири.

Н. Н. ЛАЖЕЧНИКОВ «Ледяной дом». Серия исторических романов. Журнально-газетное объединение. Москва. 1936. 382 стр. 3 руб.

Роман «Ледяной дом», принадлежащий перу известного писателя первой половины XIX века, Н. Н. Лажечникову, считается одним из наиболее удачных про-

изведений, посвященных историческим сюжетам.

«Ледяной дом» — это один из первых русских исторических романов, обладающих живым и сильным историческим сюжетом. Действия романа разворачиваются на фоне царствования Анны Иоанновны (1730—1740 годы). В некоторых своих картинах роман верен исторической действительности и не лишен социальной остроты, но в целом он не является исторически точным. Роман переиздан с некоторыми сокращениями. Все малоизвестные слова и выражения объяснены примечаниями в конце книги.

«Исторический сборник Академии наук» № 5. Издательство Академии наук СССР. 1936. 379 стр. 13 руб.

«Исторический сборник Академии наук» № 5 полностью помещает постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 26 января 1936 года, а также решения партии и правительства по вопросу о положении на историческом фронте. В этом же сборнике напечатаны замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова о конспектах учебников по истории СССР и новой истории.

«Сборник» № 5 включает в себя также следующие статьи:

С. И. Архангельский «Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в.»;

П. Г. Любимов «Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России»;

Б. П. Козьмин «А. А. Серпо-Соловьевич в I интернационале и в женевском рабочем движении»;

С. Н. Драницын «К вопросу об экономических корнях восстания в 1863 году в Польше»;

Е. Н. Петров «Социальная роль общинного землевладения во Франции перед революцией».

В «Историческом сборнике» № 5 имеются интересные сведения о новых арабских материалах по истории Шамиля, об экономической истории Испании XVI века, о возникновении Российско-американской компании и др.

ЛЮЦИАН КЛИМОВИЧ «Ислам в царской России». Очерки. Государственное антирелигиозное издательство. 1936. 407 стр. 6 р. 70 к.

Работа, т. Климовича посвящена истории ислама у народов СССР до февральской революции. В ряде монографических очерков, основанных в значительной части на новом материале, рассмотрены вопросы об исламе как орудии внутренней и внешней политики русского империализма, о происхождении и классовой сущности мусульманского сектантства, о классовых позициях реформистских течений в исламе, о роли му-

сульманских религиозных организаций во время мировой войны. Книга рассчитана на подготовленного читателя*.

П. БАТАШЕВ «Ленский расстрел». Соцэкиз. 1936. 94 стр. 90 коп.

Книга тов. Баташева является переработанным изданием его работы «Ленская забастовка», выпущенной издательством ЦК ВКП(б) «Партиздат» в 1933 году. Автор описывает тяжелые условия жизни и труда в далекой тайге, жуткую эксплуатацию со стороны золотопромышленников, героическую борьбу ленских рабочих против капиталистического гнета и кровавую расправу 17 апреля 1912 года. Книга рассчитана на широкие круги читателей*.

Н. Н. ВОРОНИН «К истории сельского поселения феодальной Руси». Огиз — Соцэкиз. Ленинградское отделение. 1935. 75 стр. 1 р. 50 к.

Работа Н. Н. Воронина представляет собой попытку подойти к проблеме сельского поселения в феодальной Руси по-новому, с учетом того, что сделано марксистской историографией по разработке истории феодализма в России. Основная предпосылка, из которой исходит автор в своем исследовании — изучение истории форм сельских поселений на фоне и в связи с общим процессом развития феодализма в России, — позволила Н. Н. Воронину сделать ряд ценных выводов и наблюдений о природе так называемого погоста.

Работа тов. Воронина может служить пособием для студентов исторических вузов и аспирантов.

Р. МЮР «Как управляется Британия». Перевод с английского Р. Столлера с предисловием П. Лапинского. Соцэкиз. Москва. 1936. 309 стр. 4 р. 25 к.

Книга видного деятеля либеральной партии Р. Мюра дает фактическую картину механизма государственного управления в современной Англии, ярко показывает далеко зашедший процесс глубокого перерождения ее парламентского строя и концентрацию диктаторской фактической власти в руках узкого кру-

га непосредственных ставленников монополистического капитала. В русском переводе книга Р. Мюра подверглась незначительному сокращению за счет отдельных высказываний автора, не представляющих интереса для советского читателя*.

А. В. МИШУЛИН «Спартакоское восстание». Революция рабов в Риме в I веке до н. э. Москва. 1936. 291 стр. 6 руб. Соцэкиз.

Работа А. В. Мишулина излагает историю восстания рабов под предводительством Спартака в древнем Риме. Ряд данных, касающихся спартакоского восстания, публикуется в этой работе впервые.

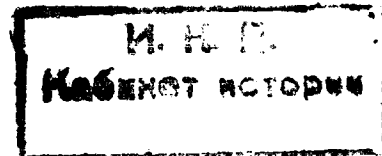
Автор дает спартакоское восстание на фоне восстания рабов на Востоке, в Греции и Риме в доспартакоское время, рассматривая восстание Спартака как один из этапов революции рабов, приведшей к ликвидации рабовладельческого общества.

Вторая часть работы А. В. Мишулина представляет выдержки из трудов греческих и римских историков, касающихся восстаний рабов и крестьянских движений в древнем Риме; последним автор уделяет место и в тексте своего труда*.

Х. З. ГАБИДУЛЛИН «Младотурецкая революция». Исторические очерки. Соцэкиз. Москва. 1936. 226 стр. 2 р. 50 к.

Книга Х. З. Габидуллина «Младотурецкая революция» дает представление о предыстории и самой истории младотурецкого движения. Автор в своей работе характеризует общественно-экономические отношения в Османской империи до младотурецкой революции, подробно останавливается на борьбе империалистов за Турцию и превращение последней в полуколонию, завоевании власти младотурками, наконец, вовлечении Турции в империалистическую войну и крахе младотурецкой партии*.

Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

ПОПРАВКИ.

В № 6 «Борьбы классов» за 1936 г. на стр. 67, левая колонка, 16—17-я строки сверху, ошибочно указано, что шестое гуннов на Европу произошло за три века до нашей эры; событие это относится к V в. н. э.

На стр. 33, правая колонка, 25-я строка сверху, следует читать: «до появления готов (IV в. н. э.)».

✽

сульманских религиозных организаций во время мировой войны. Книга рассчитана на подготовленного читателя*.

П. БАТАШЕВ «Ленский расстрел». Соцэкиз. 1936. 94 стр. 90 коп.

Книга тов. Баташева является переработанным изданием его работы «Ленская забастовка», выпущенной издательством ЦК ВКП(б) «Партиздат» в 1933 году. Автор описывает тяжелые условия жизни и труда в далекой тайге, жуткую эксплуатацию со стороны золотопромышленников, героическую борьбу ленских рабочих против капиталистического гнета и кровавую расправу 17 апреля 1912 года. Книга рассчитана на широкие круги читателей*.

Н. Н. ВОРОНИН «К истории сельского поселения феодальной Руси». Огиз — Соцэкиз. Ленинградское отделение. 1935. 75 стр. 1 р. 50 к.

Работа Н. Н. Воронина представляет собой попытку подойти к проблеме сельского поселения в феодальной Руси по-новому, с учетом того, что сделано марксистской историографией по разработке истории феодализма в России. Основная предпосылка, из которой исходит автор в своем исследовании — изучение истории форм сельских поселений на фоне и в связи с общим процессом развития феодализма в России, — позволила Н. Н. Воронину сделать ряд ценных выводов и наблюдений о природе так называемого погоста.

Работа тов. Воронина может служить пособием для студентов исторических вузов и аспирантов.

Р. МЮР «Как управляется Британия». Перевод с английского Р. Столлера с предисловием П. Лапинского. Соцэкиз. Москва. 1936. 309 стр. 4 р. 25 к.

Книга видного деятеля либеральной партии Р. Мюра дает фактическую картину механизма государственного управления в современной Англии, ярко показывает далеко зашедший процесс глубокого перерождения ее парламентского строя и концентрацию диктаторской фактической власти в руках узкого кру-

га непосредственных ставленников монополистического капитала. В русском переводе книга Р. Мюра подверглась незначительному сокращению за счет отдельных высказываний автора, не представляющих интереса для советского читателя*.

А. В. МИШУЛИН «Спартакосское восстание». Революция рабов в Риме в I веке до н. э. Москва. 1936. 291 стр. 6 руб. Соцэкиз.

Работа А. В. Мишулина излагает историю восстания рабов под предводительством Спартака в древнем Риме. Ряд данных, касающихся спартакосского восстания, публикуется в этой работе впервые.

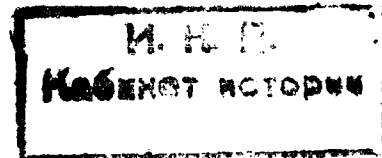
Автор дает спартакосское восстание на фоне восстания рабов на Востоке, в Греции и Риме в доспартакосское время, рассматривая восстание Спартака как один из этапов революции рабов, приведшей к ликвидации рабовладельческого общества.

Вторая часть работы А. В. Мишулина представляет выдержки из трудов греческих и римских историков, касающихся восстаний рабов и крестьянских движений в древнем Риме; последним автор уделяет место и в тексте своего труда*.

Х. З. ГАБИДУЛЛИН «Младотурецкая революция». Исторические очерки. Соцэкиз. Москва. 1936. 226 стр. 2 р. 50 к.

Книга Х. З. Габидуллина «Младотурецкая революция» дает представление о предыстории и самой истории младотурецкого движения. Автор в своей работе характеризует общественно-экономические отношения в Османской империи до младотурецкой революции, подробно останавливается на борьбе империалистов за Турцию и превращение последней в полуколонию, завоевании власти младотурками, наконец, вовлечении Турции в империалистическую войну и крахе младотурецкой партии*.

Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

ПОПРАВКИ.

В № 6 «Борьбы классов» за 1936 г. на стр. 67, левая колонка, 16—17-я строки сверху, ошибочно указано, что шестое гуннов на Европу произошло за три века до нашей эры; событие это относится к V в. н. э.

На стр. 33, правая колонка, 25-я строка сверху, следует читать: «до появления готов (IV в. н. э.)».

✽

СОДЕРЖАНИЕ

И. РАБИНОВИЧ —Завоевание Туркмении царскими войсками (1883—1885)	1
А. ЗОРИН —Киргизская АССР	12
И. СИВКОВ —Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX в.)	24
П. ЕФРЕМОВ —Социальный кризис в Московском государстве в начале XVII века	36

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 г.

А. ДРЕЗЕН —Военные восстания на Балтике в 1906 г.	51
--	----

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Г. РЕЙХБЕРГ —Гамовский мятеж (из истории борьбы за власть советов на Амуре в 1918 г.)	64
С. ШОРОХОВ —Николаевские рабочие в борьбе с интервенцией 1918 г. Воспоминания)	75

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

В. СЕРГЕЕВ —Эпоха военных диктатур конца Римской республики	85
--	----

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

В. ВАСЮТИНСКИЙ —„Славная революция“ в Англии (1688—1689)	98
---	----

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Л. ПЕРЕПЕЧЕНОВА —Крещение бурят. (Церковь на службе самодержавия)	110
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

И. РЕЙСНЕР —Франсуа Бернье „История последних политических переворотов в государстве Великого Могола“	115
В. ГОЛИЦКО —Об искажении истории партии и гражданской войны на Дальнем Востоке в Большой советской энциклопедии	120
В. ЛОСЕВ —Сборник „Сормово на баррикадах 1905 г.“	125

КНИЖНАЯ ПОЛКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. М. ВОЛИН (отв. редактор), А. М. ПАНКРАТОВА (зам. отв. редактора), О. С. ВЕЙЛАНД (отв. секретарь), С. С. БАНТКЕ, Т. М. ДУБЫНА

Зав. редакцией В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕЧЕНКО

Зав. худож. отд. Ю. ЦИШЕВСКИЙ

Подбор иллюстрационного материала И. ФИЛИМОНОВОЙ

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д-3-30-48. Прием в редакции от 10 до 3 дня